

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторический
журнал № 6 (69) июнь, 2022

S. Nikas

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Рад поздравить вас с выходом июньского, «пушкинского» номера литературно-исторического журнала «Александръ». Без малого шесть лет издаётся журнал «Александръ», и через каждый номер красной линией проходит тема русского Гения, в честь которого и назван наш журнал. При этом поражает, что чем больше мы изучаем и публикуем материалов об Александре Сергеевиче, тем больше произведений получаем от наших авторов и открываем с вами, дорогие читатели, Поэта с новой стороны.

Хочется напомнить, что основная задача, которую ставит перед собой редакция журнала «Александръ», – это защита русского языка. А ведь именно Александр Сергеевич Пушкин и создал русский литературный язык для всех будущих поколений литераторов и читателей. Пушкинский язык – это улыбочность, бодрость, мудрость, вольность, грусть, он вооружает нас мужеством и надеждой, что даже в такие печальные для нашей страны времена, как нынешнее, жива и сильна пушкинская гармония.

Уверен, дорогие читатели, что номер «Александра», вышедший ко дню рождения Александра Сергеевича Пушкина, не разочарует вас и подарит прекрасное летнее настроение.

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

Александр Пушкин

Я ЖИЛ ТОГДА В ОДЕССЕ ПЫЛЬНОЙ...

Каждый очередной день рождения Александра Сергеевича Пушкина для нас праздник. Это день памяти великого русского поэта. Это чудесное благо, что мы на какое-то время отстраняемся от будничной суеты, переключаемся на его стихи, которые уносят нас в далёкие времена и события. Но при этом благодаря его удивительно точным и образным строкам мы можем следить за его взглядом, слышать его мысли и почти реально ощущать переживания русского гения.

В своё время судьба подарила мне знакомство с местами пребывания Александра Сергеевича в Одессе. Неповторимые ощущения незримого присутствия чего-то находящегося рядом, словно за невидимой закрытой дверцей, за которой чувствуется дыхание далёкой эпохи, возникают рядом с теми местами, где бывал поэт: на мощёных мостовых, под старыми мудрыми платанами, в мемориальных залах и комнатах, пропитанных ароматами прошедших веков...

С пребыванием Пушкина в Одессе связано немало романтических историй. Пылкая, впечатлительная натура поэта одним своим присутствием порождала массу поводов для различных домыслов. Существует легенда и о планах поэта тайно уплыть в далёкую Италию... Только вот сам Пушкин для себя другого отечества не видел: «...я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора – меня раздражают, как человек с предрассудками – я оскорблен, – но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам бог ее дал» (письмо П. Я. Чаадаеву, 19 октября 1836 года).

Юрий ВАСЮНЬКИН,
заслуженный работник культуры РФ

СЛАВЯНСКИЙ ФОРУМ ИСКУССТВ
ЗОЛОТОЙ ВЕК

Журнал издан за счёт благотворительной помощи, оказанной Фондом
«Рассказовский» и директором ФГБНУ ФНЦ садоводства
Иваном Михайловичем Куликовым

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

секретарь Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

В. С. Аршанский (Мичуринск), почётный гражданин Тамбовской области, член СПР, заслуженный работник культуры;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Г. В. ИВАНОВ (Москва), поэт, первый секретарь Союза писателей России;

В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва), директор Центра «Святые Лавры Руси Православной»;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

Никас САФРОНОВ (Москва), заслуженный художник РФ, академик Российской академии художеств, профессор, член Союза писателей России;

С. А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан). Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 6 (69), июнь 2022 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 1.06.2022 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13, Союз писателей России.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 12 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60х90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в типографии Book Jet:

390005, г. Рязань, ул. Пушкина, д. 18

Сайт: <http://bookjet.ru>, почта: info@bookjet.ru

Тел. +7(4912) 466-151

ISSN 2542-0135

В НОМЕРЕ:

ТЕМА НОМЕРА

6 Юрий Васюнькин.
«Уехал в тень лесов Тригорских...»

10 Николай Полотнянко.
Стихи о Пушкине

МАСТЕР СЛОВА

12 Татьяна Шорохова.
«Бывают странные сближенья...»

ПУШКИНИАНА

18 Лев Нецветаев.
Натали

ПУШКИНСКИЙ КЛУБ

25 Виктор Елисеев.
Друг Пушкина и Бетховена

29 Александр Балтин.
Живое пламя Пушкина

32 Илья Криштул.
Пушкин и «Ветер с моря дул...»

33 Фотография

ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

36 Валентина Останина.
Сегодня...

ПОЭЗИЯ

37 Валентина Дорожкина.
Мир и хлеб

42 Марина Щенятская

РЕЦЕНЗИИ

45 Нина Ищенко.
«Мы стали чёрным хлебом на войне»: военный Донбасс в стихотворении Елены Заславской «Чёрный хлеб»

47 «Русский Лавкрафт»: ледяной поход по зимнему Донбассу

БАСНИ

50 Валерий Румянцев

ДЕТЕКТИВ

53 Виктор Усов.
Мастера создания казус белли

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

62 Екатерина Пермьякова

64 Эльдар Ахадов

68 Валентина Коростелёва

71 Инна Дёмина.
К вопросу о патриотизме

МАЛАЯ РОДИНА

73 Николай Макаров.
Сорок лет спустя...

ПРЕОДОЛЕНИЕ

80 Марина Шеремета.
«Я такой, какой я есть»

СЕВАСТОПОЛЬСКИЕ ТЕТРАДИ

84 Ирина Поливцева

86 Тамара Гордиенко.

88 Лёнька с Корабельной стороны

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

93 Александр Сергеев.
Всё как при Шолохове

«Уехал в тень лесов Пригорских...»

6 июня 1880 года, когда в Москве открывали памятник Пушкину, в Одессе над воротами дома № 13 по Итальянской улице была установлена мемориальная доска, свидетельствовавшая о том, что здесь было первое пристанище поэта. Почти 200 лет назад закончилась южная ссылка опального Пушкина, которую он отбывал сначала в Кишинёве, а затем в Одессе. Поэт провёл в Одессе тринадцать месяцев с 3 июля 1823 по 1 августа 1824 года. На юг России он был сослан императором Александром I «для дальнейшего прохождения службы», дабы «он обрел правильный образ мыслей истинного христианина и верноподданного».

...За окном бушевала метель, и колючая снежная крупа с дробным стуком билась об оконное стекло. Подрагивающее пламя свечей освещало стол, усеянный исписанными листами бумаги, поэта, задумчиво оперевшего курчавую голову на руку. Перо непроизвольно выводило женский профиль, и мысли его были далеко от заснеженного Михайловского: у него тёплого моря – в пёстрой шумной Одессе...

«...Немощные улицы, невысокие дома. Публичный, позже городской сад, наполненный более пылью, нежели зеленью, редкие фонари, в которых горел фитиль, смоченный очищенным конопляным маслом. В лунные же ночи фонари и вовсе не зажигали. В темноте дышало море, и зыбкая лунная дорожка добегала до самого берега, до черных скал, еще не остывших от полуденного зноя. А наверху, где только начали

устраивать бульвар, звенели в бурьянах цикады и темнел на фоне неба античный силуэт Городского театра», – так видел Одессу той поры литератор и краевед Р. Александров.

Со многих улиц города открывался отличный вид на море, усеянное парусниками различных стран: русскими, французскими, английскими, турецкими, шведскими. В тот год, когда туда приехал поэт, через порт прошло 142 отечественных и 274 иностранных корабля. На улицах молодого города бойко шла торговля. На Греческой улице и Греческом базаре торговали константинопольскими товарами, а по соседству расположен Красный переулок, знаменитый тем, что здесь продавали «красный товар»: русский ситец и лён, турецкие и лионские шелка, персидские шали и английскую шерсть.

Они были почти ровесники – молодой, бурно растущий город-порт и поэт, жадно вдыхавший витавший тут дух вольности и внимавший ярким краскам юга. Поэту только что исполнилось 24 года, и Одессе ещё не было тридцати. Этот период стал для Пушкина весьма плодотворным: здесь поэт создал более 30 стихотворений, закончил «Бахчисарайский фонтан», написал значительную часть поэмы «Цыгане» и около трёх глав романа «Евгений Онегин».

*Я жил тогда в Одессе пыльной...
Там долго ясны небеса,
Там хлопотливо торг обильный
Свои подьмлет паруса;
Там все Европой дышит, веет,
Все блещет югом и пестреет
Разнообразием живой.
Язык Италии златой
Звучит по улице веселой,
Где ходит гордый славянин,
Француз, испанец, армянин,
И грек, и молдаван тяжелый,
И сын египетской земли,
Корсар в отставке, Морали.*

На сегодняшний день в Одессе сохранилось немало мест, связанных с именем Пушкина. По приезде в Одессу поэт остановился

в Hotel du Nord на Итальянской улице (ныне Пушкинская, 13, где размещается литературный музей А. С. Пушкина). 6 июня 1880 года, когда в Москве открывали памятник Пушкину, над воротами этого дома была установлена мемориальная доска. С тех пор в этот дом по мостовой, выложенной камнями, привезёнными из Италии, совершили паломничество сотни тысяч людей. Но большинство своих произведений, в том числе вторую главу «Евгения Онегина», поэт написал в угловой комнате верхнего этажа отеля (принадлежавшего известному коммерции советнику Рено), что на углу Дерибасовской и Ришельевской (Дерибасовская, 10). Одним из любимых мест в Одессе, которое поэт посещал с удовольствием, был первый Одесский театр, который, к сожалению, не сохранился.

«Если говорить о ранних этапах развития Одессы, приходится констатировать, что итальянская Опера была первым городским культурным центром, появившимся задолго до

Ришельевского лицея, ученых обществ, музеев, периодических изданий. С другой стороны, все творческие силы молодого города были, если угодно, "заложниками" Оперы – здесь они не только внимали сладкоголосым солистам и восхищались "резвыми ножками" и "алыми губками" заезжих танцовщиц, не только общались, но и приобщались к общественно-политической жизни, – пишет пушкинист О. Губарь. – Здесь непременно бывали все именитые приезжие, здесь формировалось общественное мнение, обсуждались свежие торговые и политические новости, демонстрировались модные туалеты и даже заключались коммерческие сделки».

Согласно светским правилам, посещать Оперу было необходимо два-три раза в неделю, хотя билеты стоили весьма недорого: места в ложах продавались по цене от 5 до 35 рублей, тогда как жалованье Пушкина составляло около 60 рублей в месяц. При этом закатывались весёлые пирушки с друзьями и, конечно же, играли в карты, к которым поэт питал необычайную страсть. Надо сказать, что в игре ему не очень везло, и Пушкин постоянно был в долгах.

Но вернёмся в театр, который поэт живо описывает в «Евгении Онегине»:

*Но уж темнеет вечер синий,
Пора нам в оперу скорей:
Там упоительный Россини,
Европы баловень – Орфей.*

Именно в театре поэт рисует образ одесской красавицы Амалии Ризнич, чья необычная красота пленяла не только Пушкина, но многих его друзей:

*А ложа, где, красой блистая,
Негоциантка молодая,
Самолюбива и томна,
Толпой рабов окружена?
Она и внемлет и не внемлет
И каватине, и мольбам,
И шутке с лестью пополам!..*

Ей поэт посвятил такие стихотворения, как «Простишь ли мне ревнивые мечты?», «Ночь»,

«Для берегов отчизны дальней...». К сожалению, век её был недолог, вскоре она заболела, уехала лечиться к европейским медицинским светилам и там умерла.

Одесса подарила молодому поэту не одну пылкую влюблённость, но наиболее глубокий след в его судьбе оставило знакомство с Елизаветой Ксавьерьевной Воронцовой, женой генерал-губернатора графа М. С. Воронцова. На страницах одесских рукописей исследователи насчитали пятьдесят рисунков, изображающих Пушкина, и тридцать – Элизу, как называл её поэт. Её образ был перед ним во время написания одесских глав «Евгения Онегина»: густо взбитые вверх волосы с падающими на лоб завитками, прямой, чуть с горбинкой нос, красивая высокая шея – такой он рисует её на полях страниц романа. Уехав из Одессы, Пушкин писал Воронцовой трогательные послания, но их переписка осталась для исследователей тайной... Через некоторое время графиня Воронцова родила дочь Софью, которую генерал-губернатор в силу разных обстоятельств не признавал и которой волею судеб надлежало стать его единственной наследницей.

Взаимоотношения же поэта с М. С. Воронцовым были натянутые, если не сказать резко. Не стоит забывать, что Пушкин состоял на службе в чине коллежского секретаря и был обязан исполнять предписания генерал-губернатора, которыми тот хотел указать слишком независимому подчинённому его место. Так, Пушкину надлежало регулярно являться в канцелярию, где он в мае 1824 года получил направление на «собрание сведений о саранче в уездах: Херсонском, Александрийском и Елисаветинском». Здесь же ему выдавали жалованье, которое поэт называл «пайком ссылочного невольника». Конечно, эта командировка для Пушкина, имевшего уже всероссийскую славу, была унижительна. Он никуда не поехал, но дал отчёт в стихах:

*Саранча летела, летела
И села,
Сидела, сидела – все съела
И вновь улетела.*

Что нам ещё известно о взаимоотношениях поэта и генерал-губернатора? Со школьной скамьи перед глазами хлёсткая эпиграмма поэта, представляющая графа: «полумилорд, полукупец...». Скорее всего, эти строки, написанные молодым поэтом в силу его вспыльчивого характера, не соответствуют действительности. Граф М. С. Воронцов, герой Отечественной войны 1812 года, на посту генерал-губернатора очень многое сделал для развития края. Более того, некоторые исследователи творчества поэта утверждают, что со временем их отношения претерпели внушительную эволюцию. Но это произойдёт годы спустя...

А пока, летом 1824 года, над головой поэта сгустились тучи. 29 июля Пушкина вызвали к одесскому градоначальнику и под подписью ознакомили с предписанием М. С. Воронцова: «Без промедления отправиться из Одессы к месту назначения в губернский город Псков». Случись Пушкину получить предписание пятью-шестью днями раньше, его жизнь могла бы круто измениться. Во-первых, к этому времени он подал прошение об отставке и мог считать себя свободным от службы. Во-вторых, с 15 по 24 июля в одесском порту стоял бриг «Элиз», названный в честь графини Воронцовой. Капитаном брига был Гаэтано Морали. Помните? «И сын египетской земли, / Корсар в отставке, Морали». К нему поэт питал самые добрые чувства: «У меня лежит к нему душа, кто знает, может быть, мой дед с его предком были близкой родней». Как бы там ни было, 24 июля бриг «Элиз» отплыл в Италию без Пушкина. В этот же день, опередив домочадцев, в город вернулась Е. К. Воронцова, отдохавшая с семьёй в Крыму. И в этот же день граф Воронцов отправил предписание Пушкину оставить Одессу. Может, преждевременный отъезд жены и подтолкнул М. С. Воронцова принять такое решение? Об этом мы можем только гадать. Но именно приезд Элизы склонил чашу весов раздумий поэта к тому, чтобы остаться.

*Ты ждал, ты звал... я был окован,
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарован,
У берегов остался я.*

Кто знает, как бы сложилась судьба поэта, утлыви он тогда в Италию? Наверное, и не прозвучало бы того рокового выстрела на Чёрной речке тринадцать лет спустя. Но поэт сделал свой выбор, и 1 августа 1824 года он навсегда покинул Одессу...

*А я от милых южных дам,
От оперы, от темных лож
И, слава Богу, от вельмож
Уехал в тень лесов Тригорских...*

...Затрещал фитиль последней догоравшей свечи. Пушкин, словно очнувшись от лёгкого сна, взглянул в почти замёрзшее окно. Метель улеглась. В ночной тишине сугробы снега и занесённые деревья были залиты безжизненным лунным светом. «Как театральные декорации», – мелькнула у него мысль. Он обмакнул высохшее перо и продолжил письмо далее: «Здесь нет ни моря, ни неба полудня, ни итальянской оперы. Но зато нет – ни саранчи, ни милордов Воронцовых». И лёгкая усмешка тронула его полные губы.

Юрий ВАСЮНЬКИН

О ПУШКИНЕ

Николай ПОЛОТНЯНКО

I

Изведал он презренье и гоненье,
Но ни умом, ни сердцем не остыл.
От тьмы земной его спасло стремленье
В поэзии достичь высот светил.
И мощным взлётом Гений подтвердил
Высокое своё предназначенье.

Его судьбы заветный пробил час.
Но вымолвил он слово не для вас,
Кто слеп и глух к его мечте и воле,
Кто захватил все должности, все роли,
Все почести, все славы...
Он другой.

Он Гений тех, кто видит Русь живой
И в Божьей справедливости счастливой.
Он Гений тех, кто верует в любовь,
И каждое его стихотворенье –
Освобожденье от людских оков,
От страстного земного притяженья.

Поэзии молитвенный посыл
Ко всем, живущим в двадцать
первом веке,
Что мощным взлётом Гений подтвердил
Божественное в каждом человеке.

Напрасный труд о Пушкине читать
Словоплетений путаное кружево.
Пора бы всем нам наконец узнать,
Что Пушкин приезжал в Симбирск не ужинать
К Языковым, Загряжским иль другим
Симбирским хлебосолам записным.

Иные чувства к нам его влекли.
Здесь зрело в нём пророческое слово.
Здесь, как вулкан, поднялся из земли
Народный бунт.
На царство Пугачёва
Венчал народ.
Восстание, как лава,
Катилось на Москву.
Здесь дрогнула держава.

Он вслушивался в строй разбойных песен
И чувствовал, как зло вскипала в них
Кровь неизбежной, беспощадной мести.
Раскола кровь – на наших и чужих.

Поэт народа есть всегда пророк.
И здесь, у нас, на полосе тетрадной
Он записал:
«Не дай увидеть Бог
Наш русский бунт,
Бессмысленный и беспощадный!»

III

Из многих на Руси делами славных мест,
Овеянных преданьем, благолепьем,
К Симбирску был особый интерес
У Пушкина:
Здесь древний русский лес
Граничил с азиатской степью.

Из марева её, как волны, шли и шли
Густые толпы меднолицых гуннов,
Сметая всё с поверхности земли
Тяжёлой поступью народов юных.

Им были ненавистны города.
Их возбуждали кровь и трупный запах.
Аттилы азиатская орда
Обрушилась, как Божий бич, на Запад.

И к нам из века в век насилие из степи
Шло, сея и раздоры, и измены.
И, как волков, на Русь спускал с цепи
Батыга-хан кровавые тумены.

Как знать, что мыслил, вглядываясь вдаль,
Поэт, гуляя на Венце подолгу.
И, Грозного царя России дар,
Внизу играла с островами Волга.

* * *

Взойдёт душа к звезде сияньем света.
Заглохнет голос, уходя во тьму.
Тревожное провидчество поэта
Не нужно в мире этом никому.

Что толку в том, что знает смысл и даты
Он потрясений мира наперёд?
Его не слышат власти, а народ
Бредёт во тьме, привычно виноватый.

Свечою жизнь поэта горит,
Даровано ему прозренье свыше.
Уже два века Пушкин говорит,
Но всё равно его никто не слышит.

Все заняты бессмысленной борьбой
За власть и злато – вот она, эпоха.
Толпа в упор не видит пред собой
Сошедшего с небес посланца Бога.

СУДЬБА РОССИИ

Александр Николаевич

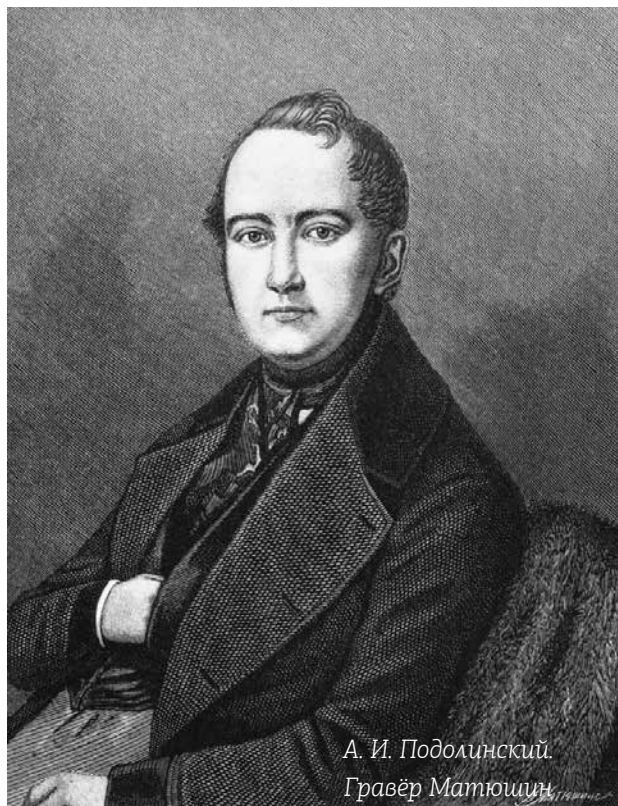
Не тяготит мне душу ремесло
Поэзии, хотя я понимаю,
Что всех поэтов русских унесло...
Я опоздал. И взглядом провожаю
Кибитку с Пушкиным, она уже далеке,
В созвездье Лиры. Вьётся Млечный след.
Поток времён бесстрастен, бесконечен.
И мне не повторить твой путь, поэт!

Где утро русское, воспетое тобой?
Державы полдень минул. Скоро вечер.
А там уж близко сумерки России.
Жаль, не дано тебе повелевать судьбой.
Но гений твой коснулся крайней тьмы,
Пред коей все пути кончаются земные,
Где души проданы, ослеплены умы...

Какая грусть поэтом быть заката
Страны и унижения святынь!
Следы необратимого распада
Видны на всём, куда свой взгляд ни кинь.
Давным-давно мы тлеем – не горим.
И жаркие мечты о вольности чуть живы.
Иссякли благородные порывы.
Мы слову чести верность не храним.

В нас пушкинского так ничтожно мало.
Он был от солнца, мы – от полутьмы.
Наш порох отсырел, и нет запала,
И цели нет, куда б стремились мы.
Но Пушкин с нами. На исток дорог
Он возвращает Русь в пророческом
прозрении.

Пока с народом здравый смысл и Бог,
То есть всегда надежда на Спасение.

«БЫВАЮТ СТРАННЫЕ СБЛИЖЕНИЯ...», ИЛИ ОДНО ИЗ ПЕРВЫХ ПОСМЕРТНЫХ ПОСВЯЩЕНИЙ А. С. ПУШКИНУ

185 лет... Такой срок отделяет нас от кончины Александра Сергеевича Пушкина после его роковой дуэли на Чёрной речке. И ровно столько же лет прошло с тех пор, как было написано одно из первых стихотворений в память о русском гении. Принадлежит оно поэту пушкинской поры Андрею Ивановичу Подолинскому (1806–1886).

Они – Пушкин и Подолинский – были знакомы с тех пор, как случайно встретились в Чернигове 4 августа 1824 года: автор «Руслана и Людмилы», «Кавказского пленника», «Бахчисарайского фонтана» ехал из Одессы в михайловскую ссылку, а восемнадцатилетний начинающий поэт направлялся из Петербурга в Одессу (А. И. Подолинский получил место секретаря при директоре Почтового департамента Н. Д. Жулковском).

Встречались они и позже. Пушкин, видимо забывший о случайном знакомстве в пути, выразил желание в августе 1827 года познакомиться с Подолинским, уже получившим известность как поэт. Они виделись осенью 1827 года, об-

щались в течение двух лет у А. А. Дельвига, в литературных салонах Санкт-Петербурга. Последняя встреча относится к началу 1829 года (по сведениям В. Э. Вацуро. *Избранные труды*. – М.: Языки славянской культуры, 2004).

Пушкин и Подолинский знали творческие новинки друг друга, проявляя те или иные реакции на них в поле литературной критики. Считается, что по своему дарованию Андрей Подолинский был отнесён «аристократами литературы» ко второму кругу поэтов того времени. Но это не помешало Андрею Ивановичу верно оценить масштаб и значение дарования Пушкина, относиться к поэту-мэтру с уважением.

Уже являясь помощником почт-инспектора 7-го почтового округа Новороссийского края, Андрей Подолинский несколько раз бывал в Крыму, описал в талантливых стихотворениях свои впечатления, полученные в поездках по Тавриде. Именно здесь, в Крыму, застигла его весть о гибели русского гения. Вероятнее всего, скорбное известие Подолинский получил в Кореизе, на южном берегу Крыма, где находилась почтовая контора и куда, как известно, первоначально пришла из Одессы в Крым весть о гибели Александра Сергеевича Пушкина.

Она всколыхнула чувства Подолинского. Он тут же написал стихотворение «Переезд чрез Яйлу на южном берегу Тавриды». В стихотворении, посвящённом А. С. Пушкину, Андрей Подолинский с большой поэтической силой отразил горечь утраты, скорбь любящего сердца и определил значение творчества безвременно ушедшего гения для русской культуры. В подстрочнике посвящения Подолинский указал: «Памяти Пушкина по получении известия о его гибели». Стихотворением «Переезд чрез Яйлу» Андрей Подолинский (в единодушном союзе с Михаилом Юрьевичем Лермонтовым с его стихотворением «Смерть поэта») открыл поэтическую Пушкиниану в отечественной поэзии.

Стихотворение Андрея Подолинского было напечатано в «Современнике» (1837, т. 7). Андрей Иванович вспоминал: «В журналах было мною помещено только в 1837 году в "Современнике", издаваемом тогда Жуковским, посвящённое памяти Пушкина стихотворение "Переезд чрез Яйлу", в котором, благодаря цензуре, были заменены точками многие стихи, в том числе и относившиеся прямо к Пушкину: "Он избранник, увенчанный в народе" и пр.».

Подчеркнём ещё раз, что одно из первых посмертных посвящений Пушкину было написано в Крыму, то есть там, где ещё за семнадцать лет до трагических событий побывал будущий литературный светоч России, только достигший совершеннолетия. Подолинский построил мемориальное стихотворение в виде диалога старого татарина-проводника и путешественника. Как некогда юный Пушкин, путники поднимаются через перевал Шайтан-Мердвен (Чёртова лест-

Перевал Шайтан-Мердвен.

Alexei Petrash: <https://alex-math.ru/blog/vesennij-pokhod-po-kalendskoj-trope-na-shajtan-merdven/>

Татарин-проводник на крымской лошади

ница) на Яйлу, беседуя во время подъёма. Проводник делится своими гурзуфскими воспоминаниями о некоем юноше, которого сопровождал по Южнобережью много лет назад:

Проводник

Немного мне твоих единокровных
Случилось знать в судьбе моей убогой,
Но одного ещё я живо помню.
Он жил тогда в Юрзуфе, и меня
Он жаловал и брал в проводники;
Бывало, с ним в такую глушь заедем,
Что мудрено и птице залететь;

Зато тебе и не приснятся виды,
Какие нам встречались порой:
И как тогда он был доволен, весел,
Он тешился от сердца, как дитя,
То погружён глубоко, долго в думу,
Терялся весь в забвеньи, в созерцаньи,
То звал меня и заводил со мной
Душевную и умную беседу...

Путешественник понимает, что речь идёт
о Пушкине, и восклицает:

Так это он! Я узнаю поэта!
Везде любовь он по себе оставил.

Проводник
Кто ж он?

Путешественник
Отечества и слава, и любовь!..
В его груди был песен мощный ключ..
Твой Крым он пел, быть может, в эту пору.

Далее путешественник со скорбью сообщает
проводнику печальную новость:

Угаснуло блестящее светило,
Порвалась могучая струна –
Недавнею на севере могилой!..

Рассказ старого проводника, обуреваемого
нахлынувшими воспоминаниями, завершается
смятением чувств:

...С улыбкою не соглашалось свежей
Чело его, наморщенное мыслью.

Андрей Подолинский своим стихотворением
печаль о погибшем поэте распространил на
большое расстояние от Петербурга до Крыма, а
через образ проводника-татарина принёс в его
лице скорбную весть о гибели поэта и другим
народам России. Тем самым А. И. Подолинский
поддержал уверенность гениального поэта в
том, что самые разные народы навсегда будут
причастны к его творческому наследию и «к
нему не зарастёт народная тропа».

В своём стихотворении А. И. Подолинский
выразил личное отношение к погибшему поэту,
подчеркнув всенародное значение его творчества.

*Отечества он слава и любовь!
Он избранник, увенчанный в народе!
В его груди бил песен мощный ключ,
Он чувством прост и мыслью могуч.
Всё, что влечёт, что радует в природе,
В своей душе глубоко заключил
И звуком мысль волшебным облачил!*

Дмитрий Трилунный в книге «Поэты
1820–1830-х годов. Том 2» пишет: «Переезд
через Яйлу», носящий подзаголовок "Памяти
А. С. Пушкина", даёт наглядное представление о
характерном для Подолинского методе роман-
тического абстрагирования. Любопытно, что из
опыта личного общения с Пушкиным он здесь
решительно ничем не воспользовался. Стихо-
творение переносит читателя в горы Тавриды,
то есть опять в атмосферу "восточной" экзоти-
ки. Образ Пушкина внезапно оживает посреди
девственной природы, в дымке легенды».

И. И. Петрова в эссе «Гостеприимные ду-
бровы» приводит важные факты: «Конечно, его
(Пушкина. – Т. III.) яркий, ни на кого не похожий
образ должен был запечатлеться в памяти жи-
телей окрестных с Гурзуфом селений, тем более
что горцы в этом плане особенно памятливы, да
и приезжих тогда, в 1820-м, было не так много.
Письменным свидетельством этому является
давняя публикация Анны Караваевой "Находка
в горах" ("Прожектор", 1934, № 12). На неё об-
ратил внимание в статье "Почтительный сын...
моря" Леонид Сомов ("Слава Севастополя", 10
февраля 1999). Оказывается, гурзуфский старик
Ибрагим в 1927 году поведал писательнице
о том, как его прадед Гассан (это имя мы у
Пушкина встречали – "сады роскошные Гасса-
на"!)) был в 1820-м сопровождающим ("суруд-
жи") молодого Пушкина в его блужданиях по
окрестностям».

«Удивительный это был человек, – сооб-
щает татарин легенду о Пушкине Анне Кара-
ваевой. – Едут, едут они, бывало, вскарабка-
ются куда-нибудь высоко. Пушкин глядит во
все стороны, на небо глядит, а потом начинает
говорить быстро-быстро, а на глазах слёзы...
Любопытный был... обо всём выпрашивал...
Женщины ковры ткут, вышивают – и он тут же

сядет, просит песни петь... Потом поклонится в землю и пойдёт себе. Любил он со стариками говорить, а те его называли "почтительный сын"».

Сомнений нет, что Подолинский знал о пребывании Пушкина в Крыму в 1820 году. Знал, что юный пиит, покидая южный берег Крыма, поднялся по циклопическим ступеням перевала Шайтан-Мердвен: эта выючная высокогорная тропа была единственным в то время проходом с крымского Южного берега в юго-западное предгорье полуострова. Пушкин и генерал Николай Николаевич Раевский направлялись из Гурзуфа в Свято-Георгиевский монастырь, что находится на мысе Фиолент (Feolent – в написании первой трети XIX века). Не ясно, было ли известно Подолинскому содержание письма Александра Сергеевича А. А. Дельвигу, отправленного в 1824 году, с описанием этого подъёма. Зато потомкам оно известно хорошо. Приведём отрывок из письма, объясняющего причину выбора поэтом Подолинским именно этой темы для стихотворения в память Пушкина.

«Я объехал полуденный берег... но страшный переход его по скалам Кикенеиса не оставил ни малейшего следа в моей памяти, – писал Пушкин. – По Горной лестнице взобрались мы пешком, держа за хвост татарских лошадей наших. Это забавляло меня чрезвычайно и казалось каким-то таинственным восточным обрядом.

Мы переехали горы, и первый предмет, поразивший меня, была берёза, северная берёза! Сердце моё сжалось: я начал уж тосковать о милом полудне, хотя всё ещё находился в Тавриде, всё ещё видел и тополи, и виноградные лозы».

Наверное, будет уместным остановиться на том, что собой представлял переход Шайтан-Мердвен для путников. Существуют десятки, если не сотни его описаний, в том числе и современников Пушкина, но процитируем одно: «Подъём кружился узким, змеиным ходом в трещине горы. Выход Мердвена состоит из 96 оборотов на всём протяжении около версты. Подъём этот назван лестницей потому, что тро-

пинка идёт насечками в скале. Насечки эти образованы частью самою природою, частью же заботливостью татар, которым ислам вменяет в священную обязанность каждому, как истинно правоверному, устраивать и починять дороги в местах непроходимых. Но сильные потоки дождевой воды нередко превращают эту работу правоверных на Мердвене в труд Сизифа; те же потоки иной раз весьма значительно увеличивают и опасность Мердвенского прохода. После сильных дождевых стоков тропинка наполняется мелким щебнем, который легко скользит под ногами путника и грозит поскользнувшемуся несчастному падением...» (Силуэты Крыма. Из путевой книжки А. Н. Нилидина. – СПб., 1884).

Будет справедливым остановить внимание читателей статьи и на необычных свойствах татарской лошади, которые наблюдал поэт при своём восхождении. Многократно Пушкин совершал конные прогулки и по окрестностям Гурзуфа, где прожил две недели в конце лета – начале осени 1820 года. И наверное, юный поэт смог бы подтвердить такое заключение одного из кавалерийских офицеров: «Крымская лошадь вообще, а горская в особенности, кажется мне достопримечательностью на нашей земле не только по способности её к трудам, сносливости, лёгкости и ловкости; но также по редким нравственным качествам – кротости, понятливости, воздержанности и проч.» (из трактата «О крымских лошадях (практические изучения): из походного портфеля кавалерийского офицера», 1857 г.). Об удивительных качествах татарских лошадей написал в своём стихотворении «Переезд чрез Яйлу» и Андрей Подолинский.

Путешественник:

Упрямое животное твой конь.

Не сладить с ним ни ласкою, ни плетью...

Проводник (старый татарин):

Конь хоть куда, а сам ты виноват...

Вот видишь, ты поводья натянул,

А горец мой привык идти на воле,

Ведь и коню мила его свобода.

Попробуй – брось поводья – будет мир!..

Теперь сиди спокойно: добрый конь,

Я голову отдам, не спотыкнётся,
На ногу верен, чуток на опасность,
Для седока надёжный он слуга.
Случалось мне, в глухую ночь не раз
В Бахчисарай проездом из Гурзуфа
Спускались мы по этой же тропинке –
Я сплю себе, качаясь, как в люльке,
А он идёт усердно подо мной,
На скалы с скал ступает осторожно
И бережёт и жизнь мою, и сон...

Крымскую лошадь мы встречаем и в стихах Пушкина:

Когда луны сияет лик двурогой
И луч её во мраке серебрит
Немой залив, и склон горы отлогой,
И хижину, где поздний огонь горит,
И с седоком приморскою дорогой
Привычный конь над бездною бежит...

В легенде татар об Александре Сергеевиче сохранилось и такое свидетельство: «Пушкин ездить верхом не умел, а сам горячий, на месте стоять не хочет... Но только он хотел научиться ездить верхом». Ирина Петрова сделала к данному факту такой комментарий: «Тут, как мне кажется, дело обстояло так: в народной памяти запечатлелся, вероятно, первый выезд Пушкина, который привык к равнинным лошадям. Здесь же ему пришлось иметь дело с лошадью особой породы, горной, крымской. Этот "умный конь" (В. Бенедиктов) хорошо знал местность и не терпел неумелого командования, из-за чего поначалу у многих русских возникали недоразумения. Он привык идти без поводьев и сам решать "стратегические задачи" в опасных ситуациях, что потом отмечали многие поэты, оказавшиеся в Крыму. Вероятно, было первоначально недоразумение и у Пушкина, особенно если учесть упомянутую горячность его натуры (и окружение барышень Раевских!). Но потом он, видимо, много ездил верхом, а своё уважение к этому животному дважды (в стихотворении "Кто видел край..." и в финале "Бахчисарайского фонтана") подчеркнул словами «привычный конь», который и в темноте "над бездною" безопасно перенесёт седока».

Не исключено, что татарская легенда о Пушкине, сохранившаяся через 107 лет после пребывания поэта в Крыму, была известна Андрею Ивановичу Подолинскому, но не в форме предания, а в виде живых воспоминаний, так как в конце 1820-х – 1830-х годах (время посещения Подолинским Тавриды) ещё вполне здравствовали те южнобережные татары, которые общались с молодым Пушкиным.

«...Из семейного предания получилось эпическое произведение, имеющее ценность общенародную, – резюмирует И. И. Петрова, пересказав крымско-татарскую легенду о пребывании А. С. Пушкина в Крыму. – Тот факт, что она сохранялась многими десятилетиями... говорит о понимании масштаба события, которое имело место на крымской земле. В этом, как мне кажется, а не в точности деталей, её главная ценность, её значимость в сокровищнице общечеловеческой культуры и памяти».

«Бывают странные сближенья...» – оставил А. С. Пушкин в «Графе Нулине» одно из своих парадоксальных наблюдений за жизнью людей. Позволим себе приложить это замечание поэта к некоторым фактам, связанным и с Пушкиным, и с Крымом, и с Подолинским, но не только.

Пушкин прошёл по перевалу Шайтан-Мердвен *снизу вверх*. А за двадцать лет до него (точнее, в год рождения Пушкина) спустился по Горной лестнице (что ещё опаснее подъёма) Владимир Васильевич Измайлов (1773–1830) – писатель-сентименталист, переводчик, педагог. Измайлов посетил Тавриду в 1799 году, издав книгу «Путешествия в полуденную Россию» в четырёх частях (1805). Книгу Измайлова Александр Сергеевич читал. В этой книге Владимир Измайлов написал слова, которые оказались пророческими для Пушкина: «...В сем уголке света хранится новая жила Поэзии, рождение нового царства в мире Фантазии и, может быть, тайный ключ Русской литературы».

Спустя годы после крымского путешествия зоркость сердца Владимира Васильевича, педагогический опыт и любовь к таланту позволили разглядеть в пятнадцатилетнем отроке Саше

Пушкине многообещающее зерно литературного дарования. Пушкин, впервые выступивший в печати в 1814 году, получил поддержку именно писателя Измайлова. Стихи юного Пушкина В. В. Измайлов напечатал в журнале «Вестник Европы», а в следующем, 1815 году 17 стихотворений Пушкина напечатано в журнале Измайлова «Российский Музеум».

Владимир Васильевич Измайлов станет свидетелем того, как поэт Пушкин после посещения Крыма проявит в полноте свою гениальность, и, надо думать, старший собрат по перу порадует, что его, измайловское, пророчество относительно «тайного ключа Русской литературы» сбылось.

Пройдёт сто лет, и Мстислав Цявловский в «Книге воспоминаний о Пушкине» напишет: «Через несколько лет после того, как одни начали толковать о молодом Пушкине, некоторые всё ещё не верили его дарованиям и очень нередко приписывали его стихотворения другим поэтам... Владимир Васильевич Измайлов первый достойно оценил дарования Пушкина; он напечатал многие из его пьес в своём журнале "Музеум"».

Необычный ход, избранный Андреем Подолинским при написании стихотворения «Переезд чрез Яйлу», невольно заставляет читателя вспомнить Тавриду 1820 года, обстоятельства пребывания Пушкина на юге с семьёй Раевских и слова Александра Сергеевича того времени: «Суди, был ли я счастлив...»

Пушкин много размышлял о жизни и смерти, посмертной участи души, что нашло отражение и в его творчестве. Удивительно, что, выбирая (на умозрительном уровне) место для своей души в потустороннем мире, он наметил не Москву, где родился сам, не Петербург, где появились на свет его дети, не Одессу, где он испытал любовь-страсть, чудовищную по своей силе и муче, а... Тавриду с указанием точного адреса:

Так, если удаляться можно
Оттоль, где вечный свет горит,
Где счастье вечно, непреложно,
Мой дух к Юрзуфу прилетит.

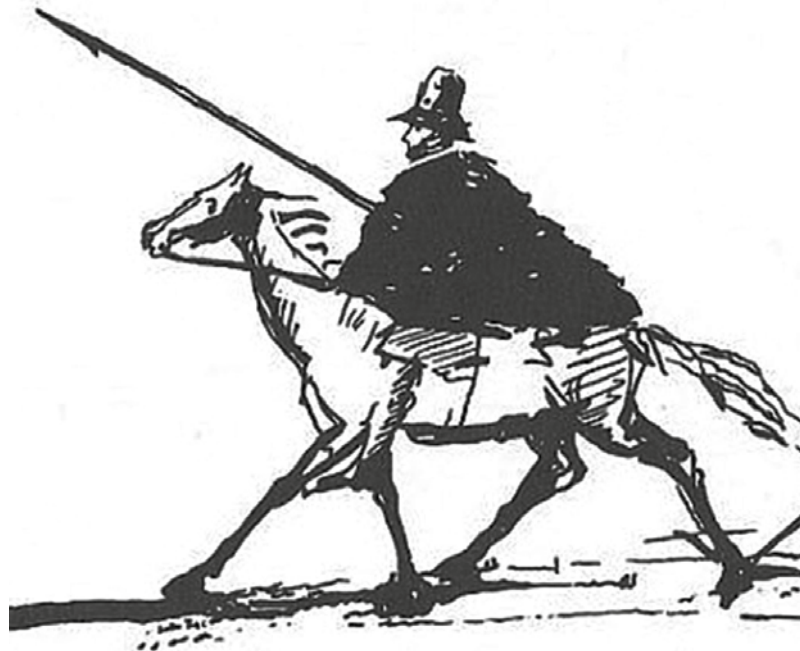
Не потому ли одно из первых стихотворений в память о поэте Пушкине появилось в Тавриде?

Не потому ли одним из героев этого стихотворения является гурзуфский татарин-проводник?

И случайно ли поэт Андрей Подолинский оказался в нужном месте в нужное время и (вольно или невольно) чутко уловил явление духа гения на крымском Южном берегу?

Здесь стоит задуматься и о «странных сближениях» в судьбе поэта, и о стечении обстоятельств появления одного из первых стихотворений о русском гении, и о значении Тавриды в раскрытии гениальности Александра Сергеевича Пушкина, и о таинственном в нашем мире.

Татьяна ШОРОХОВА,
январь 2022 года, Севастополь

Дантес

...Снова она в мазурке
с баловнем дам Дантесом.
Нету для света слаще
лакомства, чем скандал.
Тут и слепые зорки;
с истовым интересом
Только на них таращит
очи столичный зал.

Ах, как она царила!
Вот её раб и пленник.
Вновь из полка отпущен
рыцарь её, герой.
Грустное всё уплыло –
даже нехватка денег,
Даже угрюмый Пушкин,
даже разлад с сестрой.

«Глупенькая – влюбилась!
Господи, как трепещет,

Видя кавалергардский
белый его колет.
Чья это злая милость,
вечный закон зловещий:
Чуть зародилась радость –
тут же свести на нет?

Вот же, Коко, глупышка:
он же тебя моложе;
Ты не боишься в свете
выказаться смешной?
Дать пересудам пищу?
Вслух не скажу, но всё же
Этак не так заметно,
как он увлётся мной.

Будто бы в Петербурге
это давно известно.
От языков проворных,
Господи, огради!

Вяземский как-то буркнул:
 "Светишься, как невеста.
 Гнев Ганнибалов чёрных
 в Пушкине не буди!"
 Дамский ответ обычен –
 зависть в глазах искрится.
 Хоть опускают очи –
 жгутся из-под ресниц.
 Он ведь небезразличен
 даже императрице –
 Что ж говорить о прочих?
 Зависти – нет границ.
 Да и кому не лестно –
 первый поэт России!
 Право, я не тщеславна
 (век бы жила в тени);
 Но на небесных весах,
 видимо, так решили –
 Так что теперь исправно
 лямку свою тяни!

Баловнею удачи,
 верно, меня считают:
 Золушка, мол, явилась –
 сразу – и в высший свет.
 А посмотреть иначе,
 годы назад листая –
 Сколько мы протомились
 юных тюремных лет.

Да, как в тюрьме мы жили –
 бедные три сестрицы;
 Прятались, словно мыши,
 чуть зашумит скандал.
 Наши светлицы были,
 прямо сказать, темницы.
 Кто наши вздохи слышал?
 Слезёньки – кто считал?

Папенька – сумасшедший,
 только и жди сюрпризов;
 Как он с ножом погнался –
 жуть и сейчас берёт...
 Мать по щекам нахлещет –
 там уж не до капризов:
 День бы скорей кончался;
 этак за годом год.

Лев НЕЦВЕТАЕВ

Родился 6 июня 1940 года в Ульяновске, в 1957 году окончил школу с золотой медалью, в 1963-м – Московский архитектурный институт, где занимался в кружке офорта. С 1967 года – член Союза архитекторов России, с 1985-го – активный участник зональных, республиканских и всероссийских выставок. Отдельно хочется выделить персональные выставки в Государственном музее А. С. Пушкина в 1991, 2010 и 2015 годах. В 1999 году награждён золотой Пушкинской медалью творческих союзов России в номинации «Изобразительное искусство».

Пушкиным мать страдала:
 он, мол, такой крамольник,
 Пишет про неприличья,
 женщин не перечесать...
 Так уж и испугала:
 клетке своей невольник
 Волю (в любом обличье!)
 сможет не предпочесть?

Да и ему напрасно
 столько грехов вменяли.
 Пушкин – не злонамерен;
 в чём преступленье, где?
 В том, что стихи прекрасны?
 В том, что в него влюблялись?
 В том, что остался верен
 тем, кто сейчас в беде?

В свет я вошла несмело –
 в это людское море,
 Где распускают перья,

рядятся в пух и прах...
Пушкин!.. Я так робела,
но прочитала вскоре
Искренность и доверье
в ясных его глазах.

Сложен он, нету речи:
может сидеть набычась
Иль закипеть от пыла –
не отольёшь водой.
Он, как дитя, доверчив,
как африканец, вспылчив;
Но как легко с ним было
раннею той порой!

То золотое лето
больше не повторится.
Спутались дни и ночи,
как понаехал двор.
Были полны привета
очи императрицы
И государя очень
ласковый, тёплый взор.

Был он совсем не страшен,
а симпатичен – очень.
Как говорил он, мило
голову наклоня...
Пушкин сказал: "Наташа,
вспомни царёвы очи –
Ты ведь, боюсь, сразила
не одного меня".

Он же потом смеялся:
"Ты мне теперь как пропуск;
Буду с тобой таскаться
в Аничков на балы..."
Так и случилось: вальсы
и комплиментов пропасть;
Только не все, признаться,
были ко мне милы.

Я хладнокровна вроде
и на стихи не падка –
Это внушает ужас
нежным натурам тех,
Кто от стихов доходит

чуть ли не до припадка –
В их утончённых душах
мне ли иметь успех?

Ревность его поклонниц
спрятать бывает трудно:
По-за улыбкой милой
острый кинжал притих.
В вежливом их поклоне
тайных проклятий груды.
Только своей могилой
можно утешить их.
Детство – куда печальней.
Радостный брак? Нимало.
Пушкин, конечно, страстен –
и не ко мне одной...
Но на миру и в спальне
сердце моё дремало;
Я не узнала счастья,
ставши его женой.

Пушкина превозносят,
к небу вздымая очи;
Только по нежной лире
судят всегда о нём.
А не меня ль он бросил
после той первой ночи
Плакать в чужой квартире
зимним ненастным днём?

Кто ж во мне грех находит?
Мне хорошо – и только.
Нет преступления в вальсе –
разве я не права?
Сам он всегда свободен:
то Хитрово, то полька –
Он и сейчас, как раньше,
знает одни права.

Если б ещё не карты –
будто б он много должен...
Ох, эта жажда сходу
сделаться богачом!..
Мне не понять азарта;
в прадедов темнокожих,
В пылкую их породу
кровушкой вовлечён.

Не оттого ль всё чаще
стал он бывать угрюмым
И зазывать в дорогу
сразу же по весне:
Скрыться во псковской чаще
от городского шума...
"Там он напишет много" –
а каково же мне?

Той монастырской скуки
я нахлебалась в детстве.
Заново повторится
доля весь день скучать?
Плетью повиснут руки,
и никуда не деться...
Да и царя с царицей
надо ли огорчать?

От городского шума
передохнуть вначале –
Можно, до урожая,
светом и пренебречь...
Больше – нельзя и думать:
дети б не одичали,
С дворней весь день играя,
слыша её же речь...

Дети – моё призванье,
радость моя и мука.
Нет из пяти ни года,
чтоб не рожала я.
Выкидыш – в наказанье,
горестная наука:
Беды дарит свобода,
лечит – одна семья.

...Но наплывают снова
лёгкие звуки вальса...
...Смотрит вокруг... Смеётся...
Снова идёт ко мне...
Я и не жду иного;
лишь бы не догадался
Пушкин, как сердце бьётся
и голова в огне...»

«МЕДНАЯ БАБУШКА»

Мать Натальи Николаевны в качестве приданого предложила Пушкину статую Екатерины II, отлитую в середине XVIII века в память о посещении императрицей имения Гончаровых.

Усмешкой мудрого провидца,
Что не уйдёт от кары грех,
Глядела медная царица
В сарайном склепе снизу вверх.

В прохладной каменной утробе,
Вдали от всяческих тревог
Она лежала, как во гробе,
Сурово глядя в потолок.

Здесь глохли все мирские звуки
И тишины царила власть,
И очень странны были руки,
Не пожелавшие упасть.

Как бы низвергнутая с трона,
Она всё продолжала бой
И, как оружие обороны,
Держала руки над собой.

Забудут дверь закрыть – так куры
Тотчас начнут делёжку мест
И разукрасят всю фигуру,
Принявши скипетр за насест.

Откуда здесь, в глухом подвале,
Куда не вхож житейский гул,
Та, перед коей трепетали
Берлин, и Вена, и Стамбул?

... А было так: царицын поезд
Из доброй дюжины карет,
От долгой тряски успокоясь,
Остановился на обед.

Царица, с позевотой вместе
Перекрестив державный рот,
Спросила: «Это чьё поместье?
Не Полотняный ли завод?

Не Афанасий ли Никитич
Здесь размахнулся, как король?»
А из ворот уже спешили,

Несли с поклоном хлеб да соль.
И чтобы на века восславить
Сей исторический момент,
Хозяин-льстец решил поставить
На этом месте монумент.
Ваялся он в самом Берлине,
Отлит усердно и умно...
Но отчего ж, простите, ныне
Он в месте тёмном и срамном?
С чего почтение пропало,
Чтобы царицу – в мрак тюрьмы?
Тому виной – правление Павла,
Четыре года кутерьмы.
Оно, конечно, против правил –
Сменять забвением почёт...
Но знали все: к мамаше Павел
Имеет самый гневный счёт.
Изгой, мамашей не допущен
До трона сорок с лишних лет...
Какие мысли о грядущем
В нём накопили скорбный след?
Не раз, не два он слышал в спину –
Как кирпичом из-за угла –
О том, что внуку, а не сыну
Она корону стерегла.
Как в ссылку, в Гатчину отправлен,
И даже там, вдали дворца,
Боялся всё же быть отравлен
Иль повторить судьбу отца.
И вот он – царь! Уж то-то страху
Меж лизоблюдов и льстецов:
А ну как он поставит плаху,
Как грозный прадед для стрельцов?
Настало время дней суровых
Для преданных царице слуг.
Вот и в семействе Гончаровых
Случился крупный перепуг.
Такие начались фортели!
Столь многих гнев его достал!
Как хорошо, что не успели
Поставить даже пьедестал!
На дню меняется погода
Сто раз... Следи за языком!
Молчок на все четыре года
О тайном кладе под замком.
Курьёзов смачную копилку
Могла отныне украшать

Царица, сосланная в ссылку,
От сына спрятанная мать.
«Сик тразит gloria», царица.
Едва ль ты думала о том,
Что будет образ твой пылиться
В прямом соседстве со скотом.
...В сарай таинственный допущен
В серьёзной роли жениха,
Смотрел на это диво Пушкин,
И странных мыслей вороха
Его томили... В самом деле,
Как на развилке трёх дорог
Здесь всё сошлось: нехватка денег,
Любовь, история и торг.
Поклон всем почестям, возданным
Фелице в давние года.
Но этот памятник приданым
Считать – увольте, господа!
А ведь считает дед Натальи,
Идеей этой озарён,
Что остаются лишь детали:
Обговорить её с царём –
А он иль выкупит (поставить
В достойном месте), иль на медь
Позволит статую расплавить...
Но как сказать о том посметь?
«Коль монументу места нету,
То медь всегда была в цене.
А вдруг и впрямь удастся мне
Перевести её в монету?
Ах, то бы был исход счастливый!
Хотя, меж нами говоря,
Вопрос довольно щекотливый:
Расплавить бабушку царя?!
Похоже на злоумышление,
На дерзкий вызов: на виду
У всех предать уничтоженью
В горящей топке, как в аду...
Ну что толочь, как воду в ступе?
Пора надежды отложить:
На медь не сдать, а царь не купит.
Сумела тёща удружить!»

...Вот так и гениям – чего там! –
Своё диктует быта власть.
К его бесчисленным заботам
Ещё и эта приплелась.

Лев Невзетаев

ДРУГ ПУШКИНА И БЕТХОВЕНА

«Как завидую вашему прекрасному крымскому климату: письмо ваше разбудило во мне множество воспоминаний всякого рода. Там колыбель моего “Онегина”, и вы, конечно, узнали некоторых лиц». Эти строки письма А. С. Пушкина от 10 ноября 1836 года обращены к Н. Б. Голицыну.

Необычайна судьба этого человека. Родился он в декабре 1794 года в богатой княжеской семье. Первоначально решил связать свою судьбу с армией, но вскоре был разочарован и вышел в отставку. События 1812 года привели Николая Борисовича в ряды действующей армии. Начав боевой путь в качестве ординарца прославленного генерала П. И. Багратиона, которому он приходился родственником по линии матери, Николай Борисович участвовал в кровопролитных боях под Смоленском, Бородино, Тарутино, Малоярославцем, с русскими войсками вступил в поверженный Париж. Его грудь украсили многие российские ордена. Наградили отважного, порой бесшабашного в сражениях поручика Голицына шпагой с золотым эфесом и надписью «За храбрость» (сейчас эта награда хранится в Государственном Эрмитаже Санкт-Петербурга).

Голицын был одним из образованнейших людей своего времени. В историю культуры он

вошёл как литератор, мемуарист, музыкальный деятель, переводчик. С детских лет занимаясь музыкой, замечательно играл на виолончели. Исполнительское мастерство князя высоко ценили М. И. Глинка и А. С. Даргомыжский. Первый даже хотел привлечь его к участию в оркестре на премьере «Ивана Сусанина». Широта интеллектуальных интересов, эмоциональная отзывчивость позволили Голицыну стать другом А. С. Пушкина, В. Ф. Одоевского, В. А. Жуковского, П. А. Вяземского. Журнал «Библиотека для чтения» за 1829 год отмечал князя как «лучшего и остроумного критика по части музыки».

Одним из первых Николай Борисович начал пропагандировать творчество Бетховена. В марте 1824 года в столице в Филармонической зале дома Энгельгардта впервые была исполнена «Торжественная месса» немецкого композитора. Инициатором был Голицын. Известны восемнадцать писем князя к великому композитору. «Можно сказать, что ваш гений опередил век, – писал Голицын композитору, – и что теперь, может быть, не найдётся ни одного слушателя, который был бы достаточно просвещён, чтобы насладиться всей полнотой вашей музыки. Но потомки будут благоговеть

Н. Б. Голицын

Ю. Н. Голицын

перед вами и благословлять вашу память более, чем доступно нашим современникам». Бетховен посвятил своему русскому другу три струнных квартета, так называемые «Голицынские», и увертюру «Освящение дома».

Николай Борисович был прекрасным знатоком французского языка. Пушкин в связи с событиями в Польше и клеветническими нападками на Россию на Западе – во французской и английской прессе – пишет стихотворение-отповедь «Клеветникам России», и, чтобы оно прозвучало за рубежом, нужен был хороший перевод его. С задачей блестяще справился Голицын.

Пушкин был в восторге от перевода: «Тысячу раз благодарю вас, милый князь, за ваш несравненный перевод моего стихотворения, направленного против недругов нашей страны. Я видел уже три перевода, из которых один сделан высокопоставленным лицом из числа моих друзей, и ни один не стоит вашего пера... Вы обещаете перевод в стихах моего "Бахчисарайского фонтана". Уверен, что он вам удастся, как всё, что выходит из-под вашего пера, хотя тот род литературы, которому вы предаётесь, самый трудный и неблагодарный из всех, какие я знаю. По-моему, нет ничего труднее, как переводить русские стихи французскими, ибо, при сжатости нашего языка, никогда нельзя быть столь же кратким. Итак, честь и слава тому, кто справляется с этим так удачно, как вы...» Благодаря Голицыну поэт смог «...щёлкнуть по носу всех этих крикунов из Палаты депутатов...»

Александр Сергеевич написал это послание князю по-французски и рассчитывал на встречу с Голицыным: «...ещё не отчаялся скоро увидеть вас в нашей столице, ибо знаю, как вы легки на подъём». Дружеские отношения с поэтом князь поддерживал до самой его смерти. Николай Борисович перевёл на французский язык пушкинский «Бахчисарайский фонтан», написал музыку на его слова «В крови горит огонь желанья...». Позднее Голицын вспоминал о времени, когда на берегах Понта (Чёрного моря) под сенью Аюдага (он жил в Артеке) пытался передать французскими стихами непередаваемые прелести поэмы Пушкина. Перу

Николая Борисовича принадлежит также и перевод «Чернеца» И. И. Козлова.

К сожалению, неизвестно, когда произошло знакомство князя с А. С. Пушкиным. По-видимому, это случилось во время его путешествия в Арзрум. Известно, что с 1825 года Николай Борисович – подполковник, а с 1826 года он дежурный офицер при наместниках на Кавказе А. П. Ермолове и И. Ф. Паскевиче. Пушкин самовольно побывал в 1829 году на Кавказе, оставив нам путевые очерки «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года». Судьба потомка династии Рюриковичей Голицына, который был прекрасным музыкантом, литератором, высокообразованным человеком, могла заинтересовать поэта. В 1832 году Николай Борисович выходит в отставку и в чине коллежского советника в течение трёх лет служит в Министерстве финансов. Поэт мог неоднократно встречаться с князем в столице, ибо тот «...лёгок на подъём...».

С 1837 года Николай Борисович публикует ряд исторических статей и мемуарных очерков. Наиболее интересны его «Офицерские записки, или Воспоминания о походах 1812, 1813 и 1814 годов». Они вышли отдельной книгой в 1838 году, а до этого публиковались в «Библиотеке для чтения». Они написаны прекрасным литературным языком и правдиво поведали читателю не только о событиях 1812 года, но и о героизме русских солдат и офицеров. Проявил большой интерес князь и к тогдашним политическим событиям, что отразилось в его публицистических статьях о Восточной войне 1853–1856 годов, участником которой он был непосредственно. Николай Борисович во время войны командовал новооскольским ополчением (ныне Новый Оскол находится в Белгородской области).

Горячий патриот России, всегда готовый защищать освященные устои самодержавия, Николай Борисович тем не менее прослыл «фрондёром». Он трезво видел и оценивал многие российские болезни и язвы царствования Николая Первого (это и невежество чиновников, и взяточничество, и казнокрадство) и, понятно, не мог не подвергнуть их критике в

Титульный лист
книги Голицына

своих произведениях. В 1845 году он написал комедию «Губернаторская ревизия», в которой высмеивал самодурство провинциального тамбовского дворянства. Запрещённая в печати «за сатирическое изображение реально существующих лиц», комедия была напечатана в Вольной русской типографии в Лейпциге в 1858 и 1859 годах.

В сороковых-пятидесятых годах XIX века появляются статьи Голицына, в которых доказывается необходимость отмены крепостного права, введения гласного судопроизводства. Статьи зовут к искоренению взяточничества, коррупции и казнокрадства. Перу князя принадлежит и ряд работ по богословию. Его идея – соединение православной и католической церкви. В 1858 году в Париже была издана его книга «О возможном соединении Российской церкви с Западною», которая, кроме известности на католическом Западе, принесла ему опалу в 1859 году. Синод настоял на высылке Николая Борисовича в тамбовское имение.

Голицын поселился в селе Новочеркутино (тож Салтыки) Усманского уезда Тамбовской губернии (ныне Добринский район Липецкой области) ещё в начале XIX века. Вскоре его постигло горе – умерла жена, Елена Александровна (тётка жены поэта Антона Дельвига, урождённая графиня Салтыкова). Тогда и решил Голицын навсегда поселиться в деревенской глуши. В январе 1831 года подполковник и кавалер Голицын обратился с прошением о

внесении в родословную книгу Тамбовской губернии в связи с тем, что у его покойной жены было имение в Усманском уезде, в селе Новочеркутино с деревнями, включающее 1200 десятин земли и 1090 крепостных душ «мужеского пола». 17 января 1831 года Тамбовское дворянское депутатское собрание постановило внести князя Н. Б. Голицына в дворянскую родословную книгу Тамбовской губернии, в третью часть.

В Новочеркутино Николай Борисович построил концертный зал, где обучал крепостных хоровому и сольному пению, игре на музыкальных инструментах. Он дал серьёзное музыкальное образование и своему сыну Юрию (позже ставшему известным музыкантом, композитором, дирижёром), привил ему любовь к музыке, пению. Новочеркутино принадлежало, согласно завещанию Елены Александровны, Юрию Николаевичу, опекуном которого до совершеннолетия был Николай Борисович.

К сожалению, ни одного достоверного изображения Николая Борисовича не сохранилось. Есть свидетельство, что в 1824 году на выставке в Академии художеств экспонировался его портрет кисти известного тогда художника А. Г. Варнека (к сожалению, не дошедший до нас). Современники отмечали, что художник прекрасно воплотил на холсте образ князя. В 1899 году на юбилейной выставке в Академии наук, посвящённой 100-летию Пушкина, были представлены два портрета Николая Борисовича. Но и они бесследно исчезли и даже не были воспроизведены в альбоме, выпущенном в связи с этой выставкой.

Правда, позднее были отысканы две литографированные миниатюры Николая Борисовича: первая – в монографии, посвящённой Бетховену (Париж, 1964), вторая – в фондах одного из санкт-петербургских музеев. На последней миниатюре Голицын изображён в возрасте тридцати пяти лет в мундире подполковника (в 1825–1832 годах он служил в отдельном Кавказском корпусе). Ни имени художника, ни местонахождения оригинала миниатюры исследователи не знают.

В немногочисленной краеведческой литературе, посвящённой Николаю Борисовичу,

Пушкино. Могила Елены Александровны, по мужу Салтыковой-Голицыной (Салтыковой-Головкиной по матери), род. 21.01.1802, умерла 25.05.1828 г.

Похоронена в Александро-Невской лавре

говорится, что он умер в Новочеркутино (тож Салтыки). Но это селение принадлежало его сыну Юрию, а Николай Борисович был его опекуном. Своё последнее пристанище друг Пушкина и Бетховена обрёл в селе Богородском Новооскольского уезда Курской губернии (ныне Белгородская область), где и умер 20 октября (1 ноября по новому стилю) 1866 года.

Некрологи, посвящённые памяти этого замечательного человека, опубликовали лишь некоторые издания – «Весть» (№ 90) и «Иллюстрированная газета» (1 декабря 1866 года). В них не только тепло отзывались о князе, но и отмечали его большой вклад в музыкальную сокровищницу России.

Виктор ЕЛИСЕЕВ,
краевед, член Союза журналистов
России, лауреат областной премии имени
И. А. Бунина

ЖИВОЕ ПЛАМЯ ПУШКИНА

1

Трепещут лепестки на ветру, переливаются прожилками таких известных смыслов, с которыми ничего не сделать, ибо верны:

*Сердце в будущем живёт;
Настоящее уныло:
Всё мгновенно, всё пройдёт;
Что пройдёт, то будет мило.*

Формула точности, и вместе с тем – лёгкости: необыкновенной, пенной, воздушной.

...На имени Пушкина лежит такое количество глянца и елея – имперского, гимназического, академического, советского, антисоветского, анекдотического, школьного, – что, кажется, через все эти слои пробраться к живому слову поэта практически невозможно уже.

Между тем надо просто вслушиваться:

*Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя...*

И сам напев утишит душевный раздрай, уврачуе раны, наносимые избыточно технологической современностью...

Мороз не стал менее крепким, а солнце не потускнело: ему-то что до человеческого прогресса?

*Мороз и солнце; день чудесный!
Ещё ты дремлешь, друг прелестный –
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!*

Волшебное поэтическое дыхание ощущается через все дебри сложностей, навороченные последующими веками: волшебное дыхание выси, услышанное и почуянное поэтом, перенесённое в человеческую речь...

...Возможно, Пушкин сначала видел свои стихи, как композитор видит музыку, суммами красивых цветовых наслоений и узоров: там, в недрах себя, в глубинах, о сущности которых сам не знал, – а потом уже проступали слова...

Такие простые, такие знакомые, совершенно особенные, точно наполненные духовным млеком слова, сочетающиеся в строки, знакомые с детства (раньше, по крайней мере), строки, освещающие пространство которых век...

...Лев Толстой писал о стихотворении «Воспоминание»: таких много если десять на всех европейских языках написано; а финал его представляется предельно мрачным, донельзя противоречащим и пушкинской лёгкости, и моцартианскому началу:

*И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слёзы лью,
Но строк печальных не смываю.*

Страшное совершенство стихов словно расщепляет сознание читающего; но именно в этом совершенстве и есть световая основа, высота, заставляющая видеть себя под таким неприглядным углом, чтобы меняться...

Едет возок, скрипят полозья:

*Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?*

Почему-то кажется: зимой писалось; можно свериться со справочниками, да стоит ли?

Лучше представлять – возок, синеющие отвалы снежного серебра, маленького человека в тяжёлой шубе, задумавшегося о собственных сроках.

Часто задумывался.

Многажды мелькало в стихах, словно проглядывала жуткая тварь между домашними, привычными мыслями...

...Несчастный безумец бежит от грозного всадника, чья медь вовсе не предназначалась для того, чтобы сводить кого-то с ума.

Онегин вглядывается в грядущее, которого – ни понять, ни представить; потом, махнув рукой, уходит в вечность: через массу деталей и подробностей, через пресловутый каталог жизни – уходит, чтобы никогда не умереть; да и друг его – несколько нелепый Ленский – всё жив и жив, пока не застрелит его Евгений...

Образы Германии встают: вездесущий и всезнающий, вечно ироничный Мефистофель, впрочем, обозначенный полупрезрительным «бес», потопит корабль, как и было велено.

Финские камни возникнут.

Жарко коснётся души дыхание Корана, чья кропотливая вязь слишком непривычна европейскому сознанию.

У Пушкина оно мешалось с русским, с любовью – до страсти – к сказкам, былинам, ко всему, что давал предшествовавший ему русский космос.

Дон Гуан проедет по ночному Мадриду, где кружево арабских кварталов таинственно вдвойне; Дон Гуан, рассчитывающий на приключение, а не на визит Каменного гостя.

Рассчитывал ли Пушкин на долгую жизнь?

Если верить русскому провидцу Даниилу Андрееву, смерть его, убийство есть следствие чрезвычайного сопротивления демонических сил силам провиденциальным, пославшим в русскую реальность поэта...

Цепочка кровавых пятен на снегу, плачущий Данзас...

Много лет прошло – совсем чуть-чуть; жарко дышит анчар, всё отравляя...

Надо просто читать.

2

Коды прозы Пушкина – в поэзии: растёт из неё и строится по своеобразному принципу: будто не фраза, а строка, та же естественность любого поворота, и рифма, мнится, вспыхивает двоением в роскошно отполированном зеркале вечности.

Страшна ли «Пиковая дама»?

В детстве можно испугаться – правда, сегодня вряд ли кто-то будет читать рассказ ребёнку...

Психология даётся своеобразно: тонко просвеченными нитями, намёками; тут ещё нет последовавшего в русской прозе мощного психологического портретирования.

Да в рассказе «Гробовщик» (скажем) оно и невозможно: тут важен сюжет, схема необычности, выход за пределы реальности...

Любовь к отеческим гробам проступает, искажённая карнавальная стихией.

«Капитанская дочка» разворачивается спокойно: не суля нагромождения, напластования трагедийных ситуаций, и Пугачёв, появляющийся почти в начале, ничем не похож на того, неистового...

Он для Пушкина двойственен: и объект научного исследования, и символ стихии русского бунта, логично избыточного, ибо альфа социальной несправедливости особенно сильно чувствовалась в России.

(Сейчас, впрочем, тоже – хотя декорум сильно изменился.)

...Снежные, свежие, морозные строки-фразы – даже ежели речь о лете или любимой осени; строки, отливающие мрамором, без его тяжести, белым-белым...

В Тоскане те, кто добывал камень, именовали его мясом: живое мясо земли...

Живой мрамор пушкинских строк, создающих суммарно прозу поэта, сияет, маня, влечёт всё новыми и новыми погружениями в такое знакомое пространство...

3

Борис Годунов раскинет мощно цветочные слои исторического космоса по небу – духа...

Страшный, несчастный Борис – из недр шекспировского как будто мира, совершенно русский, растянутый, когда не распятый на крюках грехов, с наползающим ужасом, сминающим все чувства, все возможности дальнейшего бытования...

Сколь возвышен белый стих!

Кажется, и рифмы – лёгкой подружки – более не надобно, мешала бы, отвлекала...

Европейское время растягивалось, как великолепная река, теряя точную атрибутику периодов; впрочем, в противостоянии двоих (о котором не подозревает солнечный Моцарт) время конкретно, как донельзя конкретен трактир, и вино – мнится – можно попробовать, оценить вкус...

Скупец, спускающийся в подвал, опьянённый сильнее всякого вина: гипноз золота своеобразен, его не истолкуешь так просто, иначе по-другому строилась бы жизнь...

...Воздух Украины вполне отвечает европейской старине, поражая такой словесной прозрачностью, что ощущения собственные – спустя два века – уточняются как будто:

*Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звёзды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух. Чуть трепещут
Сребристых тополей листы.
Луна спокойно с высоты
Над Белой Церковью сияет
И пышных гетманов сады
И старый замок озаряет.*

Громоздится восковой череп замка; зреют события, вызревает тугая, наполненная таинственным соком виноградная гроздь истории...

Пушкин не мыслится вне её: она близка, различная – и Римом, и Византией, и Испанией, и Германией; щедрое сердце поэта вбирает в себя все эпохи, чтобы перевоссоздать их по-русски, приблизить к русской тайне и космосу.

...Пышно говорил Достоевский на открытии памятника, сильно, восторженно; Бунин отвечал на вопрос о Пушкине: «Не смею я о нём никак думать...»

Буйная пестрота цыган; неистовство разрывающих крючьями страстей – но тело-то остаётся, крючья работают метафизические...

Ту цыганщину, которую любил Пушкин, не представить сегодня: и песен таких не уцелело, и накал подобный был бы в диковинку.

Смириться?

Пушкин был против – большую часть огромной, такой короткой жизни.

Он был против до периода:

*Отцы пустынники и жёны непорочны,
Чтоб сердцем взлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей...*

Тут уже смирение ощущается: тугими пульсациями, всё более и более важными гордому человеку...

...Ахматова писала о нём легко и таинственно; Цветаева – с волшебным своим жаром-захлёбом-неистовством; Тынянов рассматривал трезво, научно, если и допуская фантазию, то в пределах источниковедения; Даниил Андреев – так, как мог бы моряк блуждавшего в темноте корабля отнестись к маяку.

А вот Пушкин анекдотический – из рассказа Зоценко «В пушкинские дни», Пушкин, увиденный сквозь кривые мещанские окуляры, словно ставший забавным, хотя забавны те, кто так видит...

...Руслан вечно несётся на бороде Черномора; а сказки кота отдают извечностью тайны; запутанны многие тропы «Руслана и Людмилы», начинены, кажется, содержанием, которое передал молодому поэту таинственный волхв.

Или не было такой встречи?

Разное можно предполагать, храня живого Пушкина – через пуды напластований, через школьную, познанную всеми рутину, храня чудо философского камня его грандиозного наследия.

Александр БАЛТИН

ПУШКИН И

«ВЕТЕР С МОРЯ ДУЛ...»

6 июня – День русского языка. Почему 6 июня? Потому что именно 6 июня появился на свет наш великий Александр Сергеевич Пушкин, не только поэт, не только «наше всё», но и человек, создавший современный русский язык.

Ведь как писали на Руси до Пушкина?
*...Случается иногда сим ей избавляти
Любовника погибла почти всеконечно
От той гибели целой и противустати
Любви и злой ревности чрез весь живот вечно...*

Это стихотворец Василий Тредиаковский, написано примерно лет за 70 до рождения Пушкина. Понять можно, но с трудом. И появляется Александр Сергеевич:

*Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты...*

Вот он, русский язык, великий и могучий! А как разговаривали до Пушкина? «Сия юная питомица Талии и Мельпомены, щедро одарённая...» И Пушкин: «Эта молодая прехорошенькая актриска...» За свою короткую жизнь он умудрился совершить революцию в русском языке!

Или, может, это совпадение, ведь язык сам изменяется со временем? Вряд ли... После «Слова

о полку Игореве» и до Пушкина на Руси практически не было литературы, а язык без литературы умирает. 700 лет – ни одного значительного произведения, только Державин, Ломоносов и уже упомянутый Тредиаковский, которых невозможно читать. Ещё Крылов, Фонвизин, протопот Аввакум, и, если погуглить, всплывёт Жуковский. Всё! А в Европе – Рабле, Бокаччо, Шекспир, Мольер, Сервантес, Лопе де Вега... Так что все эти 700 лет язык наш ждал появления гения...

А каких высот достигла литература российская во времена Пушкина! И ещё сто с лишним лет после смерти поэта она держала планку – так сильно повлиял на неё потомок Ганнибала. Список бесконечен – Лермонтов, Тургенев, Гоголь, Чехов, Толстой, Есенин, Бродский, Вознесенский... И разговорный язык соответствовал литературе...

А потом произошло падение... Кто, как сейчас модно говорить, тот нулевой пациент, который первым произнёс фразу «Имеет место быть закипание супа»? Где тот чиновник, так ответивший на простой вопрос «Как пройти к метро?»: «Что касасемо ваших целей по осуществ-

влению порядка прохода граждан к структурам метрополитена, то есть мнение, что вскоре будет произведён полный комплекс работ всех городских ведомств по этому вопросу»? А как фамилия того поэта, написавшего строки «Забирай меня скорей, увози за сто морей и целуй меня везде, восемнадцать мне уже»? А, прости господи, «У меня мурашки от моей Наташки»? «Это же зашквар! Жест!» – скажу я. «Весьма дурно!» – сказал бы Пушкин... Рано, рано убрал Александр Сергеевич своё серебристое крыло, охраняющее нашу речь и литературу...

Так, может, пора спасать наш язык? Нет, не надо – он справится, как когда-то давно справился с засильем французских слов (с помощью опять же Пушкина, правда). И сейчас он устоит под напором эстрадных графоманов, словесного мусора и всех этих «харассментов» и «каминг-аутов». Вот уже

телеканал «Матч» запретил употребление англицизмов, и бедные комментаторы вместо понятного всем «андердога» должны говорить «аутсайдер»... Слово «отстающий» в их лексиконе отсутствует. Скоро, надеюсь, к «Матчу» подтянутся телеканалы «Культура» и «Спас», потому что фразы типа «бойфренд Анны Ахматовой» и «апгрейд Симонова монастыря» немного режут слух...

А Александр Сергеевич смотрит на нас со своей высоты и грустит. А может, посмеивается и просит свою жёнушку: «Натали, а прочти мне ещё раз те стихи...» «Ветер с моря дул, ветер с моря дул, нагонял беду, нагонял беду...» – читает Натали, и Пушкин хохочет: «Вот как надо было мне моего "Онегина" писать! И денег в два раза больше, платят-то построчно!»

А всех любящих русский язык – с праздником!

ФОТОГРАФИЯ

Я случайно наткнулся на эту фотографию. Она, видимо, очень давно провалилась в какое-то внутришкафное пространство, а шкафу этому исполнилось пятьдесят лет, и я понял, что он своё отжил. Хотя мама страшно сопротивлялась и вспомнила даже название югославского гарнитура, частью которого шкаф когда-то был, – «Мануэла». Или «Изабелла», или вообще «Мемфис», надо в чеке посмотреть, сказала мама и пошла искать чек. А я решил быстренько шкаф разобрать и отнести туда, где ему самое место, – к мусорке во двор. Там, на дворе, век лофта, хай-тека, японского и скандинавского стилей, эклектики, а тут – «Мануэла». Или, не дай бог, «Мемфис». Уже и страны такой нет, Югославии, а шкаф всё стоит памятником Иосипу Броз Тито. На совесть в те времена шкафы делали наши югославские друзья... Но что югослав сделал, русский всегда поломать может, да и разборщик мебели я, в отличие от сборщика, отличный. Вещи вытащил, дверцы

с трудом и с треском отодрал, потом какую-то фанеру сзади, по боковой стенке ногой долбанул, а тут эта фотография и вылетела. Большая, чёрно-белая, слегка помятая, со срезанными уголками... Я взял её, сел на пол у недоубитого шкафа и...

Мой класс! Идём куда-то, как и положено – парами. Вот мальчик, симпатичненький, в белой рубашечке, глазки умненькие, но я этого мальчика не помню. А рядом Дима Солдатов – отличник, на золотую медаль претендовал, не помню, получил или нет... Сейчас доктор, говорят, очень хороший. А на фотографии – полненький, смешной... Мне сейчас хороший доктор знакомый не помешал бы, в связи с возрастом и с болезнями от этого возраста. Жаль, я с ним не очень дружил, хотя жили рядом... Но так бывает – Дима книги по анатомии читал, готовился, о медицине мечтал и шёл к этой мечте, а я мечтал о батнике, как у Тыниса Мяги. И о чём нам дружить, если он и слова-то такого

не знал – «батник»? А я в учебнике анатомии только картинки смотрел и пририсовывал к ним всякое... В итоге у Димы хорошая работа, уважение и почёт, медсёстры в подчинении, а у меня плакат Тыниса Мяги в туалете висит. Со времён Олимпиады-80...

За Димой Солдатовым – Федя Карпов, черноволосый, щёки такие, галстук пионерский... Недавно встретились случайно – автомобилями торгует, какой-то главный менеджер. Как увлёкся машинами классе в седьмом, так с ними по жизни и идёт. Я в седьмом классе хотел на лошади скакать, как неуловимые мстители, и эшелоны подрывать, как армия Трясогузки... Поэтому, наверное, у Феди Карпова Land Rover последней модели, а я вчера карту «Тройка» в трамвае потерял, когда на рынок ездил. Подорвать бы этот трамвай к чёртовой матери! Жаль, нечем, нету среди моих друзей Трясогузки...

Боря Гусев в паре с красавицей Наташей Резниковой... Он все десять лет её любил, как и я, а она свою любовь нашему однокласснику отдала, Марату, а замуж вообще за другого вышла. Предала нашу с Борей любовь... Она и

сейчас красавица, я с ней в «Фейсбуке» дружу, счастлива, муж с неё пылинки сдувает... А вышла б за меня, ходила бы вся в пыли, я с бабами строг, хоть их и нет у меня давно. Зато пыли навалом...

Наташенька Ельникова... Её я тоже все десять лет любил, но она меня даже не замечала. Та Наташа, которая Резникова, хотя бы здоровалась иногда, а эта вообще – небожительница. Самые стройные ноги школы... У меня даже её телефон сохранился, я как выпью, постоянно звоню, с турком каким-то разговариваю. Нет, говорит, здесь твоей Наташи, это ресторан турецкой кухни, заходи, гостем будешь, а Наташу мы тебе найдём. Другую. Телефонный номер-то городской, старый, я его со школы помню, а Ельникова моя уж давно уехала в какую-нибудь Голландию...

В паре с Наташей Ельниковой – Дима Шувалов, высокий, в джинсах... Самолётами занимается, кто-то рассказывал. То ли строит их, то ли летает, то ли продаёт... Странно, все думали, что он в науку пойдёт, очень сообразительный мальчик был. Хотя какая наука, наше ж поко-

ление на эпоху перемен попало, не до науки было... Вот все думали, что я в артисты пойду, очень уж хорошо я сценки всякие показывал. И что? Хотя я считаю, что кассир в магазине «Пятёрочка» – работа очень артистичная. Попробуй, вбей в чек килограмм бефстроганова себе на ужин, чтоб покупатель не заметил...

Расстроился, о карте «Тройка» вспомнил, пошёл покурить в туалет, на Тыниса Мяги посмотреть. Успокаивает он меня... «Спасите, спасите, спасите разбитое сердце моё...» Или это Яак Йоала? Да хватит об этой карте «Тройка» переживать! Зачем она мне? Всё равно ездить некуда, «Пятёрочка» – вот она, в соседнем доме, а без рынка и обойтись можно...

Шура Дымова... Её я любил в восьмом классе, где-то с февраля по апрель. Всё мечтал, как после школы встретимся – я подхожу к ней на улице, весь в жёсткой щетине, с лицом, обветренным пассатами и муссонами, в потёртой кожаной куртке, пахнущий болгарским дезодорантом «Зелёное яблоко»... В прошлом году увидел её в своём магазине, еле убежать в подсобку успел, хорошо, кассу сдал уже. Как её из красивой жизни в нашу убогую «Пятёрочку» занесло? Хотя всё так удачно сложилось, чтобы подойти – и лицо у меня как раз обветренное было, правда, не пассатами, и куртка потёртая, правда, не кожаная, и пахну я до сих пор болгарским дезодорантом... Испугался, не подошёл... Зачем ей пожилой кассир магазина «Пятёрочка»? А с другой стороны, если б я её бефстрогановами каждый день угощал... Бесплатный бефстроганов любое женское сердце растопит, даже самое недоступное, я уже пробовал один раз. Еле избавился потом от этой дуры, там вместе с сердцем и мозги растопились...

В паре с Шурой – Макс Обухов, весь в зелёнке. Или в йоде, фотография-то чёрно-белая, не поймёшь. Хулиганистый был парень, учился плохо, а сейчас – батюшка. Я его по телевизору часто вижу, выступает на каком-то церковном канале. Я тоже как-то в телевизоре мелькнул – зрителем на концерте Петросяна, на пару секунд. Это я с мамой ходил, в прошлом веке ещё, у меня и билеты сохранились. Я-то хотел на Тыниса Мяги сходить, но мама

выбрала Петросяна... И правильно – Петросян очень смешной оказался, мы так хохотали...

Наташа Ковалёва и Лена Макаровичина... Они все десять лет дружили, да и сейчас подруги... Вика Гацко с Серёжей Ворониным, с Вороной... Лена Хлопонина, тоже моя школьная любовь, тоже неудавшаяся... Все весёлые, улыбаются, у всех жизнь впереди, разноцветная, интересная, с путешествиями и с возвращениями домой, с открытиями и с приключениями... Весь мир лежит перед этими ребятами, влекущий, незнакомый, огромный, как океан, ждёт, когда они зайдут в него... А там, в этом мире-океане... Любовь, счастье, принцы и красивые платья у девочек, принцессы и подвиги у мальчиков, и никаких ссор, никаких расставаний, никаких печалей... Не ожидали ничего плохого от взрослого мира те ребята со старой фотографии... И они были правы...

Все, кроме того симпатичненького мальчика в белой рубашечке, которого я не знаю. Откуда мне его знать, если я с ним ни разу не разговаривал... Потому что это я, будущий кассир магазина «Пятёрочка». Захлебнулся этот мальчик во взрослой жизни, нырнул в океан и сразу на дно опустился. Ну, может, не сразу, года два-три побарахтался... И сидит сейчас возле поломанного шкафа из гарнитура «Мануэла» или «Мемфис», какая разница, и вспоминает, и глаза чего-то защипало, и муторно как-то стало, от зависти, наверное, и в душе осень, и карту «Тройка» потерял ещё, а там рублей сто было...

И пятьдесят лет между тем мальчиком и этим седым кассиром... А были они, эти пятьдесят лет? И если были, почему ничего хорошего не оставили? Шкаф только да плакат Тыниса Мяги... А счастье где?

Надо было на Наташе Резниковой жениться. Она мне батник бы на свадьбу подарила, а я б её в «Пятёрочку» товароведом устроил. Два килограмма бефстроганова лучше, чем один. И по выходным мы бы Петросяна смотрели и смеялись. И может быть, случилось бы счастье...

Хотя это вряд ли.

Илья КРИШТУЛ

СЕГОДНЯ...

Сегодня, когда идёт война на Украине, когда гибнут мирные граждане, когда нет числа клеветникам России и решается судьба не только Украины, особенно возрастает значение слова правды. Литературно-исторический журнал «Александръ» вызывает глубокое уважение своей чётко выраженной патриотической позицией. Незримое присутствие Пушкина в каждом его номере рождает доверие у читателей и сплочение литературных сил вокруг журнала. С ним делятся сокровенными мыслями, тревогами и надеждами люди из разных уголков России. Незримое присутствие Пушкина необходимо сегодня нам, чтобы верить в великую миссию нашего народа, в торжество правды и милосердия, не поддаваться унынию и слабостям. С оружием в руках сегодня Россия отстаивает свой исторический путь в будущее и болью сердец отзывается на гибель своих сынов. Вот и в мой район пришла горькая весть: погиб лейтенант Алексей Владимирович Широченко, защищая интересы нашей Родины. Выпускник Омского автобронетанкового инженерного института 2020 года начал службу в 56-й отдельной десантно-штурмовой бригаде в Волгоградской области заместителем командира, затем командиром роты. Вскоре был направлен в 56-й отдельный десантно-штурмовой полк в город Феодосию Республики Крым на должность начальника автомобильной службы. Погиб в ходе освободительной операции на Украине. 18 марта в селе Любомировка Таврического района родные и земляки простились с верным сыном России. Нашу общую боль я хочу разделить с читателями журнала «Александръ».

ПАМЯТИ
ЛЕЙТЕНАНТА АЛЕКСЕЯ ШИРОЧЕНКО,
ОТДАВШЕГО ЖИЗНЬ
ЗА СВОБОДУ НОВОРОССИИ

Извечный спор
Добра со злом.
Гуманитарный коридор
Враг завязал узлом.
И надо узел разрубить,
Живых живыми сохранить.
И не вопрос:
Быть иль не быть?
Жить без угроз!
В Донецке и Луганске стон –
К возмездию вызывает он,
Взять логово врага в кольцо.
Но огрызается бандит.
Среди защитников-бойцов
Наш лейтенант Широченко убит!
За нас убит! Какая боль!
За нас пожертвовал собой!
Он главное успел и смог –
Исполнить свой священный долг.
Земля родная примет прах,
Но жив он в материнских снах.
Душа Алёши в небесах
Бессмертный украшает строй.
Гордись, Россия!
Твой сын – герой!
Ему открыт земной простор,
Широченко несёт дозор!

Валентина ОСТАНИНА,
член СП России
Таврический район, Омская область

МИР И ХЛЕБ

ПОЭМА

Валентина ДОРОЖКИНА

I

Мы хлебом никогда не наедались.
О хлебе думали,
как только просыпались.
О хлебе думали, идя ко сну...
Давали хлеб по карточкам в войну.

1

Очередь.

Очередь.

Очередь –

Длиннее голодного дня.

А в комнате,

маленькой очень,

Ни хлеба нет, ни огня.

Там стриженные головёнки

Уткнулись лбами в окно.

Мальчишки там и девчонки

Не ели уже давно.

Давно не топилась печка,

И темень – со всех сторон.

Вчера

последняя свечка

Отдана для похорон:

Соседку тётю Марию
Вчера без слёз схоронили.

И смерть каждый день уносит
Столько людей – не счесть.
Но мёртвые хлеба не просят.
Живые хотят есть...

Не движется длинная очередь.
А детям так хлеба хочется!

...Почти не идут ноги,
И клонится вниз голова...
Здесь горе коснулось многих,
Здесь каждая третья – вдова.

Идёт походкой неровной
(Не мил ей весь белый свет)
Нечаева Анна Петровна –
Вдова в двадцать девять лет.

Не видит она, не слышит –
Погиб её милый, родной.
И четверых ребятишек
Теперь поднимать одной...

А бывало, мечтали с Алёшей,
Уложив ребятишек спать:
Из парней – трактористов хороших,
Ну а дочь – в институт отдать.

Алексей – на полном серьёзе.
А жена говорила:
 «Постой,
Будут с ними ещё и слёзы:
Четверых ведь –
 путь непростой...»

«Ничего, –
 Алексей упорно, –
Воспитаем, взрастим вдвоём».
И смеялся:
 «Есть ещё порох –
Мы и пятого заведём...»

И ушёл.
 И смешался с войной.
И ушёл. И оставил вдовой.
Написал какой-то начальник,
Что геройски погиб Нечаев...

...А в очереди вдовы,
Которым потерял счёт,
По своим наплакавшись вдоволь,
С Анной плачут ещё...

Не видит она, не слышит –
Погиб её милый, родной.
И четверых ребятишек
Теперь поднимать одной.

А как поднимать, если
И хлеба досыта нет?
Война...

 Будь она проклята!
Сколько ж ей длиться лет?

И сколько ещё печали
Эта война принесёт?..
А был только в самом начале
Сорок четвёртый год.

2

Ждут мальчишки, ждут девчонки,
Целый день всё ждут и ждут:
Скоро, скоро, очень скоро
Мамы с хлебушком придут.

Принесут его, кормильца, –
Просветлеют мигом лица.
Запах хлеба – аромат...
Тихо вдовушки стоят.

Плечи согнуты заботой.
Губы тихо шепчут что-то:
Похоронки ли читают?
Иль сирот своих считают?..

А по очереди чёрной
Слухи чёрные ползут:
Говорят, что и сегодня
Хлеб опять не привезут.

* * *

Не видеть бы эту очередь.
Очередь – как вдова.
...А в комнате, маленькой очень,
Девочка еле жива.

Тоненькая, как спичка,
Мутно-голодный взгляд.
А братья вокруг сестрички
Беспомощные стоят.

Самим-то ещё мало –
От десяти до пяти.
«Танечка, скоро мама
С хлебцем должна прийти.

Накормит она дочку.
И посидим вместе...»
А Танечке три годочка
Было бы через месяц.

Её уже не накормят.
Матери – страшная весть...
Лежала Танюшка спокойно
И не просила есть.

В глазах отражалось небо,
Где серые тучи ползли...
А мама ушла за хлебом,
Который не привезли.

II

Я помню: мама принесёт паёк.
Достанется кусочек, не кусок.
Но как мы ждали этого пайка!
Пускай кусочка даже, не куска.

1

Холодно в школе и голодно.
Пальцы застыли уже,
И даже дрожит от холода
Стержень в карандаше.

А вьюга так зло хохочет,
Становится всё смелей.
Сейчас бы хлеба кусочек –
Сразу бы стало теплей...

А в школе, такой холодной,
Что вместо чернил – лёд,
Шёл сорок седьмой, голодный,
Но всё же учебный год.

...Хлеба нет, и мало книжек.
Дров не хватит на мороз...
В классе шепчутся мальчишки:
«Колька Власов хлеб принёс...»

И к его, особой парте
Все прикованы глаза.
Попросить бы хоть кусочек,
Да урок идёт – нельзя.

Колька в парте хлеб ломает
И украдкой жуёт.
Запах хлеба опьяняет...
А урок ещё идёт.

А потом, на перемене,
Колька хлебом всех дразнил.
Попросить-то все хотели,
Но никто не попросил.

Ну а Кольке Власову
Хочется повластвовать.
Сытый, он, словно игрушку,
Достаёт ещё горбушку.

И картинно руку выгнул.
А горбушка – хороша...
И получит тот, кто прыгнет
Со второго этажа.

Издевался Колька тонко,
Хлеб поближе подносил.
Но... слюну глотали только,
Но... никто не попросил.

Как терпели все отчаянно!
Лишь один не утерпел:
Мальчик худенький – Нечаев –
Ту горбушку захотел.

Подошёл к окну решительно,
Через раму перелез.
Семиклассники притихли,
Тишина – словно протест.

Против голода и стужи
Восставала вся душа,
Против прыганья Андрюши
Со второго этажа.

Но Андрюша всё же прыгнул:
Смелый мальчик, хоть и мал.
В класс вернулся. Сел за парту.
Только Колькин хлеб не взял...

2

У Нечаевых в комнате
Поздно вечером – свет.
Андрею Нечаеву –
Четырнадцать лет.

Он готовится завтра
Вступать в комсомол.
Сочинять биографию
Садится за стол.

Над столом в чёрной рамке –
Портрет на стене...
«Биографию, мамка,
Как рассказывать мне?»

Смотрит мама на сына –
На гордость свою:
«Расскажи там, Андрюша,
Про нашу семью.

Что отец трактористом
Был в колхозе родном.
Разлучили фашисты
Нас с тобою с отцом.

Расскажи там, сыночек,
Что у мамы твоей
В годы голода умерло
Трое детей;

Что не впали в отчаянье
В дни жестоких годин,
Что из рода Нечаевых
Ты остался один.

И ещё ты, Андрюша,
Скажи, не забудь:
Когда вырастешь – выберешь
Самый правильный путь.

Будь к чужому несчастью
И не глух, и не слеп.
Помни: самое главное –
Это мир. Это хлеб.

Будь правдивым и верным
И в труде не робей.
Не последним, а первым
Заступись за друзей.

Вам нелёгкое детство
Пришлось пережить.
Вы нелёгкому делу
Старайтесь служить...»

Мать вздохнула украдкой,
Горечь стёрла с лица.
И закончила кратко:
«Будь, сыночек, в отца...»

III

А нынче я – в студенческой бригаде:
Послали нас колхозу помогать.
Вожу зерно. А бригадир заладил:
«Вот сколько хлеба – некуда ссыпать!»

Душистый закром уж давно не пуст.
И хлебу правда не хватает места.
Смотрю на хлеб. И пробую на вкус.
И вкус зерна напоминает детство.

1

Очередь.

Очередь.

Очередь –

Машины стоят в ряд...
На току и днём, и ночью –
Наш студенческий отряд.

Хлеб везут, и хлеб ссыпают,
Хлебу места не хватает.

Но работать мы не прочь
День и ночь. День и ночь,
Чтобы хлеб убрать скорей,
До ненастья, до дождей.

Соревнуемся теперь
За уборку без потерь.
Бригадир наш замечает:
«Впереди – опять Нечаев.

На него равнялись чтоб –
Настоящий хлебороб!»

Мы Андрея уважаем,
Темп в уборке не снижаем.
Устаём, конечно, но –
Льётся золотом зерно...

Смотрит небо чистой синью –
Небо в сговоре с землёй.
Пахнет мёдом и полыньёю,
Пахнет скошенной травой.

Веет духом благодатным
С поля, с неба, от земли.
Пахнет хлебом ароматным –
В русской печке испекли...

Печка всякое видала:
И топилась, и пекла,
Вместе с нами голодала
И холодною была.

Были годы, когда в печке
Не пекли и не варили,
Грелись у последней свечки,
Верой-правдой живы были.

И ложились, и вставали –
Все победу ожидали.
Ждали столько страшных лет:
Будет мир – и будет хлеб.

Хлеб... А слово-то какое!
В нём – богатство мирных дней.
В нём заложено святое
Дело Родины моей...

2

У Нечаевых в доме –
Тишина и покой.
Отдыхают студенты –
Кончен день трудовой.

Только в маленькой комнате
Лампа горит –
Поздним вечером тихо
С сыном мать говорит:

«Вот ты кончишь, Андрюша,
Через год институт.
И учителем станешь,
И в школу пошлют.

С чем придёшь ты к ребятам?
Как их будешь учить?
Это дело нелёгкое –
Воспитателем быть...»

«С чем приду я к ним, мама?
Ты учила сама
От людей от хороших
Набираться ума.

Не бояться учила
Ни воды, ни огня.
Самым первым учителем
Ты была у меня.

Поклонение хлебу
Воспитала во мне...
Я на первом уроке
Расскажу о войне.

Расскажу я, что жили
Мечтой об одном:
О победе, о хлебе –
О самом святом...

Научу я их, мама,
Нашу землю любить,
Хлеб – богатство людское –
И беречь, и ценить.

Чтобы помнили, знали
О страданиях страны,
Сколько мы потеряли
Жизней в годы войны.

Я хочу, чтобы каждый
Ученик мой умел
Видеть самое важное
В массе будничных дел;

Чтобы стал настоящим
Гражданином страны,
Чтоб боролся за счастье,
За жизнь без войны;

Был к чужому несчастью
Не глух и не слеп,
Помнил: самое главное –
Это МИР.

Это ХЛЕБ».

Марина ЩЕНЯТСКАЯ

Марина Александровна Щенятская родилась в 1984 году в Белгороде.

Кандидат экономических наук, доцент. Работает в Белгородском государственном технологическом университете имени В. Г. Шухова. Автор книг стихотворений «В сети волшебных лабиринтов», «Из солнечных ладоней».

Лауреат Международного поэтического конкурса «Что превращает слёзы в благодать...», Межрегионального фестиваля молодёжного творчества «БеРег».

Стихи публиковались в литературных журналах «Звонница», «Симбирскъ», «Странник», «Ротонда», «Южная звезда», «Приокские зори», альманахах «Земляки», «Чаша круговая», «Ковчег».

* * *

РОЖДЕСТВО

Теплота с небес прольётся в души –
Ясная во тьме зажглась звезда.
И покоя ночи не нарушит
Юной Богородицы слеза.
Замирает любящее сердце –
Мир увидит правды торжество.
А пока так сладок сон Младенца
В первый день на свете – в Рождество.
И поёт то радостно, то грустно
Колыбель святая Иисуса...

* * *

Снег и чувства белым-белым
Жизнь мою разрисовали.
Чистым, долгим, ясным, смелым
Все дороги заблистали.
Хлопья – в воздухе морозном,
Оторвать я взгляд не в силах.
Словно ввысь вспорхнули грёзы,
Что душа моя хранила!..

Слова в молчанье раствори.
Здесь и сейчас замри! Смотри,
Как пламя радостной зари
Поспешно гасит фонари,
Как снег румянят сугробы
И счастье теплится внутри!..
Его с собою в путь бери
И благодарностью гори!

* * *

Тоскует дождь над белым майским садом,
И яблони в слезах его чисты.
Деревьям дождь – желанная отрада,
Хоть с ним теряют лепестки цветы.

Вот так и мы теряем дни и жажду
Прожить светло. Стал чужд наивный взгляд.
Но в сердце тайно верим, что однажды
Нам распахнутся двери в райский сад.

* * *

Надо мною плывут облака.
Их черты повторяет река.
С облаками уходят века –
В неизвестность, где синь глубока.
Свет нездешний – незримый пока.
Не спешите, мои облака!..

ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕР

* * *

Сирень в дожде, а в небе словно крылья
Из облаков.
И я одна – меж небылью и былью,
Где нет оков.
Ни лишних слов, ни сожалений,
Ни прошлых лет.
Лишь утихающий весенний
Закатный свет.

СИРЕНЬ

Я войду, как в чарующий сад,
В этот воздух небесно-весенний.
И уже не воротят назад
Груз и холод томящих сомнений.

И пусть мысли печалью пестрят,
Успокоится сердце в смиренье.
Утопают мой город и взгляд
В облаках пышных веток сирени.

Упоителен их аромат,
И другой выхожу я из тени.
А надежды парят и парят,
Задевая соцветья растений...

* * *

Напои мгновеньем душу:
В трелях – соловьи,
Летний день, дождём остужен,
Грезит о любви.

Капли плещутся в затоне –
Странники небес.
И зовёт в свои ладони
Нас промокший лес.

Здесь природа безмятежна,
Воздух свеж и чист.
И объаты влагой нежной
Мы и каждый лист!

Яркое лето вплетает в траву сочный
цвет изумруда.
Запах вечерних цветов – словно сладкий
и томный дурман.
Солнце румянит простор.
Расстилая прохладу повсюду,
Знойную землю окутал прозрачною
дымкой туман...

В стылые дни я однажды незримо вернусь
в этот вечер.
Лето, манящее лето, зачем же ты
столь скоротечно?..

АВГУСТ

Август румяным яблоком лёг у ног.
Тающим мёдом твой истекает срок.
Запечатлеть сполна, солнца набраться впрок...
Пусть будет долгим лета последний глоток!

* * *

Догорает костёр, уступая сиянию
звёздного света.
И лимонная долька луны так тоскливо глядит
на меня.
Эта летняя ночь – словно страшную тайну –
не выдаст ответа.
Да и я не стремлюсь в этот час к озаренью,
сомненья гоня.

В бесконечных созвездьях я мысли
и чувства топлю,
И нисходит покой на мятежную душу мою.

* * *

Осень благодной печалью душу опоила.
Роскошью своей прощальной землю опалила.
Ветер веет листопадом, обнажая кроны,
Растворяя золотую осени корону.
Я люблюсь. Я вдыхаю, впитываю страстно
Каждый миг сладчайшей тайны осени
прекрасной!..

* * *

Листья к нам летят –
Так красиво!
Легкокрыл мой взгляд
Молчаливый.
Мне твоя рука
Дарит лето.
И печаль легка,
Коль пропета!..

* * *

В дивноцветных звёздах клёна
Затаится, раствориться..
Всю усталость к небосклону
Отпустить свободной птицей.
Отдышаться, напоиться
Долгожданною прохладой.
Возродиться, вдохновиться
Нежным шумом листопада!..

* * *

Речка прощается с золотом солнца.
Падает на воду листьев янтарь.
Выпита нежная осень до донца.
Зябнет зовущий в ноябрь календарь..
«Всё повторится...» – шепчет мне ветер,
Помнящий тайны прошлых столетий.

ДЕТСТВА МИРАЖИ

Ане

Искренние книжки, добрые пластинки,
Радости и ссоры, ласковые дни,
Мамины улыбки, милые смешинки –
Мы с тобой делили детство на двоих.
Долгие прогулки, речка и «войнушка»,
Бабушкины плюшки, чтение в саду..
Нахожу в коробке давние игрушки
И постичь пытаюсь истину одну:
Детство промелькнуло яркой синей птицей..
Но остались память и тепло души!..
Лишь возьму открытки маленькой сестрицы,
Тотчас расцветают детства миражи...

БЕЛЫЙ ГОРОД

В дни печалей и ненастий,
Белый город, ты со мной!..
Распахнув объятия настежь,
Увлекаешь в свой покой.
Тихий парк в сиянье млечном,
Скверов и церквей краса,
Ветви ивы в томной речке,
Мост, ведущий в небеса..
Белый город, ты всё помнишь –
Каждый вздох моей души..
И из солнечных ладоней
Ты на помощь мне спешишь!..

* * *

Я вижу даль, вечерние огни,
Их отраженье в речке утомлённой.
О чём молчат, о чём грустят они?
О том ли, что таят глаза влюблённых?..
О том ли, что с небесной высоты
Легко разбиться, главное разрушив
И голос сердца дивной чистоты
В слепой гордыне так и не дослушав?..

ПОЕЗД

Туман. Протяжные гудки.
И поезд мчится.
В пустое небо от тоски
Вспорхнут ресницы.
Куда же так состав летит,
Влеком судьбою?
Два одиночества спасти
Одной любовью.

* * *

Мне с тобой всегда туманно,
Океанно и безбрежно,
Парусно, и несказанно,
И закатно-безнадежно.
Мне с тобой чуть-чуть тревожно,
Корабельно и дурманно,
Непривычно, сладко, странно,
Горячо и невозможно...

«МЫ СТАЛИ ЧЁРНЫМ ХЛЕБОМ НА ВОЙНЕ»:

ВОЕННЫЙ ДОНБАСС В СТИХОТВОРЕНИИ ЕЛЕНЫ ЗАСЛАВСКОЙ «ЧЁРНЫЙ ХЛЕБ»

В феврале 2022 года началась активная фаза участия России в украинско-донбасском конфликте. После признания республик Донбасса и начала военной операции по денацификации Украины в сетях обозначилось новое направление информационной войны: псевдопацифистская риторика, направленная против военных действий на Украине. Предыдущие восемь лет войны, которую вела Украина в Донбассе, замалчиваются или отрицаются, и действия России представляются абсолютно немотивированными. Однако существуют культурные факты, рождённые войной в Донбассе. Один из них – книга стихов луганской поэтессы Елены Заславской «Год войны», напечатанная в Луганске в 2015 году. Эту книгу открывает стихотворение «Чёрный хлеб» (2014), написанное в первый год войны Украины и Донбасса.

В стихотворении автор изображает четыре поколения людей Донбасса, на чью долю выпала эта война:

Успели дети подрасти.

Успели внуки подрасти.

А правнуки пока что не успели.

Лирическая героиня – женщина старшего поколения, пережившего Великую Отечественную войну. С ней ведут диалог другие персонажи

стихотворения. Её роль в коммуникации – благословить уход потомков на войну и осмыслить духовное взросление тех, кто взял оружие для защиты Родины. В произведении взаимодействуют несколько поколений: воевавшие в Великую Отечественную, защищая Родину от фашистов, их дети, внуки, которые в 2014 году составляют поколение отцов и детей, способных решать, делать выбор, отстаивать свои взгляды. Поколение правнуков пока что вне этого процесса. Ради их защиты мужчины идут на войну.

Война 2014 года в Донбассе в стихотворении изображается как пространство кровопролитных битв, в которых брат идёт на брата, а друг на друга. Эта черта отличает текущую войну от канонического образа Отечественной войны, когда защищать свою землю приходилось от врагов-иноплеменников, цивилизационно чужих. В войне с Украиной приходится воевать со своими, и от этого «стало чёрным молоко в сосцах, и стала чёрной кровь в людских сердцах, как антрацит, наш краснодонский уголь».

Духовный рост тех, кто совершил экзистенциальный выбор, прошёл горнило войны, прорвался к человечности и любви на новом уровне понимания жизни, изображён в образе чёрного хлеба, получившегося из золотых зёрен: «мы

стали чёрным хлебом на войне, а были... были золотые зёрна». Итак, образ чёрного хлеба является в стихотворении метафорой, обозначающей поколения, прошедшие войну. Поскольку в войне участвуют все поколения, изображённые в произведении, эта метафора показывает связь времён, проявившуюся в решении защищать землю Донбасса, которое высказывают люди XX века и их потомки в XXI веке.

Стихотворение «Чёрный хлеб» имеет уже собственную судьбу. Оно известно не только в Луганске и знакомо не только поклонникам творчества Елены Заславской. В марте 2019 года в Германии на немецком языке вышла книга «Гранд тур. Путешествие по молодой поэзии Европы», куда вошло стихотворение «Чёрный хлеб» («Schwarzbrot») в переводе на немецкий язык Матиаса Книпа и Александра Филюты.

Антология «Гранд тур» объединяет более четырёхсот поэтов и около пятидесяти разных языков, в том числе русский и украинский. Участие поэта в этом сборнике началось с вопроса, какую страну автор будет представлять. Поскольку уже шла война с Украиной и Луганская Народная Республика объявила о своей независимости, Елена Заславская пожелала представлять ЛНР. Но редакторы заявили, что это категорически невозможно. Автору было отказано также в праве представлять Россию и русскую поэзию. В результате был достигнут компромисс, и под стихотворением в разделе «Украина» можно увидеть приписку: «Автор не желает представлять Украину».

В 2021 году певица и композитор из старейшего немецкого города Фрайбурга Кандида Уль решила положить стихотворение «Чёрный хлеб» на музыку. Она поёт меццо-сопрано и выступает в составе трио с музыкантами, играющими на фаготе и фортепиано. В настоящее время ожидается премьера песни.

Также на стихотворение «Чёрный хлеб» фотограф Алевтина Легещич сняла драматическую поэтическую видеопостановку, которую можно найти на сайте Елены Заславской: <http://zaslavskaja.com/video/videopoeziya-chernyy-hleb/>

Итак, стихотворение «Чёрный хлеб» отражает духовный опыт жителей Донбасса, кото-

рые столкнулись с украинской армией в 2014 году. Анализируя пережитое, поэт актуализирует смыслы, рождённые Великой Отечественной войной и сохранённые в культурной памяти русского народа. Стихотворение вошло в музыкально-поэтическое пространство как русской, так и немецкой литературы. С изменением политической ситуации меняется направление информационной войны, пацифизмом называется поддержка украинской армии, которая вела военные действия в Донбассе с 2014 года, тем не менее поэзия создаёт пространство смыслов, обращаясь к экзистенциальному опыту человека на войне. В стихотворении «Чёрный хлеб» отражено мировоззрение тех, кто сражался за Донбасс, защищая свою Родину от украинской военной агрессии в 2014 году.

Елена ЗАСЛАВСКАЯ

ЧЁРНЫЙ ХЛЕБ

Долго не было беды. Долго.
Долго не было войны. Долго.
Успели дети подрасти.
Успели внуки подрасти.

А правнуки пока что не успели.
И сын сказал: «Я ухожу. Прости».
И внук сказал: «Я тоже. Отпусти».
И правнуки заметно повзрослели.

И снова кровь горячая лилась.
И Родина кроилась и рвалась.
И брат на брата шёл, а друг на друга.

И стало чёрным молоко в сосцах.
И стала чёрной кровь в людских сердцах,
Как антрацит, наш краснодонский уголь.

Последний пласт. Из недоступных недр.
Наверх. Из самой преисподней.
История желает перемен
И крутит, крутит, крутит чёрный жёрнов.

Мы стали чёрным хлебом на войне,
А были... были золотые зёрна.

«РУССКИЙ ЛАВКРАФТ»:

ЛЕДЯНОЙ ПОХОД ПО ЗИМНЕМУ ДОНБАССУ

Образ Родины, создаваемый литературными средствами, исходит из культурной памяти. Культурная память включает не только историческую память о событиях, пережитых народом, но и всё пространство мировой культуры. Для выражения образа Родины современный поэт может обращаться к разным темам чужих культур, формируя художественное единство. Рассмотрим, какие культурные топосы использует для создания образа родного Донбасса современный поэт Александр Сигида-сын в стихотворении «Русский Лавкрафт».

Александр Сигида-сын (1986 г. р.) – поэт, переводчик с французского и испанского. Родился в семье шахтёра и учительницы русского языка. Окончил в 2003 году Луганский лицей иностранных языков, в 2010 году стал магистром французской филологии. С 2014 года занимается текстами милитаристического, декадентского, романтического направления. Любимые авторы – Лимонов, Лавкрафт, Ницше, Гумилёв, Честертон, Киплинг. В 2014 году, когда Украина напала на Донбасс, Александр ушёл в народное ополчение, в настоящее время (2022 г.) является военнослужащим в ДНР.

Стихотворение «Русский Лавкрафт» написано в 2016 году. В произведении даётся совершенно неожиданное прочтение узнаваемого донбасского пейзажа. На то, что перед нами воюющий Донбасс – родина автора, указывают такие детали, как степной горизонт и угольные шахты, среди которых находится часовая:

*Не спит на часах с винтовкой солдат,
Волком глядит
На горизонт, снежный, степной.
...Видишь знаки разрывов близ угольных шахт?*

В этом пейзаже лирический герой последовательно выбирает и отбрасывает следующие жизненные стратегии: читать книги, отгородив-

шись от реальности; оставить окоп и уехать подальше; наблюдать свысока за битвами других.

Первый вариант жизнеустройства открывает стихотворение, стоит на выделенном, семантически сильном месте. Это мечта «книжного мальчика, не знавшего битв», по выражению Высоцкого:

*Если б я знал,
Я бы остался, как Говард Лавкрафт,
На чердаке, книжным червём, вечный изгой...
Я б не равнял
В зимние ночи лунный ландшафт,
Я бы не брал
Книги в последний, решительный бой.*

Второй вариант, всё бросить и уехать, развивает тему отстранения от войны:

*Если б любил,
Я бы не вёл себя, словно Лавкрафт,
Как дезертир, я бы оставил стылый окоп...
Плюнув на всё,
С милой еврейкой, Сонею Гафт,
С bad jewish girl
Я переехал бы жить в Конотоп.*

И наконец, квинтэссенция этого подхода подытоживает все возможные варианты отстранения от жизни, битвы и войны:

*Если б я был
Так беспристрастен, каким был Лавкрафт,
Я бы обнёс владенья мои крепкой стеной...
И свысока я наблюдал бы, как астронавт,
Тех, кто внизу
Всё не делят шарик земной.*

Все эти стратегии описываются и последовательно отбрасываются автором. Сравнивая лирического героя с Лавкрафтом, автор даёт понять, что его персонаж тоже писатель, создатель волшебных миров. Он стоит перед выбором, ищет свой путь во тьме. Отброшенные альтернативы заставляют читателя отвернуться от других пространств и взглянуться в простор,

который открывается перед писателем, смотрящим вперёд.

В последних строфах стихотворения автор создаёт лавкрафтианский пейзаж, перенося реалии произведений короля ужасов в донбасские степи. Среди угольных шахт и бескрайних степей вырисовываются города Кадат и Р'лайх из «Зова Ктулху», Олатоэ из «Полярной звезды», знаменитых рассказов Лавкрафта. Вместе с лавкрафтианскими топосами в пространстве Донбасса возникает атмосфера ужаса, стылой ледяной пустыни, населённой мверзьями, кошмарными призраками-феями из Страны Снов. В этом ландшафте лирический герой ищет свой правильный путь:

*И всё хорошо,
Освобождён с боем Кадат.
Снова в поход, Р'лайх – позади,
Там, за спиной...
В Олатоэ
Не спит на часах с винтовкой солдат,
Волком глядит
На горизонт, снежный, степной.*

*Говард, пора.
Видишь знаки разрывов близ угольных шахт?
Слышишь ли крики мверзей ночных
Над нашей страной?
Фридрих-Вильгельм, снайпер Бодлер и
Русский Лавкрафт,
Время – вперёд...
Снова уходят в поход ледяной.*

В последних строфах стихотворения путь выбран. Русский писатель, русский Лавкрафт, идёт в бой, уходит в ледяной поход. Если в первой строфе появляется «последний решительный бой» из Интернационала, отсылая к красной идее, то последние слова стихотворения, семантически самая сильная позиция всего произведения, указывают нам на мифологему белого движения – ледяной поход, то есть первый поход Добровольческой армии на Кубань в феврале – апреле 1918 года, её движение с боями от Ростова-на-Дону к Екатеринодару и обратно на Дон (в станицы Егорлыкская и Мечетинская) во время Гражданской войны.

Писатель уходит в ледяной поход, сопровождаемый братьями-писателями, героями, взрывающими культурные границы и раскалывавшими миры. С поэтом, защищающим родной Донбасс, выступают в ледяной поход Фридрих-Вильгельм Ницше, разрушитель европейской культуры, потрясший мир словами «Бог умер»; Шарль Бодлер, автор «Цветов зла», сборника стихов, уничтоживших классическую эстетику; и Говард Лавкрафт – создатель мира ужасов, отменяющего и взрывающего сложившуюся эстетику прозы XX века.

Итак, в стихотворении «Русский Лавкрафт» ставится и решается проблема жизненного выбора поэта на войне. Лирический герой отбрасывает привлекательные для интеллектуалов варианты – жить в башне из слоновой кости, стоять над схваткой, уехать подальше. Русский Лавкрафт выбирает путь поэтов, философов, писателей, для которых литература больше чем забава, которые философствуют молотом, идут против системы. В этом отряде отверженных он уходит в последний решительный бой, в поход ледяной, который состоялся в степях Донбасса в 2014 году. Сквозь обобщённый донбасский пейзаж – шахты, степи – проступают силуэты городов Лавкрафта, где клубится тьма, враждебная человеку. И русский поэт Донбасса идёт сражаться против этой тьмы, выступая наследником и красных, и белых, и проклятых поэтов, и всех, кто не боялся творить.

В итоге образ Родины, созданный поэтом Александром Сигидой-сыном, включает в себя разнородные элементы, объединённые в единое целое согласно эстетике постмодерна. Родина для поэта – это Донбасс, который стал ареной борьбы добра и зла, света и тьмы. Против тьмы выступают поэты, идущие в бой за человека. В стихотворении Сигиды происходит олицетворение России в виде литературы, создающей пространство смыслов, объединяющей разные миры. Русский Донбасс в стихотворении «Русский Лавкрафт» становится точкой встречи двух миров – России и поэзии, пространством их слияния и творческого взрыва, формирующего новый универсум.

Нина ИЩЕНКО

Александр СИГИДА-сын

РУССКИЙ ЛАВКРАФТ

Если б я знал,
Я бы остался, как Говард Лафкрафт,
На чердаке, книжным червём, вечный изгой...
Я б не равнял
В зимние ночи лунный ландшафт,
Я бы не брал
Книги в последний, решительный бой.

Если б любил,
Я бы не вёл себя, словно Лавкрафт,
Как дезертир, я бы оставил стылый окоп...
Плюнув на всё,
С милой еврейкой, Сонею Гафт,
С bad jewish girl
Я переехал бы жить в Конотоп.

Если б я был
Так беспристрастен, каким был Лавкрафт,
Я бы обнёс владенья мои крепкой стеной...
И свысока я наблюдал бы, как астронавт,
Тех, кто внизу
Всё не поделят шарик земной.

И всё хорошо,
Освобождён с боем Кадат.
Снова в поход, Р'лайх – позади,
Там, за спиной...
В Олатоэ
Не спит на часах с винтовкой солдат,
Волком глядит
На горизонт, снежный, степной.

Говард, пора.
Видишь знаки разрывов близ угольных шахт?
Слышишь ли крики мверзей ночных
Над нашей страной?
Фридрих-Вильгельм, снайпер Бодлер и
Русский Лавкрафт,
Время – вперёд...
Снова уходят в поход ледяной.

На совесть раньше нас солили,
А нынче экономят соль!..»
Короче, непорядки всплыли,
И Гнёт был брошен на фасоль.
Навряд ли это – понижение,
Фасоль ведь царская еда.
Когда ж и там пошло брожение,
Гнёт вспомнил про свои года.
И был на пенсию с почётом
Отправлен, чтоб дожить свой век.
Бывает очень схожим с Гнётом
Иной известный человек.

ЗМЕЯ

Красавица Змея влюбилась в Попугая,
Ей нравилось, как он зверей ругает.
Бесстрашно дураками всех зовёт,
На когти невзирая и на зубы,
И, хоть порой бывает слишком грубым,
Ему идёт.
Змея, от страсти изнывая,
На пне лежала чуть живая,
Следила за предметом грёз,
Который ахинею нёс
И, лихо прыгая по веткам,
Змею провозгласил кокеткой,
Чем и довёл её до слёз.
Любовь и ненависть способны
Легко переходить друг в друга,
И это в принципе удобно,
Поскольку всё идёт по кругу.
Змея вдруг сразу ощутила
Такую злость на Попугая,
Что вмиг его бы проглотила,
Будь он в то время досягаем.
Решив зов сердца превозмочь,
Отныне жить лишь головой,
Змея отправилась домой
От бессердечной птицы прочь
И уползла, хвостом играя,
Но в зубе затаила яд.
Теперь кусает всех подряд,
Хоть держит зло на Попугая.
Мораль здесь, к сожалению, не нова:
Мы часто платим за деяния другого.

СТАРАЯ ИСТОРИЯ

Сюжет известен всем: Лиса, Ворона, сыр,
Но диалог другой – ведь изменился мир.
– Когда б читала ты творения Крылова,
То хоть одно произнесла бы слово.
«Жди, – думает Ворона, – я не дура...»
– Но у Ворон столь низкая культура,
Что ты и букв знакомых не найдёшь.
Куда тебе читать!
«Какая ложь!»
И не стерпев последней лисьей фразы,
От возмущенья потерявши разум,
Ворона каркнула, лишив себя обеда...
Без выдержки не может быть победы.

ДЯТЕЛ

У каждого свой в жизни крест,
И сокрушаться нет причины.
К примеру, Дятел. Сколько мест
Сменил он в поисках личинок?
Другой бы клял свою судьбу,
Что не осыпан путь цветами,
А Дятел молча – тук да тук –
Долбил кору, как капля камень.
Однажды в лес пришёл «Грин Пис» –
И к Дятлу: «Эй, угомонись!
Деревья к нам с любовью,
А ты им делать больно?
Лети, садист, отсюда прочь,
А то ведь можем и помочь».
Что ж, Дятел взял да улетел,
Ни с кем он спорить не хотел.
Теперь в другом лесу стучит,
А прежний лес жуком побит.
Гуманность с ограниченным рассудком
Играет часто очень злую шутку.

ХОМУТ

Жаловалась Лошадь Поросёнку:
– Хорошо тебе. Сидишь в хлеву.
Поят, кормят сытно вас с Бурёнкой.
Отчего такое, не пойму.
Вот о вас забота, как о детях.
Я же в постоянной маете.

Нету справедливости на свете.
В чём же дело?
– Дело в хомуте. –
Поросёнок рыльце важно поднял
И сказал задумчиво: – Хомут
Ты надеть позволила сегодня,
Значит, соглашаешься на труд.
У хозяев вредная привычка
Всем надеть пытаться хомуты.
Я вот возражал категорично.
А зачем же согласилась ты?
Что ж теперь судьбу винить и злиться,
Ты сама причина всех невзгод,
Так что остаётся примириться.
Кстати, знаешь, завтра Новый год.
Праздничный обед, я слышал, будет.
Ух я и наемся от души.
А тебя опять погонят люди
Лес возить в какой-нибудь глуши.
– Да, ты прав, – Лошадка согласилась
И ушла в конюшню горевать.
Этой ночью бедолаге снилась
Хомутов бесчисленная рать.
А наутро – тяжкий воз с дровами,
Словно на дворе не Новый год.
В хате же за длинными столами
Песни пел подвыпивший народ.
Лошадь даже в сени не пускают,
Предстоит ей мёрзнуть на ветру.
Поросёнку же судьба иная:
Он на блюде с яблоком во рту.
Лошадь в хату сквозь окно глядела
И вздыхала: «Как же мир суров.
Вот и на него хомут надели.
Ох и много в мире хомутов!»

ИШАК И МУХА

Ишак и Муха спорили о том,
Жить лучше с крыльями или с хвостом.
У каждого был веский аргумент,
Казалось, спор вовек не завершится.
И вдруг всё кончилось в один момент.
Пришли к консенсусу, как говорится.
Удар хвостом поставил точку в споре –
И Муха стала точкой на заборе.
Мы на мораль не станем брать патент:
Хвост – в споре самый веский аргумент.

ЧЕРВЯК-«ПУТЕШЕСТВЕННИК»

Червяк был юн и глуп. В душе романтик.
Решил покинуть он родимый дом
И без каких-нибудь особенных гарантий
Жить лишь своим умом, своим трудом.
Он в путь собрался. Родичи рыдали,
Считая, что свихнулся он вконец,
Они его остаться убеждали,
Но глух был романтический юнец.
Он утром выполз из навозной кучи
И с радостью пустился в дальний путь.
Толкаемый энергией кипучей,
Решил сначала землю обогнуть,
А там, быть может, выбрать край получше
И поселиться в нём на склоне дней.
Но вскоре память о навозной куче
Мешать движенью стала всё сильней.
О голос Родины! Как мог он усомниться,
Что на земле не сыщешь лучше мест;
Ведь даже курица – неграмотная птица –
И та не покидает свой насест.
Он полз назад. Уже кончались силы,
И голова была бессмысленно пуста.
И вдруг донёсся аромат родимый,
И он узнал знакомые места.
Среди друзей он часто вспоминает,
Как он прополз когда-то белый свет;
И молодёжь привычно поучает,
Что лучше Родины на свете места нет.

Иностранцы интервенты
во Владивостоке

МАСТЕРА СОЗДАНИЯ КАЗУС БЕЛЛИ¹

(ВЛАДИВОСТОК, ГОД 1918-Й, НОЧЬ С ЧЕТВЁРТОГО НА ПЯТОЕ АПРЕЛЯ)

¹ Casus belli – формальный повод для объявления войны.

Тот, чьё имя так и не было установлено комиссарами Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией Центросибири¹, затаившись в трущобах Владивостока, неспешно вечерял за колченогим столом, застеленным липкой клеёнкой. Таинственный враг большевиков трапезничал, с завидным аппетитом наворачивая обгрызенной деревянной ложкой разварную кашу из глиняной миски с колотым краем. Каша из чумизы² не годится в пищу генерал-лейтенанту императорских сухопутных войск, но сам генерал Эмиро об этом не задумывался. Его лужёному желудку, в отличие от нежного нутра прочих генералов генерального штаба, были одинаково полезны и грубые злаки Маньчжурии, и нежнейший рис Японии, чьё белое зерно возвращается под присмотром кукол-пугал и каменных столбов духов поля.

Во исполнение долга перед особой Его Императорского Величества служивый (имен-

но такое значение имело слово samurai) был готов жить впроголодь. Даже грызть жёлтые скалы в степях и пустынях Джунгарии³. К примеру, сейчас генерал укрылся на конспиративной квартире военной разведки – в вонючей «дыре», которую побрезговал бы почтить своим присутствием всякий приличный господин его ранга. Благородный самурай – секретарь, писарь, повар... в конце концов воин, – воспитанный в духе поклонения чистым силам природы, подышав с полминуты плотным, сально-влажным, шибящим в нос мочой и помоями воздухом той хибары, непременно бы лишился чувств. Более изощрённого истязания для приверженца Синто⁴ вряд ли вообще можно выдумать...

Между тем в убогой лачуге царили мир и покой. Ветхий домишко втиснулся в общий ряд с другими хатками Иманской улицы,

¹ Центросибирь – созданный 5 ноября 1917 года ЦИК Советов Сибири.

² Чумиза – чёрный рис, головчатое просо.

³ Джунгария – местность, с юга ограниченная Тянь-Шанем, с севера – Алтайскими горами.

⁴ Синто – философско-религиозная концепция поклонения духам природы.

взбравшейся по взгорку на Корейскую слободу¹. В шпионском убежище было тихо. Благодное молчание двух мужчин – гостя, по виду европейца, и престарелого маньчжы² хозяина – нарушал дробный стук ложки, жадно бьющей о стенки глубокой миски. Чудный звук равномерного соприкосновения двух земных первоэлементов – глины и дерева – был варварским образом нарушен стуком в дверь. Откладывая прочь хлебало, гость велел:

– Сивый, глянь, кого там бес принёс! – Послав подручного к дверям, сам Эмиро, обнажив ствол, взвёл курок и до нужды спрятал вооружённую револьвером руку под столом. – Пошёл! – зашипел гость на мешкавшего содержателя явки.

В сколоченную из горбыля дверь очень настойчиво долбился чей-то кулак. Сгорбленный годами лишений старик-маньчжур, для порядка поохав: «Да иду я, иду!» – зашаркал кривыми ногами к ряднине. Отдёрнув мешковину, прячущую выход, состарившийся хунхуз³ сквозь плохо подогнанные доски разглядел пару рабочих: засаленные кепи, лоснящиеся по бокам и локтям ватные фуфайки, скрывающие часть лица шарфы грубой вязки, – озираясь по сторонам, работные люди топтались у его порога. При желании старый бандит мог бы, просунув пальцы в щели дверного полотна, дотронуться до неизвестных. Или ткнуть их в рёбра длинным ножом...

Не отпирая запоров, маньчжур «облаял» пришлых:

– Чего надо! – По Корейской слободе шаталась тьма-тьмущая подобных субчиков с коричневыми раскосыми глазами.

– Лао-хань,пусти гостей! – приказал обедающий гость. От миски с кашей генера-

ла оторвали майор Кондо Акихико (в правых организациях Владивостока офицер готовил антибольшевистский переворот) и капитан генштаба Савада Киоши.

– Доброго дня, высокочтимый господин! – майор взял себе право приветствовать старшего начальника. – Как ваше драгоценное здоровье? Хорошо ли спали, была ли приятна дорога?

Генерал и без того не переносил суесловия, а тут и вовсе был в «образе». Вжившись и внешне, и, главное, внутренне в свою легенду, он, соответственно, рассуждал, чувствовал и говорил, как крещёный инородец Шапиев. Не совсем русский, но на данный момент Иван от пят и до кончика языка. Как результат, в ответ на японскую манерность генерал выдал витиеватую тираду – арабская вязь, а не матерные слова, – не совсем понятную Кондо и Саваде. Японцы и ранее слышали подобные изречения, но простодушно опускали значения слов, полагая их не несущими смысловой нагрузки. Теперь же из уст генерала хлёсткие выражения русского языка обрели форму головоломки, устраиваемой начальством нерадивым, не способным думать ничем, кроме причинного места, офицерам. Уязвлённые японские сердца сжались, замедляя кровообращение, и побледневшие разведчики машинально вытянулись в струнку перед татаринном Шапиевым, завладевшим языком и телом японского генерала. А Иван продолжал бушевать:

– Вам, господа, нельзя поручить вспороть собственное брюхо! Всё выйдет сикось-накось... Кому из вас двоих пришла в голову бредовая мысль грабить несчастных иностранцев в гостинице «Версаль»?

Вознамерившись откусить собственный язык, майор Кондо вздрогнул. И сама задумка, и исполнители, русские офицеры, – всё было его детищем. Он приготовился к худшему. Вот сейчас этот выскочка и генеральский любимчик Савада откроет рот, и его, Кондо Акихико, отправят с позором назад, в Токио.

– Мы заблуждались, высокочтимый господин, в своём стремлении исполнить миссию, возложенную на нас с майором Кондо! – неожиданно подал голос в его защиту капитан Савада. На поверку капитан оказался добрым малым.

¹ Корейская слобода – с 70-х годов XIX века корейцы селились в пределах улиц Корейской и Тюремной, расположенных в прибрежной полосе Миллионки. С 1893 года власти стали селить вновь прибывающих иммигрантов в районе Куперовой пади, от Центрального проспекта через сопку к Северному проспекту. К 1911 году корейцы города съехались в одно место, и их поселение получило название: Син-хан-чхон – Новокорейская слобода.

² Маньчжы – выходцы из Китая, временно осевшие в пределах Уссурийского края.

³ Хунхуз – член банды азиатов, разбойник и убийца.

– Этой попыткой, господин, мы, ваши верные слуги, лишь надеялись дать толчок к началу интервенции, – оправдываясь, майор Кондо был жалок.

– Глупой и дилетантской! – объявило начальство, и офицеры переглянулись. Не смея шелохнуться, разведчики стояли навтыжку, и, меняя гнев на милость, генерал добродушно усмехнулся: – Чтобы разжечь пламя войны, господа офицеры, нужна кровь!

Майор ободрился. Возможно, Небо даровало ему шанс реабилитироваться.

– Высокочитимый господин, мне это сразу пришло в голову, но моё предложение капитан-сама¹ не поддержал! – теперь помрачнел Савада Киоши. Не ошибался ли он в дружеском расположении майора, готового продать его с потрохами за благосклонное похлопывание по плечу?

– Майор намечал конкретную цель? – Генерал «по-русски» облокотился локтями на залитую постным маслом клеёнку. Его явно заинтересовали слова майора.

Кондо Акихико торжествовал. Если план провокации сработает, его ожидает триумф.

– Да, господин! Считаю наиболее удачной кандидатурой для ликвидации профессора института Востока господина Спальвини.

– Та-а-к! – протянул генерал и, желая устроиться поудобней, собрался откинуться на спинку стула. Стула не было. В доме нищего хозяина отсутствовала даже табуретка. Генерал сидел на дощатом ящике из-под консервированного американского супа. Эмиро хохотнул: «Едва не свалился!» – и остался сидеть как есть – с прямой спиной.

– Профессор японской словесности Спальвини, говорите?

Майорское сердце бешено застучало: «С этого момента моя служебная карьера пойдёт в гору!» Но начальство думало иначе:

– Вы ахо², достопочтенный майор-сан! – Круглое лицо разведчика вытянулось. – Вам следует практиковать прикрытие «под городского сумасшедшего», у вас это должно неплохо получиться!

² Сама – уважительный суффикс, означающий: «господин», «достопочтенный».

¹ Ахо – придурак, недоумок.

– Отчего, высокочитимый господин? – простонал майор.

Эмиро Эсами вскипел:

– Я вынужден из-за вас, господа офицеры, сидеть в этой крысиной норе, забившись тараканом в щель вот этого поганого стола! – От мощного шлепка генеральской ладони по столу хлипкая мебель затряслась. – Всё, что вас и меня сейчас окружает, собрано стариной Лао-хань на помойке. Тут, рядом, на берегу у мыса Кунгасного, – генерал не на шутку разошёлся. – Фанза из обломков ящиков и кусков фанеры, брошенная за непригодностью мебель... даже миска, из которой я ел, господа офицеры, и ложка, – он потряс щербатой деревяшкой, – подобранны добряком Лао-хань на мусорной свалке! – Генерал умолк. Но не оттого, что заморился читать нотации нерадивым службистам. Отломив небольшой кусочек от булочки бао³, он отёр рисовым хлебцем стенки и дно пустой миски. Справившись с этим нехитрым занятием, генерал отправил получившееся лакомство в рот. Жуя его, он продолжал выволочку: – Рассудите здраво! Это же нонсенс – грабить иностранцев и не побеспокоить проживающих в соседних номерах японцев. Или наши сограждане брезгают «Версалем»?

– Никак нет! – подсуетился капитан Савада.

– Тогда выходит, господа, вы сигнализировали общественному мнению, что операцию в «Версале» спланировало японское командование? – Предпочтя не отвечать, проштрафившиеся офицеры уставились в земляной пол. – В результате вашей непроходимой тупости, господа, в накладе осталась Великая Япония! – Отобедавши, Эмиро Эсами подобрел. С лукавой нежностью мудрого учителя он из-под опущенных ресниц поглядывал, как под его взором с ноги на ногу переминаются двое великовозрастных оболтусов. – Ради идеи господства Отечества в Азии вы предлагаете умертвить несчастного книжного червя, япониста местного института? Того, кто понимает и любит культуру вашей страны? Дружит с главным редактором японской газеты Идзуми Есиносукэ⁴? Невольно

³ Булочка бао – булочка из рисовой муки, готовится на пару.

⁴ Редакция газеты «Урадзио-ниппо» располагалась на

помогает вам, знакомя вашего тайного помощника Кобаяси Хирокити с нужными представителями владивостокского общества? – Генерал с укором смотрел на подчинённых. – Большой глупости, поверьте мне на слово, я давно не слышал!

– Высокочитимый господин, если вы укажете нам, в каком направлении искать объект ликвидации...

Эмиро Эсами оборвал майора на полуслове:

– Беседуя с вами, господа, я заподозрил преподавателей Армейской военной академии¹, готовящих вас к производству в офицерский чин, в нерадении к своим служебным обязанностям. – Оба стоящих во фрунт офицера разом попытались отстоять честь преподавателей Военной академии Императорской армии. Однако генерал, давая понять, что не закончил мысль, пресёк с их стороны попытки оспорить его заявление: – Я, господа офицеры, лично в качестве кёёши² несколько лет жизни отдал Армейской академии и знаю, каковы требования к знаниям обучающихся в этом заведении. Поясните мне только одну вещь. – Экзаменуемые напряглись. – Ведь мы вас, господа, учили по немецким пособиям и на немецком опыте?

– Я понял, высокочитимый господин, – обмолвился капитан генштаба Савада, – что вы великодушно пожелали нам подсказать! – Капитан сиял от осенившей его разгадки. – Зарезанные «неизвестными бандитами» на Песчаном полуострове миссионеры были немцами³!

Майор военной разведки Кондо Акихико воскликнул:

– Господин, неужели мы должны покуситься на жизнь подданных императора?

Генерал поддержал капитана:

– В качестве примера Савада-кохай⁴ при-

вёл успешный опыт наших немецких наставников! История повторяется, господа! Но Боже вас упаси причинить вред простой кухарке или рядовому торговцу, – генерал подошёл к главному. – Это мы, самураи, готовы с радостью отдать жизнь за императора Ёсихито⁵, а не мирные кули или цирюльники одной с нами крови. Надеюсь, именно так думают господа офицеры? Воины, готовые поступиться личным ради величия нации?! – Пришла пора присутствующим опасаться за своё будущее. – Но мы с вами... – по-хозяйски рассуждал генерал. Для офицеров говоривший был хозяином их судеб, вольным распорядиться их жизнями, и оба разведчика в ожидании роковых слов взопрели, – ещё послужим Великой Японии!

– Вы намерены отдать приказ о ликвидации?.. – майор не мог смириться с такой «кошунственной» мыслью. Он был не только «слаб в коленках» кого-либо убить самолично, но и моральный дух в его с виду крепком теле был хил и немощен.

Понимая невысказанные страхи офицеров, генерал уточнил диспозицию:

– Нет, майор-сан, я сам завершу миссию! К полуночи встретимся в Куперовой пади, а в оставшиеся часы добудьте мне числящийся за артиллерийскими складами крепости револьвер и красный революционный бант.

– Это все ваши распоряжения, высокочитимый господин? – в отличие от Кондо Акихико, капитан проще смотрел на жизнь и не загадывал, станет ли он в будущем жертвой очередного заклания.

Генерал кивнул:

– Не премините предупредить служащих конторы Ishida, что, вероятно, я загляну к ним в первом часу ночи. – Жестом руки Эмиро Эсами отпустил офицеров. – Можете быть свободными! – И окрикнул хозяина: – Лао-хань, плешивый разбойник, мы сегодня будем пить чай?

Содержатель явки выпроваживал гостей, но на голос «важного гостя» откликнулся сразу:

– А как же! – заверил старик и, притворяя дверь, громко шепнул уходившим: – Господа,

улице Базарной, 10. Урадзю («Соляная бухта») – японское название Владивостока. Получается, газета называлась «Владивосток японский».

¹ Рикугун-сикан гакко – «Армейская военная академия».

² Кёуси – учитель. Когда учитель упоминает себя или другого учителя, он произносит: «кёёши».

³ Убийство двух католических миссионеров в 1897 году стало casus belli. Немецкие войска заняли Шаньдунский полуостров, основав колонию.

⁴ Кохай – «позже начавший коллега». Именной суффикс при обращении старшего к младшему коллеге.

⁵ Император Ёсихито (1879–1926) провозглашён императором Японии в 1912 году.

по соседству кодла мазуриков завела на хазе банковку¹. Теперь вся слободская рвань ошиивается подле той фанзы. Остерегитесь! В потёмках Корейки проигравшие могут поправить свои дела за ваш счёт. – И, возвращаясь к «почётному гостю», Лао-хань залебезил: – Почтенный господин², я уже бегу за чайником!

В неурочный час праздному обывателю нечего околачиваться по улицам Корейской слободы. Самим сторонним гражданам по доброй воле едва ли придёт в голову отойти от трамвайных путей в аспидную темень ночи. И понятно отчего! У кирпичного здания бани в Куперовой пади, там, где останавливается электрический транспорт, непроглядными ночами хотя бы горит фонарь. Не так страшно! Ну а кто рискнёт – «до зарезу надо!» – прошагать к железнодорожному переезду неосвещённой Благовещенской улицей, тому, возможно, повезёт. Вдруг смельчак не сойдёт с пути в потёмках Черепановской. Ну выпадет счастье храбрецу во тьме Рюриковской улицы не вильнуть куда не след. В этом случае отчаянная головушка Киевским переулком, минуя Томскую, таки взойдёт – «ежели дорогой не зарежут!» – на сопку, приютившую городскую голытьбу.

Ночью улицы, переулки и закутки слободы погружаются в кромешный мрак. В воровском раю нет места проблескам уличного фонаря и, хоть лопни твои глаза, не высмотреть и пятнышка света в чьём-либо мутном оконце. Если кромешная завеса ночи не сумела осадить порыв рискованного глупца попасть в Слободу, простофиля рискует заблудиться в лабиринтах её заборов и обобраным до нитки – «благо, что живой!» – оказаться в ближайшем милицеевском отделении. Конечно, в том случае, если не сгинет с концами в овражных зарослях бузины у городской свалки.

При дневном свете в слободе мало что меняется к лучшему. Разве что белое солнце блестит сквозь заносимую с городской помойки

сизую пахучую дымку и накатывающие с Амурского залива свинцовые тучи. А так те же сбитые о каменистые дороги носки и сшибленные каблучки обувки. Свёрнутые на сторону кулаками хулиганов любопытные носы. Проломленные кастетами грабителей неразумные черепа. Гуляющие Амурской, Хабаровской, Суворовской или Никольской улицей рискуют быть обнесёнными ушлыми карманниками или потерять остатки здоровья в объёмах здешних проституток. Да попросту нахвататься вшей, подцепить холеру, чесотку или того похуже – чахотку. Кругом мусор, гниющие отходы и выгребные ямы. Одним словом – антисанитария! Не слобода, а полоса препятствий! Естественных природных – слобода втиснута в седловидный распадок меж пары скальных пиков и обособилась от прочего городского поселения крутыми обрывами, глубокими оврагами, многоводными болотистыми балками. И рукотворных препон, устроенных людской алчностью, тоже в достатке – заборы, загородки, злые псы. Свободно ни пройти ни проехать. Мешает жестокость оскотинившихся человеческих существ: чуть зазевался – и попал в бандитскую засаду. Можно, проехав лишнюю остановку, попытаться наведаться к местной голи перекаточной со стороны перекрёстка Северного и Океанского проспектов. Однако, верьте на слово, результат эксперимента будет одинаково «приятным» – кулак в нос!

Учитывая все особенности местного колорита узких засранных «сквозняков»³ слободки, маньчжа Лао-хань вызвался проводить своего тайного гостя до трамвайной остановки:

– Почтенный господин, хватайтесь за хлястик моей накидки и не отпускайте его, – старый душегуб был сама любезность. За дверьми его жилища двоих полуночников поджидала антрацитовая тьма. Она напомнила Эмиро Эсамии спуск в угольную шахту в посёлке Зыбунном⁴. Тогда внизу, в кротовой норе штрека, у

¹ Банковка – притон для азартных игр.

² Лао-гун – на маньчжурском языке «почтенный господин».

³ «Сквозняк» – проходной переулок, сквозной подъезд, возможность войти куда-либо в одном месте, а выйти с противоположной стороны.

⁴ Посёлок Зыбунный – ныне город Артём.

сопровождавшего его мастера задуло лампу. Именно такая абсолютная чернота навалилась на плечи шлёпающих по камням и лужам азиат-поводыря и «висящего» на хлястике его дождевика слепца европейца.

– Куда прѐшь? – гаркнула на крадущихся ночная чернота. Подобным вопросом грабители Корейской слободы встречали случайных прохожих. Два слова обдали жертв «гоп-стопа» выхлопом водочного перегара, и генерал изготавился палить на запах, но здешние «фартовые» традиции не терпели треска револьверных выстрелов. Отошедший от дел хунхуз, такой сгорбленный, немощный и безвредный, освобождая руки, распахнул накидку, и два во-
дао¹, свистнув, рассекли ночь во всю ширину его замаха. За этим мгновенным движением последовал невнятный всхлип. Лицо Эсами осыпали тёплые тугие брызги. Он сейчас же отёрся рукавом пальто, но былой чистоты не почувствовал. Глухой стук чего-то тяжёлого – шлёп-шлёп – привлѐк генеральское внимание. За шлепками наступила тишина! Гробовая... Было слышно шорох шлейфа чёрного платья демона-искусителя Мары, волочащегося по крышам бесовской слободы.

– Господин, не оступитесь!

Но предупреждение старика запоздало. Под генеральскую ногу попал какой-то круглый предмет, запнувшись о который он едва удержался на ногах.

– А... дьявол их побери! Понабросают под ноги... – Генерал провѐл по липким щекам ладонью и понюхал пальцы. Запах свежей крови нельзя спутать с весенней сыростью дождинок. Ноздри Эмиро хищно расширились, слух до предела обострился, бесполезное зрение на-
прягало в кромешном мраке незрячие глаза. Повинуясь заложенным в генах инстинктам воина-самурая, поедающего сырую печень поверженного врага, взволнованный Эсами слизнул с пальцев густеющую кровь. Попавшая в рот солоноватая влага встряхнула нервную систему генерала, и, считая позвонки, по его хребту пробежала дрожь.

– Старик, обо что я запнулся?

Лао-хань забулькал. Генерал рассвирепел: «Пользуясь темнотой, старый пѐс потешается над моей неловкостью!»

– Чжу-тоу²! – невозможная гогот, рвущийся из его беззубого рта, вымолвил маньчжур.

Эмиро Эсами не поверил:

– Наглец, ты потешаешься надо мной?

Маньчжур, состоящий целиком из мослов, стянутых сухожилиями и завёрнутых в пергамент его иссушенной годами кожи, затрясся в припадке веселья.

– О нет, господин!

– Где твои скисшие глаза, старик, видели валяющиеся по улицам свиные головы? – Через зажатый в руке хлястик ветхой одежки поводыря Эмиро чувствовал: проводника разбирает от смеха. – Чего тебя распирает, негодный старик? – сердился ведомый, и хунхуз постарался успокоиться. Отдышавшись, он покался:

– Покорно прошу меня простить, господин, но «свиная голова» не в смысле еды! Это ругательство! Никчѐмный человечек – распутник, прижившийся у гулящей молодухи, постоянно задирался. А тут, почтенный господин, мне подвернулся удобный случай отрезать его вялый дяо-дань³ в придачу к его пустой башке.

Генерал промолчал. Они стояли на Томской. Впереди, за тѐмной Благовещенской улицей, перемигивались «летающие» над Куперовой падью светлячки фонарей. Там, в балке с речушкой, где сейчас отстроили баню, четверть века назад стояли срубы «татарского дворика». Подле тех стѐртых временем строений он, молодой и резвый, дурачил железнодорожную жандармерию в день закладки цесаревичем во-о-н того железнодорожного переезда, что расположился от него, постаревшего, по левую руку.

– Дальше я сам! – повелел генерал. Старик-проводжатый не стал кочевряжиться и лезть с уговорами. Под кроной Уссурийской тайги Лао-хань славился не только кошачьим зрением и мастерством боя на мечях. Он тонко чувствовал интонацию в голосах и настроениях подельников по банде. Оттого хунхузы почи-

¹ Во-дао – укороченный меч.

² Чжу-тоу – свиная голова.

³ Дяо-дань – «член».

тали его за верного брата, и разбойник дожил до глубокой старости.

В первые часы пятого апреля квартал «Малой Миллионки» встретил Эмиро Эсами непроглядной тьмой и кладбищенским покоем. Район не ахти какой. Не для бар. Заселён в основном корейцами и японцами. Застройка малоэтажная. Безликие доходные дома, лавки с хозяйским жильём над торговыми помещениями да скромные деревянные домишки работного люда. Меркуловский переулок, так тот вообще не освещался фонарями. Окна домов переулочка наглухо закрывали ставни или плотные занавеси. Светомаскировка что надо! В дощатых щитах и завесах ни щёлки, ни прорехи, сквозь которые лучик света мог кольнуть уличный мрак. Одиному прохожему в оную пору в подобном месте придётся туго. В переулочке ни души, спросить дорогу не у кого. Самому разглядеть жестянку с номером дома не выйдет. Тьма египетская. Однако полная луна поспособствовала Эмиро Эсами в поиске нужной вывески. Вот и официальная табличка: «Отделение семейной торговой фирмы "Ishida Co. Ltd", Киото, 1893-й год. Весовое оборудование, полиграфия и прочие сопутствующие торговому делу товары» – припозднившийся визитёр прибыл по нужному адресу.

Стоило генералу стукнуть костяшкой пальца в запертые двери, они тут же приоткрылись на длину стальной цепочки:

– Кого надо! – пророкотал голос невидимого стража владивостокского отделения семейной торговой фирмы Ishida Co. Ltd.

– Я друг Ишида Кейзо!

– Хозяина? – Дверная цепочка, звякнув, отпустила распахивающуюся дверь. – Но Ишида-сан редко навещается на материк.

Заходя в тёмное помещение, посетитель посетовал:

– Я сам давненько уехал из Киото и хотел осведомиться о здоровье своего почтенного друга.

Нужные слова были произнесены, обе стороны удостоверились, что перед ними «свои»

люди, и за паролем с отзывом последовали обычные разговоры:

– С благополучным прибытием, высокочтимый господин!

Луна была бессильна против плотно зашторенных зеркальных окон, и в доме света было не больше, чем в глубоком погребе. По движению воздуха полуночный гость предположил: «Клерк отсчитывает положенное число поклонов» – и, чопорно кивнув в ответ, поинтересовался:

– Благодарствую! Куда прикажете?..

Встречающая сторона чиркнула спичкой. Отравив атмосферу кислотной горелой серы, восплававший огонёк отразился в стекле фотопортретов клана Ишида. Заодно неверный свет проявил на пару секунд обстановку торговой конторы. Дубовый барьер с узким прилавком разгораживал её на две неравные половины. С меньшей стороны – никакой мебели. За барьером же стояли бюро, секретер с бумагами, полдюжины стульев и два платяных шкафа. Простенок меж ними был задрапирован занавесью. За плюшевой шторой с бахромой явно скрывался проход внутрь здания.

– Погодите, я зажгу лампу! – предупредил служащий конторы.

Пока догорала спичка, генерал увидел всё, что было нужно, чтобы двигаться по этой комнате на ощупь.

– Это необязательно! – предупредил гость и поинтересовался: – Вы одни в здании?

– Нет, хозяин! В задней каморке ночной сторож Сасаки Кубо. – Решив, что это может быть истолковано как небрежность, человек в темноте добавил в своё оправдание: – Не извольте гневаться, господин! Я загодя отослал его спать. Он вас не увидит!

Фитиль керосиновой лампы, зачавив, разгорелся. Мрачный свет плеснул по красным обоям комнаты, и чёрные тени расползлись по её углам. Служащий торговой конторы накрыл огонь стеклянной колбой. Свет побелел, и генерал рассмотрел лицо встречавшего.

– Я видел вас ранее? – гость был спокоен и холоден как лёд. Да и причина, по которой он заглянул в контору торговой фирмы, заставляла

его быть сдержанным. Соответственно, генеральские фразы были односложны: – Это вы в конце прошлого декабря отворяли мне двери на Семёновской?

Новые поклоны и последовавший ответ несколько испортили решительный настрой генерала.

– Разумеется, высокочтимый господин! – приговорённый им к смерти объект радовался его приходу. – Смею напомнить вам, что имел честь встречать вашу милость в здании на Пекинской в одна тысяча восемьсот девяносто восьмом году!

Личностные отношения между палачом и жертвой могут зародить сомнения в душе убийцы. Но не у Эмиро Эсами. Он лишь злорадно усмехнулся: «Да этого несчастного глупца просто распирает тщеславие! Мимолётная встреча, а послушай его, мы вроде породнились!»

– Может, вы припомните, мой господин, в тот год я только прибыл во Владивосток в качестве младшего приказчика, – болтун не собирался умолкать. Клерк желал непременно понравиться «большому человеку». – Будучи троюродным племянником господина Ишида Сайгиро... Этого прагматичного человека, из ничего создавшего столь славную фирму! Мне позволительно было быть мечтателем и романтиком...

Прерывая словоизлияния родственника умершего в Киото коммерсанта Ишида Сайгиро, пришедший объявил:

– Милейший Ишида... Я не ошибаюсь, ваше имя Синдзи¹?

– Я не мог и мечтать, чтобы ваше высокопревосходительство помнило моё незначительное имя!..

Генерал прервал его:

– Мне срочно потребовались некоторые суммы...

Приказчик радостно закивал:

– Мы храним небольшие суммы... – поперхнувшись, Ишида Синдзи пару раз кашлянул, – на непредвиденные расходы. В сейфе... – Генерал предложил пройти к означенному сейфу, и

младший Ишида тотчас повиновался: – Прошу господина следовать за мной!

Несколько минут блуждания по неосвещённым коридорам, и двое уткнулись носом в нужную дверь. Как только она открылась, клерк нашарил рукой выключатель и повернул барашек. Яркий электрический свет ослепил генерала. Когда его зрение вернулось в норму, сейф с ценностями уже был распахнут.

– В каком размере и какой валюте господину нужны деньги? – спрашивая генерала, приказчик держал в руке зелёную пачку американской валюты.

Кубическая клетушка сейфа-хранилища без окон, с серой густой побелкой стен и болтающейся на жгутах под потолком оголённой лампочкой генералу понравилась: «Глухое место, для задуманного в самый раз!» Подвальныйчик меблировали: обшарпанный венский стул, тяжеловесный письменный стол и стеклянный графин на нём. Стулья для посетителей торговой фирмы Ishida Co. Ltd отсутствовали. Впрочем, здесь их попросту некуда было ставить. Генерал не торопился называть суммы, за которыми он якобы пришёл глухой ночью. Не спеша сняв дорожную шапку и заношенное пальто, он аккуратно положил одежду на пустой стол и, указав пальцем на полки сейфа, ровным голосом поинтересовался:

– Фунты есть?

Внимание представителя фирмы привлекла некая неряшливость в облике посетителя, и, стремясь угодить влиятельному незнакомцу, он вместо ответа на вопрос залебезил перед гостем:

– Низжайше прошу меня извинить, высокочтимый господин, но у вас на правой щеке... – бедняга не признал бурого вещества, испачкавшего сановную щёку, и просто тыкал пальцем в свою собственную, – вот тут пятнышко...

Вынув мятый платок из кармана несвежей рубахи, генерал, смочив его водой из графина, отёр скулу.

– Так лучше?

Приказчик склонился в почтительном поклоне.

– Да, хозяин!

– Так что там с нашими фунтами?

¹ Ишидо Синдзи – в прочих текстах убитого в Маркеловском переулке в доме № 5 называют: Исидо Сейти из торговой компании «Исидо сёкай».

Волнуясь, что невежливо кажет затылок посланнику Токио, довольный собой приказчик потянулся к сейфу вернуть обратно доллары и взять фунты. Генерал выдохнул и с полушага саданул клерка кулаком за ухо. Ноги сотрудника фирмы Ishida Co. Ltd подогнулись. Закатив глаза, приказчик Ишида без чувств повалился к основанию сейфа. Разлетаясь по помещению, зелёные бумажки посыпались на пол из его ослабевшей руки.

Не желая пачкаться кровью, ликвидатор поднял бесчувственное тело на ноги, повернул его лицом от себя и вдавил в сердце жертвы подобранную в очкурах Корейской слободы заточку из трёхгранного напильника. Не пискнув, приказчик опал мёртвой плотью к ногам убийцы. Тот некоторое время разглядывал язык подтекающей из-под трупа чёрной влаги: «Крови мало... – Растекаясь поперёк комнаты, тонкая струйка гранатового цвета подхватила несколько десятидолларовых бумажек. – Узкая железка, малая рана. Кровь собирается во внутренних полостях...» – определился знаток смертоубийства. Уплывающие деньги напомнили ему, зачем он спустился в подвал.

Предупредив набитый деньгами железный ящик, что не прощается: «В тебе, голубчик, я покопаюсь опосля!» – Эсами вышел из хранилища. Здание было невелико, и найти клетушку, где спал ночной охранник, генералу не составило особого труда. К его приходу пожилой японец разоспался всерьёз.

– Сасаки-сан! – ровным тягучим голосом убийца позвал охранника, лежащего на узкой койке.

– Что?! – вскинулся спящий человек.

– Вас приглашает господин приказчик!

Присев на набитом водорослями тюфяке, Сасаки Кубо, приходя в себя после глубокого сна, тёр глаза кулаками. Оправляя кимоно, охранник встал и, выходя в коридор, поинтересовался:

– Вы, господин, сами-то кто будете?

Незнакомец ограничился отговоркой:

– Любезный, поспешите, господин приказчик сам всё объяснит! Да, чуть не забыл! Подушку прихвати...

– Господин Ишида Синдзи спрашивали принести подушку?! – не поверил своим ушам охранник. – Зачем уважаемому начальнику моя подушка?

– Он самый! Стоит вам только с ним свидеться, он всё...

Сасаки не унимался:

– Отчего господин приказчик не изволил лично меня позвать?

Под бурчание Сасаки они прошли в контур с барьером. Здесь было всё так же темно и пусто. Затягивать совершение задуманного, излишне долго оставаясь на месте преступления, генерал не собирался. С левой руки он поддел охранника кулаком под челюсть. Удар был рассчитан так, чтобы Сасаки, отступив пару шагов назад, завалился на спину. Так и произошло. Охранник рухнул как подрубленное дерево, с треском и грохотом раздавив спиной низкий лаковый столик с красочной рекламой торговой фирмы Ishida Co. Ltd.

Сбив с ног жертву, Эсами подобрал упавшую подушку и, склоняясь над жертвой со словами «Прошу меня извинить», пару раз выстрелил через подушку в грудь оглушённого Сасаки. Отерев перепачканным платком наган, убийца отбросил ствол в дальний угол и, встав подле застреленного на колени, подсунул под бездыханное тело старика розетку красного революционного банта – визитную карточку красновардейцев. «Дело сделано! – подвёл итог генерал. Для завершения его миссии провокатору осталось, разгромив-разбросав имущество фирмы, обчистить её сейф. – И можно будет возвращаться на борт “Асахи”¹. Последующее должно произойти без моего участия».

Виктор УСОВ

¹ Броненосец «Асахи» – флагман японского флота, в 1918 году стоял у стенки коммерческой пристани Владивостока. На нём интервенты ждали приказ к сходу на берег.

Екатерина ПЕРМЯКОВА

Екатерина Викторовна Пермякова родилась в 1984 году в г. Кургане.

Стихи пишет со школьного возраста. Первая публикация была в 17 лет в местной газете.

Член Курганского регионального отделения Совета молодых литераторов. Участник IV Всероссийского совещания молодых литераторов в Химках в 2021 году.

Неоднократно становилась победителем фестивалей и конкурсов: областного конкурса «Слово о Человеке Труда», московского межрегионального поэтического конкурса «Россия – земля моя!», Всероссийского открытого литературного фестиваля-конкурса «Хрустальный родник», межрегионального фестиваля-конкурса «Поэтическая весна в Пречистом крае» им. В. В. Мухоморова, фестиваля медиапоэзии «Отголоски» и т. д.

В 2021 году в Германии была отмечена дипломом «За мастерство».

Стихотворения публиковались в альманахе «Тобол», журналах «Странник», «Ротонда», «Александръ», «Формаслов», «Бельские просторы», «Чаша круговая», «Господин ветер» и др., а также коллективных сборниках по итогам конкурсов (гг. Москва, Екатеринбург, Курган, Новосибирск, п-ов Сахалин и др.). Стихи звучат на местном радио.

* * *

Иногда, с приправой нужной тишины,
Замерзая только кончиками пальцев,
Позволяю неудачам растворяться
В чайной ноте увядающей листвы.
Мне прохлады заменяет старый плед,
И на коже чуть приметны блики неба.
После летнего шумливого забега
Мир стал сонным, и на шаг сменился бег.
В голове спокойны мысли, а дела
Кружат в пенке согревающего кофе,
На окне рисует дождь осенний профиль,
Раздевая снова чувства догола.
Льнёт багровый лист к зелёному листу,
Уговаривая цвет сменить на жёлтый,
И высотки – в синь впадающие соты –
Молчаливы в межсезонье на посту.

ПОХОДНОЕ

Вдоль берега-огранки
Озёрная вода
Зализывает ямки,
Чиста и глубока.
Густая облепила –
На ветках что янтарь,
И ветер тихо-тихо
Туман уносит вдаль.
С утра печётся солнце
До жёлтого блина,
И масло льёт на донце
Небесного котла.
С заоблачной вершины
В причудливой игре
Спускает хвост мышинный
Тропинка по горе.
Всё меньше давят лямки,
Хоть тяжесть велика,
Под стук консервной банки
В брюшине рюкзака.
И вечером гитара
Немного невпопад
Под песенным наваром
Баюкает закат.

ВОКЗАЛ

Гудок протяжный – паровозный выдох
 Затмил седыми буклями вокзал,
 Дрожали шпалы на путях умытых,
 Вагон, прильнув к перрону, остывал.
 Чернели отсыревшие подножки,
 Тянулись угловато до земли,
 Мелькали ноги странников-прохожих
 В холодных лужах, в городской пыли.
 На лавках полусогнутые тени
 Уставших, ожидающих маршрут,
 Сиденья, сумки – вот и все постели,
 Для пассажиров временный приют.
 Свидетели и встреч, и расставаний
 Вели с часами долгий разговор.
 Рассеивая сумрачные дали,
 Подмигивал двуглазый семафор.
 Платформы под навесами скучали
 Средь мороси дождливых покрывал,
 И диктор, словно ароматным чаем,
 День голосом уютным согревал.

ПЛОВЦАМ

Воды большая гладь,
 Она пока спокойна,
 Расправившись, ждёт ловкого нырка.
 Спин напряжённых стать
 Вышагивает стройно,
 Смолкая до победного рывка.
 Сосредоточен взгляд,
 Позиция пред стартом –
 И публика в волнение замерла.
 Гудок – в прыжке летят
 С безудержным азартом,
 Их руки словно два больших весла.
 Судья секундомер
 Зажал в намокших пальцах,
 Бегут тревожно цифры на табло,
 Фонтанов брызги вверх
 Взлетают в буйных танцах,
 Стекают вниз на плиточное дно.
 Мгновенный разворот,
 В толчке прибавив скорость,
 Уже близки до финишной прямой,
 Касание о борт,

Звучит с триумфом новость –
 И ждут медали с яркою тесьмой.

* * *

Свяжу одеяльце из пуха собачьего,
 На спицах потоньше – плотнее ряды,
 Чтоб кутать зимой твоё сердце горячее,
 Пускай для других неприглядны труды.
 Свяжу мягко-лёгкое, в ромбик причудливый,
 В его уголках моя жмётся душа,
 За толстым стежком берега нагрудного
 Срастутся прорехи обид не спеша.
 Не вздрагивай, ведь одеяло не колкое,
 В нём нежность петляет доверчивых рук,
 Свяжу одеяльце с ажурною кромкою,
 А всё, что тревожит, в клубок соберу.

ДИТЯ

Эти тонкие руки, ладони сродни лепесткам,
 Материнскую шею обвили в ночном забытии,
 И в сопении детском, в макушке из сладкого льна
 Осторожное счастье свернулось, и мир весь затих.
 Дремлет тельце под боком, не зная потерь и тревог,
 Иногда просыпаясь в порыве сильнее обнять,
 Еле трогает светом луна пару крохотных ног,
 Наблюдая созвездие жизни – ребёнок и мать.
 Лепит белые хлопья метель на оконный проём,
 Словно эту обитель скрывает от горя и бед.
 В тесной комнатке тенью замрёт торопливость времён,
 Чтобы креп в хрупком сердце неспешно
 любви оберег.

ТАНЕЦ

К нагретому хлопку примкнула щека,
 В потоке трепещущих нот мы плывём,
 Волнистые локоны гладят слегка,
 И в тесных круженьях мы словно вдвоём.
 В глаза проникает играющий свет –
 Закроются веки без страха упасть,
 Мой стан, твои плечи – вечерний дуэт,
 Ты мне покоришься, тебе я сдалась.
 Окинет прожектор лучами черты,
 Бесстыдно влезая в сплетенье сердец.
 Достигнув душевной до слёз наготы,
 Нас в танце мирил поднебесный Мудрец.

Эльдар АХАДОВ

Российский поэт и прозаик. Родился в Баку в 1960 году. Пишет с 1968 года. Первая публикация в СМИ состоялась в 1976 году. Окончил Ленинградский горный институт. Работал горным инженером – маркшейдером – с 1983 по 2019 год. Сейчас на пенсии. Проживает в Красноярске. Член Союза писателей России, Русского географического общества, почётный член Союза писателей Азербайджана, член Русского ПЕН-центра, сопредседатель Литературного совета Ассамблеи народов Евразии, автор 67 книг, опубликованных в России, США, Индии, Сербии и Мексике на русском, сербском, английском и испанском языках. Книги Ахадова имеются в крупнейших российских библиотеках, в библиотеке Конгресса США, в Британской библиотеке, в городских библиотеках Берлина и Мюнхена, в библиотеках крупнейших университетов США, Германии, Мексики, Испании. Отдельные произведения Ахадова переведены на несколько десятков языков мира. Он является лауреатом множества литературных премий и конкурсов регионального, всероссийского и международного уровней, от конкурсов Красноярского края, Тюменской области, Ямало-Ненецкого автономного округа до таких, как «Серебряное перо Руси», «На благо мира», «Север без границ», «Крымский мост», и конкурсов в Германии, Италии, Греции, КНР, Индии, Венесуэле, Сербии и Черногории.

ПИСЬМА

Посылаю письма в никуда.
Напишу и – начинаю снова.
То, что нет ответа, не беда,
Я в ответ не требую ни слова.
За окном – суровая зима,
Никаким посулам не подвластна.
Приезжай, почувствуешь сама,
Как она жестока и опасна,
Ни к чему пространные слова,
Ни о чём расспрашивать не буду...
Приезжай – и прорастёт трава,
И весной запахнет отовсюду.

РОДНАЯ КРОВЬ

Где б ни был я и где б ты ни была:
Да будет даль меж нами лишь светла,
Да не затмится небо облаками,
А стих звенит, как наша кровь текла,
Когда пространства не было меж нами!

МНЕ НЕЧЕМ БЕЗ ТЕБЯ ДЫШАТЬ

Мне нечем без тебя дышать...
Всё обрывается от дрожи.
И я не в силах помешать
Душе, оставшейся без кожи.
Отсюда, от седин земли,
Где только ветры обитают,
К тебе в ликующей дали
Её мольбы не долетают.
Каким же нужно языком
Кричать о самом человечьем,
Когда корёжит горло ком,
И больше – нечем?!.

МАРТ

Март на излёте. Рушатся снега.
Лёд над собой рассасывают реки.
Шипит асфальт. Змеятся берега.
И всё плывёт, смежаясь, словно веки.
Мир канул в воду будущих времён,
Чуть вздрогнув перед мигом настоящим,
Где тает день и длится тот же сон

О прошлом, никуда не уходящем...
Там только ты, ещё и там, и там,
Куда уже не дотянуться взглядом,
Где март спешит за нами по пятам,
Бежит вперёд и остаётся рядом...
Там только ты, как этот вечный свет
Среди снегов, раскиданных на счастье,
Где ничего несбыточного нет,
Где даже смерть и та – любовь отчасти...

КАЧАЕТСЯ ПОЛ. ТЯЖЕЛЕЕТ СВЕТ

Качается пол. Тяжелеет свет.
По тамбуру – сквозняки.
Вагонному шелесту смотрит вслед
Разлука из-под руки.
И падают звёзды на талый снег,
Стекая с него в ручьи,
Как слёзы, блеснувшие из-под век,
Сбежавшие в колеи...
А поезд спешит, он летит в зарю,
Он вздрагивает во сне.
И я всё смотрю на тебя, смотрю,
Покуда луна в окне...

СОН О СЧАСТЬЕ

Пространство рвётся в клочья вдоль границ
Разумного – без видимой причины...
Я стану тенью от твоих ресниц,
А полночь грянет в сон без середины.
Там шелест крыльев с тысячи сторон,
Оркестров грохот и сиянье скрипки,
И звёздным небом залитый перрон...
Я стану светом от твоей улыбки.
Сквозь шум толпы из инобытия
Вдруг ощутим мы оба в одночасье:
Нет никого, есть только ты и я,
И этот сон стремительный – о счастье.

ВОЛШЕБНАЯ РОЗА

Я хочу целовать твою розу всегда,
Нежно-нежно касаясь губами,
И вдыхать аромат и хмелеть, как тогда,
От любви и тепла между нами...
Как влажны и желанны её лепестки...

Как теперь без тебя одиноко...
И сжимается сердце моё от тоски
Под манящие песни Востока.

ХОД ЧАСОВ НЕИЗЪЯСНИМО ТИХ

Ход часов неизъяснимо тих...
Замер мир, перетекая в стих.
Задрожало в форточке стекло.
За окном по-звёздному светло.
МчитсЯ птица с ночи по лучу,
Подлетая к правому плечу,
Две души, согретье теплом,
Сладко дремлют под её крылом...

ПРИКОСНОВЕНИЯ

Я снял часы, чтоб их не наблюдать,
Чтоб счастье стало ближе к совершенству,
Чтоб снегу до земли не долетать,
Лететь и таять на пути к блаженству,
Чтобы стеной встающая волна
Прошла насквозь и кожи не коснулась...
Чтоб всюду ты была со мной одна,
Была со мной... покуда не проснулась...

СЕНСИЗ...

Когда к строке строку – всё пальцем по песку,
Не в руку робкий сон и золото – не в жилу,
Не выпить тишину, не выплеснуть тоску,
И правда невдомёк, и истина – не в силу,
И жизнь – не книга книг, и век – не к мигу миг,
И путь – не к шагу шаг, слова – не рубль
к рублю,
А там, где свет возник, вся даль ушла на крик...
...Мне грустно оттого, что я тебя люблю.

ЧТО О СЕБЕ ТЫ ВОЗОМНИЛ, ПОЭТ?

Что о себе ты возомнил, поэт?
Да ты же ей ни капельки не нужен!
Дай Бог ей жить на свете много лет
С надёжным, молодым, спокойным мужем.
Ей Бог даёт и света, и тепла,
Куда тебе с болячками твоими...
Скажи спасибо, что любовь пришла

И подарила ласковое имя.
Иди себе, затихни и замкнись,
Не лезь в их жизнь ни вольно, ни невольно.
Смотри, какая всюду ширь и высь!..
Куда ни ткнёшься – всюду только больно.

НА ПТИЧЬЕМ ЯЗЫКЕ

Ты смотришь мне в глаза, а он тебя целует.
Ты смотришь мне в глаза. Бледнеет потолок.
Синеют небеса. И ветерок колдует.
И облака летят далёко на восток..
Тот шрамик возле губ... Нет, он ещё не зажил.
Дотронусь языком. И заново саднит.
А там, за потолком, в заоблачном пейзаже,
Как птичий голосок, душа моя звенит.
Ты чувствуешь меня, хоть он всё время рядом,
Волнуясь, говорит и гладит по руке.
Незримо за тобой слежу небесным взглядом
И плачу о тебе на птичьем языке...

УЖЕ РАССВЕТ

Уже рассвет... Не может быть! Так рано..
Рыдает в небе розовая чайка.
А за окном – дыхание тумана,
А на душе прозрачно и печально.
Как будто знает плачущая птица,
Что наш союз случаен и не вечен,
Что, если он ещё чуть-чуть продлится,
Мы судьбы всем вокруг перекалечим.
Не собирай, я выброшу осколки,
Не стоит приходить на пепелище..
Пока-пока, тебе идёт в футболке..
Рыдает чайка – всё кого-то ищет.

ДВА ЛЖЕЦА

Про большую любовь, про друзей и дела
Каждый вечер ты снова и снова лгала,
Исчезая привычно, почти на бегу,
И темнели слова, как следы на снегу..
И кивал я, сияя как ломаный грош,
И сходила за истину грубая ложь,
Оттого что была ты мне правды важней.
Я не верил, не думал, не помнил о ней!
Так и жили мы рядом – два рьяных лжеца.
Только бились по-разному наши сердца.

НЕИСТОВАЯ

Неистовая, словно смерч,
Немыслимая, словно счастье,
Любовь внезапная, как смерть,
Ко мне явилась в одночасье..
Я жил и думал не о том,
Корпел, о суетном мечтая,
Когда она влетела в дом,
Всё на пути своём сметая!
Перевернула всё вокруг,
Смеясь, безумствуя и плача..
И, вздрогнув, я поверил вдруг,
Что можно жить совсем иначе:
Что существуют чудеса,
Что стоит захлебнуться новью,
Благословляя небеса,
Омытые земной любовью!

СПИТ ГОРОД У РЕКИ

Спит город у реки, как странник у огня,
Слезинкой со щеки звезда с небес слетела..
Сегодня ты во сне увидела меня
И снова голос мой услышать захотела.
Восходит за окном над крышами луна
И в комнату твою глядит голубооко..
Спит город у реки, повсюду тишина,
Лишь ветерок ночной танцует одиноко.

СТАРЫЙ ДРУГ

Когда приходит в гости старый друг,
Всё светом озаряется вокруг.
Он говорит то умно, то смешно,
С ним можно выпить и сходить в кино.
Он никогда никем не заменим,
Носить не нужно масок перед ним,
Готов он поделиться в день любой
Не болью, только радостью с тобой.
Его позвать ты можешь хоть когда,
С ним так легко молчитсЯ иногда..
И вот, вздохнув, уходит он опять,
И ты одна, и ты ложишься спать,
Вновь бормоча в объятьях сонных чар,
Что для тебя он всё же слишком стар...

ТЫ ЖДЁШЬ НЕ МЕНЯ

Ты ждёшь не меня и живёшь не со мной,
А там, за его необъятной спиной,
Щебечешь ему те же самые речи,
Те речи, что прежде я слушал не раз,
С тебя не сводя обожающих глаз,
Лаская твои обнажённые плечи.
Ты ждёшь не меня и... уже не его,
Но он не узнает о том ничего,
И надо ли знать, если всё без огласки
Однажды пройдёт и наступит опять
Черёд для кого-то ещё вспоминать
Тот искренний щебет и тайные ласки?

ГОЛОС

Твой голос мне больше не снится,
И грежу не я в забытии:
Сладка ли твоя поясница,
Умелы ли губы твои...
Всего, что когда-то хотела,
Ты в жизни добилась сама.
Твоё безупречное тело
Поклонников сводит с ума.
В руках твоих бьётся синица.
В глазах твоих блещет расчёт...
Но голос твой больше не снится
И в звонкую даль не зовёт.

НИ СЛОВА О ЛЮБВИ...

Ни слова о любви! Пока не вспыхнут сами,
Когда она придёт в урочный день и час,
Когда она придёт, и встанет под часами,
И станет ожидать замешкавшихся нас,
И станет ожидать, оправдывая снова
Не вскрикнувших вослед: «Полцарства за коня!»
...Вот только о любви, пожалуйста, ни слова.
Пожалуйста, хоть раз послушайте меня!
Листвой в её садах срываются столетья,
Жемчужинами с губ слетают соловьи...
Какие там слова? Сплошные междометья.
Слова ещё вчера сгорели от любви.

А СТОИТ ЛИ...

А стоит ли возвращаться
Туда, где никто не ждёт?
Туда, где когда-то счастье,
Казалось, ещё мелькнёт?..
Но высохли половицы,
Истрескались потолки,
И мне уже не напиться
Воды из твоей руки,
Лишь снова уткнуться в стену,
Ведущую в никуда,
Всё ту же изведав цену
Прощанию навсегда...
А стоит ли возвращаться
Туда, где никто не ждёт?
Спросить бы о том у счастья,
Скулящего у ворот...

НИ МИРА, НИ ВОЙНЫ

Ни тебя, ни мира, ни войны.
Только ветер, песнями объятый,
Пляшет над руинами страны,
Ни одною армией не взятой.
Ни войны, ни мира, ничего
Из всего далёкого былого...
Лишь любви не принятое слово
Каждый год справляет торжество.

ЛЮБОВЬ

В ночи мелькнувшая зарница,
Земля над бездной гулких вод –
Она в глазах твоих лучится,
Она в душе твоей поёт!
Она всегда везде с тобою –
До крайней точки бытия.
И ты зовёшь её любовью,
И знаешь, что она – твоя...
О сердце! Как же ты отважно,
Когда светлы дела твои!
А любят ли тебя... неважно:
Любовь не требует любви.

Валентина КОРОСТЕЛЁВА

ВОЛШЕБНОЕ УТРО

Какое прекрасное время!
Откроешь глаза, и уже
Счастливый негаданный жребий
По-дружески светит душе.

А в окнах – от солнца узоры,
И сны, и сомненья – ко дну!
И сдвинешь прозрачные шторы,
И пустишь в квартиру весну!

И сердце в нахлынувшем тонет,
Готово весь мир обнимать...
Какая по жилам истома,
Какая душе благодать!

Как будто судьба оперилась
Иль боги вручили медаль –
Чтоб всё, что прекрасно, раскрылось,
Позвало в манящую даль!

ДВЕ ДУШИ

Как будто позади уже причалы,
Где тоненько поёт порою высь,
Но две души однажды повстречались
И вдруг не захотели разойтись.

Сдаётся календарь, обычно строгий,
И ни к чему надёжный им покой,
Когда, считая двери и пороги,
Одна душа уже спешит к другой...

ВЕСЕННЕЕ

Ругаю себя за ошибки,
Винюсь пред иконой святой,
А в сердце – цветасто и зыбко,
И вновь расцветает улыбка,
И ветер с утра молодой!

У НАС, НА ВЯТКЕ

Отшумели зимние метели,
И опять весна ласкает взгляд...
Здесь у нас берёзы, словно ели,
Высоки и с солнцем говорят.

На лужайках высунулись кочки,
Каждая согреться норовит...
Есть ещё на свете островочки,
Где природа вольно говорит.

Есть ещё родимые мотивы,
Хочешь – плачь, а весело – пляши!
Есть ещё народ неторопливый,
Что живёт по правилам души...

А НЫНЧЕ...

Не уходи из снов, не уходи,
Ну что тебе, признайся, стоит!
Ещё мы встретимся в пути
Наладим связи с Красотою,
И будет глаз не отвести
От снега или листопада...
Но это всё же впереди,
А нынче даже сон – отрада!

ПЕСНЯ

Осенний день. Поля устало дремлют,
Неслышно подбирается закат...
Последний дом, что на краю деревни,
Чуть жив и вроде сам себе не рад.

От старости сарай убогий треснул,
Кряхтит, наверно, над своей судьбой...
И вдруг за домом зазвучала песня
И позвала как будто за собой,

И позвала, со всей печалью споря,
Так, наугад, неведомо куда,
За поле это, может быть, за море,
Но где Россия, близкая всегда.

О ком, о чём, да разве это важно,
Вот Разин Стенька, что с княжной плывёт,
А вот и сам Ермак, казак бесстрашный,
С дружиной верной города берёт.

А вот и наша «горькая рябина» –
Девичьи слёзы, бабий «бриллиант»,
Пусть для кого-то не судьба – судьбина,
Но песням этим всякий русский рад.

Да и жива деревня, не иначе,
Когда такие песни верх берут!..
А я стою и почему-то плачу,
Но так бывает. Главное – поют!

ИСКРЫ

Нынче гаснут кувшинки в пруду,
Я на встречу с тобой не приду,
Хоть и память души дорога,
Всё имеет свои берега.
От костра только искры в траве...
Мало звёзд мне – в твоём рукаве.

ЗАНОЗА

Ты тот же всё, другая на примете,
Не проворонит молодость свою...
Я знаю, вряд ли нам бывшее светит,
Но я зарю вечернюю люблю.

А жизнь тебя и сводит, и разводит,
И нечего с неё, коварной, брать.
И новых лиц немало в хороводе,
Но как тебе от памяти удрать?

Уже строчит по крыльям жизни проза,
Уже ты сам ведёшь судьбу свою,
Но я-то знаю, что жива заноза,
Которая волнует грудь твою...

НА РАДОСТЬ ДУШЕ

Полдень в разгаре, и ветер беспечно
Там куролесит, где пел соловей...
Как я люблю эти первые свечи
В небо глядящих осенних ветвей!

Каждый листок, трепыхаясь, смеётся,
В пламени этом не против сгореть –
Коли расщедрилось жаркое солнце,
Чью-нибудь душу пытаюсь согреть.

Тянутся в небо пурпурные гроздья
Листьев, созревших для дальних миров,
Всё происходит ни рано, ни поздно
В этой гармонии дней и даров.

Словно не листья – медовые соты
Спорят с ненастьем, тоской и бедой...
Много ли стоят другие красоты
Рядом с божественной той красотой?

Дай мне надежду, роскошная осень,
Прежде чем листья погаснут уже.
Пусть мне приснится весенняя просинь
Мокрой зимою на радость душе!..

НЕ ВИНЮСЬ И НЕ ЖАЛЕЮ...

«Я тобой переболею...»
Римма Казакова

Не винюсь и не жалею,
Что по-прежнему люблю.
Я любовью отболею
И судьбу перекрою.

Видно, вьюга просвистела,
Перестали сны кружить.
Что же делать, что же делать,
Остаётся просто жить.

С нами Русь: Байкал, и Волга,
И любой желанный путь...
Не смотри в глаза так долго,
Можно снова утонуть...

В СВОЙ ЧАС...

Когда окрашивает солнце
В окне кирпичные дома,
То веселее сердце бьётся,
Как будто молодость сама

Передаёт душе приветы
Из тех, уже неблизких лет,
Когда как будто все – поэты,
В которых молодости свет.

Но ты-то знаешь, ты-то знаешь,
Что у тебя в душе струна
Не как у всех, совсем иная,
И с давних пор обнажена.

Они состарятся, быть может,
И станут мудрыми навек,
А ты всё не спешишь итожить
И продолжаешь свой забег.

И только сердце точно знает,
Что даже лютая зима
В свой час зажжёт, весь мир меняя,
В окне кирпичные дома...

ТА ЗВЕЗДА

Кажется, пора остановить
Чувства безответного течение...
Но крепка была надежды нить,
И не гаснет той звезды свечение.
И куда б ни вынесли пути,
И какой бы ни сдавать экзамен,
Эту муку мне ещё нести,
Молодеть под этими глазами...

«МОРОЗ И СОЛНЦЕ...»

Мороз и солнце, боже мой,
Совсем не хочется домой!
Нырнуть в нетронутый сугроб,
Как в детстве, крут и белолоб!

От шумных трасс наискосок
Меня заждался сей лесок,
Где снег вальяжно так лежит,
А солнце царство сторожит!

Здесь маг живёт наверняка
И что ни ветка, то строка,
Не потеряй и заучи,
Как солнце бросило лучи

На этот ласковый лесок,
Где радость жжёт и дух высок,
Где стой, любуйся и молчи,
Лови волшебные лучи!

МЫ

Породнились мы с рекою,
И в бору нам – благодать.
В наших душах есть такое –
Никому не разгадать.

Мы немало повидали,
Нам родня – и бой, и труд.
Мы вросли в такие дали,
Что другим не подойдут.

Мы со всякими встречались –
И король хитрил, и шах...
И отвагой отличались
Мы отнюдь не на словах.

Нам любовь дороже хлеба,
И не манит стиль ампир.
Нам родня – такое небо,
Что завидует весь мир.

Не желая жить иначе,
Не жалею добрых слов...
И уходим не под плачи,
А под звон колоколов...

К ВОПРОСУ О ПАТРИОТИЗМЕ

Инна ДЁМИНА

Инна Владимировна Дёмина, кандидат педагогических наук, автор 50 научных публикаций. Член Союза писателей России, поэт и прозаик, автор девяти литературно-художественных книг. В юбилейном 2020 году, связанном с 75-летней годовщиной Победы СССР в Великой Отечественной войне, издала три литературно-художественные книги: «Точка в пространстве и времени», «Быть собой – забыть себя», «Цена войны». Награждена Московской городской организацией Союза писателей России юбилейной медалью «75 лет Победы СССР в Великой Отечественной войне». Работает в литературных гостиных В. М. Богданова, Л. У. Звонарёвой, В. Н. Иванова.

Когда же наконец наша продвинутая творческая интеллигенция поймёт, что патриотизм всего лишь порядочность по отношению к собственной стране.

Юрий Поляков

БАЙКАЛЬСКАЯ СИМФОНИЯ

Взошла же, о други, Байкала заря!
Оксана и Дмитрий старались не зря.
Я сердца любовь мою им отдаю,
Себя, что рискнула, я тоже хвалю!
Я тридцать лет бредила этой мечтой,
И ничего не поделать с собой.
В дорогу я образ Господний взяла
И в путь твой, о Господи, смело пошла.
Байкал мне открылся с различных сторон,
Седой он и юный, живой, дышит он!
Два километра глубины таят,
На шесть сотен вёрст распростёрт его взгляд!
Отвесные кручи глядятся в него,
То око Сибири, в подземье окно.
«Три брата» взметнулись в небесную высь,
Легенды, сказанья до нас донеслись.
Паром в новом веке и старый Ольхон,
Полупустыня и эковский стон.
Всё это сегодня Байкал нам дарит,
«Живите ж достойно!» – эфир нам звенит.

ЮРИЮ ГАГАРИНУ

К воспоминанию о 12 апреля 1961 г.

Шестьдесят лет пролетели,
а как будто бы вчера
Я услышала: «Гагарин в космосе, ура! Ура!»
А Гагарин тот из Гжатска,
Гжатск же в области моей!
Как пружине надо сжаться, чтобы стать
мне посмелей,
Заявить с кафедры звонко, что Гагарин –
мой земляк,
Что его великой славы хватит всем?
И мне. Вот так!

Цунами чувств меня взметнули,
на кафедру вознесли,
Чтобы мне с такой трибуны миру
речь произнести!
Говорила, даже пела, голос мой тогда звучал,
Овации заимела. Сгинул страх мой,
страх пропал!

12 апреля 2021 г.

КРЫМ

12 июня 2014 г.

Мой патриотизм в День Победы
Прошёлся маршем мира на эстонских берегах,
В День сладкой независимости от кого-то
Я снова не в Москве, в Крыму,
В патриотических верхах!
Днём московская солистка
Задала празднику тон,
Вечером к заходу солнца
Загудело всё кругом:
«Витязями» Севастополь
Вдруг прорезал высоту,
Ромб, квадраты, параллели
Явили в небе красоту!
Их «птичьи» клювики привычно
Резали эфир,
А манёвренные крылья утверждали мир!

Вдруг прорезал «ромб» зигзаг,
Рассыпав свои грани,
Красивы «птицы» в небесах,
Как девушки шикарны!
Музыка неба и земли
Слилась в одном порыве,
Птицы ж в страхе залегли,
Деревьями укрывшись.
Не дал Бог птицам распознать,
Что мир и что война.
Порох России, будь сухим,
Нам жизнь лишь раз дана.
Пятьдесят четвёртый в прошлом¹,
В родных пенатах снова Крым!
Мы встретились, я этого хотела –
Отечества над нами родной дым!
Я внемлю голосу морской волны,
Которой ничего нет равнодушной.
Неверно это! Шелест говорит:
«Я – корабли. Со мною вам надёжней».

Июнь 2014 г.

ПАРК «ЗАРЯДЬЕ»

Парки Версаля – размах и безбрежность,
К фонтану «Латона»² прикован мой взгляд,
Рельефность обычна, Латона ж чарует.
«Замрите пред чудом», – вокруг говорят.
Гауди сотворил парк «Гуэль» в Барселоне,
Цветы и деревья на каменных стеблях, стволах,
Гуляй, отдыхающий, лавочек каменных много,
В парке испанском – камня размах!
Шёнбрунн австрийский в роскошных оттенках,
Скромный ландшафтом парк тоже не плох.
И вот по соседству с Кремлём парк «Зарядье»,
Он только младенец, но, право же, АХ!
Нет аналогов тому, что здесь я вижу,
На всём играет яркий творчества талант!
Поклон создателям-творцам мой низкий,
Виват московский «Оскар-парк», виват!
На семнадцати гектарах вышло чудо из чудес –

По соседству с Красной площадью
раскинул кроны лес!
А чуть дальше белы лилии в озёрцах расцвели,
В триста, может, больше метров над рекой
мост возвели.
Тот мост непрост, он – чудо света,
О землю оперся лишь раз,
Он летит, он воспаряет,
К себе влечёт, он – покоряет!
Мост действительно непрост,
Одной ногой он в землю врос,
Другая в воздухе, атас!
На мосту рояль, Мацуев,
И льётся музыка для нас,
Для души моей, для глаз!
Моя Москва, ты стала ещё краше!
Моя Москва, ты сердце моё, наше!
Песни мои и оды – всё тебе!
Какое счастье, я живу в Москве!

26 июня 2018 г.

ЧЕМПИОНАТ МИРА – 2018

Забивает хорват гол,
Рвёт с себя футболку – гол.
В мгновение ока вся команда
Растёт на нём, как колоннада.
Хорват принёс стране победу,
Но я к хорватам не поеду.
Наши футбола короли
Прыгнут, прогнутся до земли,
Добудут чемпиона мяч!
Поможет им мой старший зять,
Футболя жизнь и вкривь, и вспять,
Он научился побеждать!
Зять плюс наша сборная –
Игроки достойные.

¹ В 1954 году Н. Хрущёв «подарил» Украине Крым.

² Фонтан «Латона» воспроизводит в мраморе греческий миф о страданиях проклятой Герой богини Латоны с детьми-близнецами Аполлоном и Дианой, рождёнными от Зевса. Тех, кто отказывал Латоне в глотке воды, Зевс превращал в лягушек.

Сорок лет спустя...

Да-да, прошло именно сорок лет с того момента, когда я последний раз ходил по улицам своего родного села Ново-Тарбеево. И все эти сорок лет меня не покидало желание, усиливающееся год от года, посетить своё родное село, село своего детства.

Сорок лет Моисей водил свою паству по пустыне, чтобы евреи напрочь забыли своё прошлое, свои корни. А забыл ли я?..

...Дорожный знак на окраине села показал, что села Ново-Тарбеево больше не существует, джипиэс моментально подтвердил эту информацию.

Новое Тарбеево – кому-то в голову пришло (вернее, стукнуло) изменить одну букву и убрать дефис. Кому-то другому придёт в забубённую головушку изменить или убрать целое слово из названия села, а ещё лучше – совсем стереть это название, совсем вытравить из сознания и памяти не только название, но и само село.

В Туле до 2016 года выходил литературный сборник «Иван-озеро», затем это название «умники» из Союза писателей заменили на «Тульское слово». Иван-озеро – из него берёт начало великая русская река Дон, а «Тульское слово» – газета тульских анархистов начала XX века.

...Царапая машину ветками кустов, с обеих сторон окруживших просёлков, оказались на центральной улице. Вот и родной дом – бывшая ЦПШ (церковно-приходская школа; не путать с Центральной партийной школой), – отреставри-

рованный, с жилым вторым этажом дом рачительного хозяина; огромный двор, сарай, амбары, загоны для скота и птицы, сельхозтехника неподалёку и... старый, покосившийся сарай прямо напротив дома. Сарай, которому более даже не сорока, а более пятидесяти или, может, даже шестидесяти лет.

– Уж очень добротный и большой в сарае погреб, – поясняет новый хозяин дома, дома, в котором жили три семьи учителей: наша семья (пять человек, три комнаты), семья завуча школы Сергея Ильича Чеканова (четыре человека, две комнаты) и семья учителя начальных классов Михаила Андреевича Богоявленского (четыре человека, две комнаты).

В этот погреб, отдыхая у бабушки и дедушки, падали их трое внуков – мой сын Алёшка, сыновья средней сестры Татьяны Дениска и Егорка. Доставала непутёвого, всего в слезах, но без каких-либо повреждений Егорку моя младшая сестра Ольга.

Чуть дальше от нашего (нашего, нашего – жив курилка) дома – мост через ручей, заросший с обеих сторон непролазной чащей из всевозможных кустов, лебеды и крапивы в человеческий и выше рост: воды совсем не видно. Но не только ручей зарос, всё свободное пространство в селе и за околицей в отсутствие стада (да что стада – единичные экземпляры крупного рогатого скота и те встречаются редко, а о блеющих и говорить-то нечего) – коров, овец и коз – медленно превращается в первозданные джунгли средней полосы России.

В то далёкое время моего детства мост, вернее, не мост, а этот ручей служил индикатором весенних каникул. По расписанию школьные весенние каникулы проходили между третьей и четвёртой четвертью. В нашей школе каникулы зависели от этого ручья, в паводок своими разбушевавшимися водами затоплявшего дорогу с обеих сторон моста, что, естественно, отрезало дорогу в светоч знаний. И каникулы иногда в очень сильный паводок могли длиться более семи положенных дней.

Теперь – штришок о мосте из моего отрочества...

...Тысяча девятьсот шестьдесят восьмой год (7476 год по арийскому календарю). Сентябрь. Конец месяца. Три часа, ночи ли, утра ли? Три часа.

Весь окрест сотрясающие раскаты грома заставили нас (меня и Раиску Попову, училку английского, мою ровесницу) выползти из шалаша. Над нами безлунное, безоблачное (!) небо, звёзды: потянуться получше – рукой достанешь. И... раскаты грома. И... молнии, сплошной стеной падающие в землю около моего дома (от шалаша до дома ровно двести пятьдесят три метра – специально измерил на следующий день).

Рядом с моим домом, метрах в двадцати, протекает неширокий и неглубокий ручей, прямо перед домом – горбатый мостик без перил, соединяющий дорогой две сельские улицы. И в этот мостик, и в этот ручей, в землю вокруг мостика с безоблачного (!) звёздного неба с жутким грохотом падали зигзаги молний. Падали не стремительно, неуловимо, не как бросок кобры, не вонзались огненным кинжалом в землю, а именно падали. С отчётливо различимыми зигзагами. Сплошной частокोल стоял из этих молний. А мне идти домой. Не компрометировать же училку, мою будущую несостоявшуюся невесту, и не играть же перед ней труса.

И я пошёл. Пошёл в неизведанное. В неизбежное. В неотвратимое. Страшно! Жутко! Кошмарно! Ужасно! Но в то же время меня тянуло, притягивало что-то неведомое к этому злополучному мосту, к этой электрической вакханалии.

Слышалось, по мере моего приближения, шипение воды от попадавших в ручей молний, через адский грохот доносилось даже это злое шипение.

Вот – молнии рядом. Они, эти гигантские змееподобные, огненные чудовища, рядом. Запах концентрированного озона, почти раскалённый воздух. Я делаю ещё шаг, и... молнии передо мной раздвигаются, образуя неширокий коридор. Я передвигаюсь на полусогнутых. Волосы в электрическом поле стоят дыбом, потрескивая от статистического (или там какого?) электричества. Но я живой, я продолжаю вползага пробираться, продираться вперёд.

Центр моста. Я оказываюсь в сплошной полосе сплошного огня: справа, слева, впереди, сзади, сверху – одни молнии. Я глухой от грохота...

Наконец мост пройден. Сзади – продолжающийся грохот и сполохи молний. Впереди – сплошная темнота, одно светлое пятно: светящееся кухонное окно моего дома.

Отец никогда не ложился спать, пока я не приходил домой с гулянок. Оторвавшись от чтения (читал-то, вернее, как и вся настоящая русская интеллигенция, не читал, а перечитывал Гоголя, «Вия» перечитывал), поправив очки, осмотрев меня с головы до ног, он недоуменно констатировал:

– Почему ты сухой?

Я не понял, не врубился: почему я сухой, почему не мокрый...

– На улице ведь дождь, гроза, гром, молнии...

...За мостом, метрах в шестидесяти, – школа.

Вначале двухэтажная деревянная, затем большая одноэтажная, теперь опять двухэтажная, но вся из кирпича. Нет, соврал – не школа, а недостроенный каким-то «новым», не то «сверхновым русским» кирпичный монстр.

Нет школы – нет учеников, или нет учеников – нет и школы. 15 (пятнадцать!!!) детишек со всего села возят за десять километров в ещё уцелевшую сельскую десятилетку.

В конце сороковых – начале пятидесятых годов прошлого века в Ново-Тарбеевской школе выпускалось от шести до восьми классов по сорок человек в каждом. Не считая вечерней школы.

...Школа. Двухэтажная деревянная сельская школа. В нашем наборе, наборе пятьдесят пятого года, было два первых класса и пять (пять!) десятых. По сорок и более человек в каждом классе.

В нашу школу-десятилетку ходили учиться из пяти-шести соседних сёл и деревень, где были только четырёх- и семилетки (в то время выпускными классами были седьмой и десятый). Это только печально знаменитый «кукурузник» влез и в образование своим грязным сапожищем – или ооновским ботинком? – и сделал выпускными восьмой и одиннадцатый; я тоже попал под «раздачу» – единственный одиннадцатилетний выпуск в школе и «смерть фашизму» на вступительных экзаменах в институт, где конкурс среди школьников – восемнадцать с половиной человек! На одно место.

...Подъезжая к селу, вышел на обочину дороги (шоссе Мичуринск – Липецк) и окунулся в тридцатипятиградусное пекло. Пекло не городское, с привкусами выхлопных газов и ядовитых испарений асфальтовых покрытий, а пекло, обволакивающее целебным запахом полыни и подсолнухов, растущих на бескрайних частных полях по обе стороны дороги, ласковым теплом, достающее до самых «печёнок». Пекло... да и не пекло вовсе, а своё, родное, давно забытое ощущение счастливого деревенского детства, ощущение, заставляющее наворачиваться слёзы на глазах.

Рядом, вон на том пригорке, стояли вагончики монтажников, тянущих две нити ЛЭП Волгоград – Москва. Туда все пацаны села ходили за кусками алюминиево-стальных толстых проводов, чтобы потом из них соорудить подобие сетки-рабицы и огораживать свои приусадебные участки от всюду пролезающих цыплят.

Чуть дальше стояли вагончики строителей нефтепровода «Дружба», где в полевом магазинчике продавали всяческие деликатесы. Но мы покупали там только ситный хлеб – большие караваи пшеничного (белого) хлеба, которого ни в селе не пекли, ни из города не привозили (так именовался у нас Мичуринск – «город»).

...Наконец – долгожданная встреча трёх Колек: Кольки Макарова – автора этих строк,

Кольки Грезнева – на два года моложе автора, Кольки Климанова – на два года моложе Грезнева. В этой компании не хватает Бэна Джойса – Тольки Жданова, на два года старше автора.

...Бэн Джойс!

Имя это я вначале услышал, а потом прочитал «Остров сокровищ». Но это было не имя, не прозвище, не кличка. Так звали Тольку Жданова из того самого 5-го «А». А кличка, дразнилка у него была другая – Бык.

Коренастый, упрямый, несокрушимый ни в драках, ни в играх Бык. И в справедливости, в честности несокрушимый. Бык!

Из простой крестьянской семьи, с детства приученный (да как и все из нас) к тяжёлой сельской жизни. Но учился плохо – двойки-тройки. Не успевал он учиться. Всё хозяйство держалось на нём: отца не было (не помню почему, врать не буду, но знаю точно, семью отец не бросал), мать больная, младшая сестра Валентина училась со мной в одном классе.

Уважали его все: и взрослые, и сверстники, и младшее поколение. В десятом классе бегал на лыжах по первому разряду.

После десятилетки задумал он поступать в военное училище (это с его-то отметками, но... но первый разряд по лыжам, он и в Африке – первый разряд). А его невзлюбил завуч (Сергей Ильич Чеканов, преподаватель истории, его никто не то что не любил, а мало кто и уважал, не было таких практически). Невзлюбил за упрямый, открытый характер и пообещал, что наш Бэн Джойс окончит школу без аттестата, т. е. по истории у него будет не более двух баллов, и прощай, училище.

Отец всегда неравнодушно относился к Бэну Джойсу. Наверное, и у него такое же было детство (да не наверное, а точно такое, без-отцовское детство). И всегда чем мог помогал ему. Помогал вплоть до последнего экзамена. Ну не су... собака ли, эта судьба-злодейка: в день экзамена по истории (последнего выпускного экзамена!) отца вызывают в Мичуринск в роно (районный отдел народного образования) по каким-то неотложным, сверхсрочным делам (а не козни ли это завуча – пришло мне в голову только сейчас, когда пишу эти строки).

Закон подлости не подвёл и в этот раз: по истории у Бэна Джойса – двойка. Бэн Джойс без аттестата. Выпускной вечер без Бэна Джойса. Без нашего Тольки Жданова.

Конечно, на отца донесли, стукнули куда следует за исправленный экзаменационный протокол по истории (как-никак директор школы – председатель экзаменационной комиссии, имеет право).

Донесли! Донесли за выданный Бэну Джойсу аттестат зрелости.

Последний раз я, лейтенант медицинской службы, встречался с Бэном Джойсом – с гвардии майором Анатолием Ждановым, слушателем Военной академии имени М. В. Фрунзе, неоднократным призёром первенств страны по самбо – в далёком семьдесят четвёртом году, в мае, случайно, у метро «Парк культуры».

Где он сейчас, Бэн Джойс?.. Из моего детства...

...Колька Грезнев – Николай Васильевич Грезнев, – прошедший за тридцать девять лет путь от простого рабочего до директора крупнейшего завода по производству заслонок для газовой отрасли в Усть-Каменогорске, лично знакомый с президентом Казахстана Назарбаевым. Грезнев и заехал за мной из Москвы, где живёт после выхода на заслуженный отдых.

– Моя секретарша, имея высшее филологическое образование, – стоя напротив бывшей школы, рассказывает Грезнев (Пузанок – его детский «псевдоним»), – перед тем как приносить мне на подпись, тщательнейшим образом проверяла и отбраковывала за любую грамматическую или там какую другую ошибку документы. Поясняя при этом: «Я не хочу быть уволенной из-за ваших ошибок! Николай Васильевич учился русскому языку и литературе у самого Алексея Дмитриевича Макарова!»

– Да, твой отец, – обращаясь ко мне, продолжает Грезнев, – давал нам капитальнейшие знания. А вот мать математике нас, и меня в том числе, не научила.

И, видя моё недоумение:

– Твоя мать доводила нас до восьмого и в девятый класс передавала Коту – Владимиру Дмитриевичу Бородину, никудышному и

никчёмному математику даже по сельским меркам.

– У матери не было высшего образования, поэтому её потолок – семилетка, затем – восьмилетка.

...Мать всегда (!), к каждому (!) уроку за всю свою педагогическую деятельность писала подробные планы. Всегда!

И кучи тетрадей. Кучищи! Монблан! Эверест! Тетрадей учеников – с домашними заданиями, с контрольными работами (к следующему уроку все должны быть проверены, с разбором каждой ошибки). И не у одного класса, а у трёх-четырёх. Каждый день! Отец никогда планов не писал, черкнёт пару строк – и готов к занятиям. Он в основном преподавал в вечерней школе (вечерняя школа – это после двух дневных смен, где занимались нормальные по возрасту ученики, по вечерам приходили те, кто не успел получить образование в семи- или десятилетке в войну, в тяжёлые послевоенные годы, т. е. простые советские колхозники разных возрастов – помните многосерийный фильм «Большая перемена»? Всё точно так же происходило – только со скидкой на время и место). И он там тоже преподавал. На уроках его (как говорили ученики) слышно было, как летают мухи по классу, как вибрируют стёкла в окнах от малейшего ветерка.

Как жаль, что мне не пришлось учиться в его классе, хотя по большому счёту вся его жизнь для меня была уроком. Отца в школе не боялись. Нет! Мать боялись – на её уроках тоже стояла тишина. Но... Другая тишина. Отца не боялись. Директора школы не боялись. Что такое директор школы в большом селе? В середине двадцатого века? Третий человек в сельской иерархии: председатель сельсовета, председатель колхоза, директор школы. А учитывая его военное прошлое, его орден (на всю округу всего два «Красных Знамени»), его высшее образование (по-моему, в те времена – только одно на весь колхоз) плюс его постоянное депутатство в сельском совете, – непрекращаемый авторитет среди сельчан. Со всеми бедами и радостями шли к нему со всего села. Занесёт судьба кого-то из его выпускников с заоблачных высот (а для

села того времени работа в Москве, служба в армии – большая высота!) в родные просторы, обязательно приходят к отцу.

И что характерно (по своей природе дети жестоки, бескомпромиссны в своих суждениях, их на мякине не проведёшь), в школе у всех (до самого последнего сторожа) были клички, дразнилки, устный фольклор, своей безжалостной точностью и меткостью характеризующий каждого. В письменном виде это творчество появлялось везде (на стенах туалетов – естественно, удобства, как и во всём селе, на улице), на партах, на деревьях, на стенах классов и коридоров.

Ещё раз повторю: у всех учителей (у всех!) были клички. У отца за всю его педагогическую деятельность – никогда (ни-ко-гда!!!) не было кличек. У него одного на всю школу. А может – и на весь район...

...При каждом приезде в родное село Грезнев обязательно посещает погост и наводит порядок на могилах, где похоронены его родители и двоюродный дед, все с фамилией Грязневы.

– Половина нашей семьи носит фамилию Грязнев, половина, в том числе и я, фамилию Грезнев. В сельсовете разные сидели «писарюги». – И продолжает с гордостью: – Через интернет нашёл своего деда, вернее, его могилу во Львове, где он погиб в Первую мировую войну в пятнадцатом году.

...У Кольки Климанова – Николая Григорьевича Климанова, подполковника в отставке – в селе свой дом. Здесь, то есть в селе, он родился, здесь вырос, здесь поступил в Камышинское высшее военное строительное командное училище. По увольнении из армии, получив квартиру в Воронеже, он по несколько раз в год приезжает в село, где у него имеется небольшой огородик и такой же небольшой дворик.

– Половина команды – чемпионы Тамбовской области по эстафете четыре по сто – в сборе, – обнимаясь со мной, он смахивает слезу и поясняет Грезневу: – На чемпионате ДСО «Урожай» Макаров бежал первый этап, передавая мне эстафетную палочку; на третьем и четвертом этапах бежали также наши, новотарбеевские школьники.

– Нет, – поправляю Климанова, – у меня два чемпионства. Ты числился трактористом, а я проходил комбайнёром широкого профиля.

...По приезде на летние каникулы в родное село спорткомитет Мичуринского района трижды приглашал меня выступать на первенстве области по лёгкой атлетике за спортобщество «Урожай». Естественно, в документах я значился комбайнёром колхоза имени Ленина, куда входило и село Ново-Тарбеево.

Так как в мичуринской школе № 8 и Рязанском мединституте я тренировался у профессиональных тренеров, то тренировки бегунов по приезде на соревнования в Тамбов входили в мои обязанности. И в Мичуринске, и в Рязани в самой престижной эстафете четыре по сто метров мне всегда доверяли первый этап – у всех выигрывал стартовый рывок.

В Тамбове мне тоже пришлось бежать первый этап, но в этой эстафете первый и третий этапы бежали мужчины, а второй и четвертый – девушки. На тренировках самым сложным элементом оказалась передача эстафетной палочки от первого этапа, то есть меня, второму этапу, то есть девушке из соседнего колхоза «Рассвет».

И в очередном тренировочном забеге, как обычно, на максимально возможной скорости передаю палочку правой рукой в её левую руку, и она...

Она, получив палочку, резко берёт вправо и левой стопой попадает под мою шиповку на правой ноге. Стопа пропорола насквозь в трёх местах, кровищи – ужас. От девушки – не помню её имени-фамилии – ни слёз, ни стонов. К счастью, ни сухожилия, ни кости не задеты.

Срочно четвертый этап переставляем на второй, а на четвертый этап ставим спортсменку из запаса.

Финальный забег даже в таком ослабленном составе мы выигрываем с рекордом области. Меня приглашают войти в сборную области на первенство России ДСО «Урожай» в Волгограде. Я скромно отказываюсь, не называя причины, – числился в то время в рязанском «Буревестнике».

...Перекусив с дороги, наше трио Николаев среди зарослей тех же кустов, крапивы и лебеды

выдвинулось на речку. Речка, кстати, река Воронеж, к сожалению, являла собой тоже удручающее явление. Только небольшой пятачок чистой воды и незаросшего берега, на джипиэсовской карте именуемый «пляжем», манил нас более-менее какой-то свежестью и прохладой.

По дороге Климанов нас предупредил, что в селе отмечается нашествие змей – гадюк и медянок, – поэтому ходить необходимо с оглядкой и осторожностью. Да-а, в детстве в лес по грибы и ягоды ходили, не обращая внимания на змей. И в лес-то дорога, как и все сельские дороги, была в приличном состоянии. Сейчас же в лес и пройти-то можно с превеликим трудом: от речки до первых деревьев сплошные заросли многолетней сухой травы в человеческий рост и никаких дорог.

Искупались, вспоминая заплывы на противоположный берег за арбузами и дынями, созревающими на обширных колхозных полях, вспоминая, как мой отец здесь ловил рыбу.

Возвращаясь с купания в село, Климанов закурил, а я вспомнил своё первое и последнее знакомство с этой «дрянью».

...В детстве курить, наверное, пробовали все деревенские, а может, и городские мальчишки. Не обошло и меня это увлечение.

После весенних каникул (в большинстве сёл и деревень каникулы соответствовали весеннему паводку) в одно солнечное воскресенье ватага сельской ребятни собралась на уже просушенном заливном лугу.

Разожгли костёр из сухих водорослей, нашли корни какого-то болотного растения, похожие на стебли бамбука, смастерили из них подобие курительных трубок и... и набили эти трубки растёртыми до порошка сухими водорослями.

Стали курить. Дошла очередь и до меня – глубокий вдох... Мои лёгкие вывернулись наизнанку – кашель, слёзы, сопли, минут пять длилось это моё первое и последнее знакомство с курением.

На всю жизнь осталось это отвратительнейшее состояние организма, отбив напрочь возможные будущие попытки курения.

...Вечером я пошёл в гости к своей детской подруге, однокласснице Нинке Ткачёвой – Нине Григорьевне Ткачёвой. На другой конец села.

На центральной улице – асфальт, где лучше, где хуже; на обочине улицы стоят мусорные контейнеры; в каждом доме – газ и вода, у кого-то – и канализация, электричество – это естественно; на некоторых домах – тарелки телевизионных антенн. Но многие дома пустуют, многие разрушены, огороды в непролазных зарослях из всё тех же кустов, крапивы и лебеды.

...В памяти всплывает зима: по Цельсию – ниже тридцати. Март пятьдесят третьего, пятое число. Растерянные, осунувшиеся лица, красные флаги с чёрными лентами.

Мы (наша семья – отец, мать, сестра Татьяна и я) живём в деревне, вернее, в селе. Село Ново-Тарбеево – в двадцати километрах западнее Мичуринска, на берегу реки Воронеж, в ту пору полноводной широкой реки.

Отец и мать – учителя. Окончили Мичуринский учительский институт. Мать (Татьяна Сергеевна Макарова) так всю жизнь и писала во всех анкетах в строке «образование»: «незавершенное высшее» (не среднее и не высшее), специальность – «математика». Отец после учительского в пятидесятом заочно окончил Тамбовский педагогический (что автоматически подразумевало на пиджаке ромбик высшего образования – «поплавок»), специальность «русский язык и литература».

Март пятьдесят третьего, начало месяца. Утопающие в сугробах дома. По улицам только санные следы, укатавшие дорогу до асфальтовой твёрдости («асфальтовая твёрдость» – тогда в селе такого и понятия-то не было, это из нынешнего времени такие ассоциации). Электричества нет и в помине. Вода в колодцах, «удобства» – во дворе. Радио проведут только через несколько лет.

На всё село пять радиоприёмников (громкие агрегаты с тяжёлыми угольными батареями питания и антеннами на крышах, у нас был радиоприёмник «Искра»).

Где имелись эти чудо-машины (по тем временам в сельской местности так оно было на самом деле): в сельсовете, в правлении колхоза (колхоз имени Ленина – середнячок-колхоз по всем показателям во все времена, но «железный» середнячок), в школе, у директора школы, у нас

(отец в ту пору был уже завучем – вторым человеком в школьной табели о рангах).

И у этих очагов культуры собрались все жители нашего села. Все!!! Даже женщины (сельские замордованные непосильным трудом бабы) с грудными младенцами. Все!!! Все внимали жутким, страшным словам диктора: «Умер Сталин...»

Умер Сталин... И я этот день помню. Помню!!! Отчётливо помню этот день – было мне всего чуть больше пяти лет...

...Не успел я открыть калитку усадьбы, как с крыльца дома сбегает Нинка и бросается ко мне в объятия. Среди поцелуев шепчу ей на ухо: – Муж-то не ревнивый?

Она смеётся тем таким далёким детским смехом четвероклассницы Нинки Ткачёвой, а у меня ёкает под сердцем.

– Не бойся, не ревнивый. – И продолжает, видя спешащего ко мне с такими же объятиями мужа Виктора, на три года раньше нас окончившего школу: – Ты такой же циник, каким и был.

– Врачи все по определению циники.

...Первый класс сельской школы.

Белоснежная рубашка, только вчера купленная матерью в сельпо, опрометчиво оставленная без защиты снятого пиджачка; гвалт большой перемены, напоминающий многократно увеличенное броуновское движение, и...

И столкновение с Нинкой Ткачёвой, моей соседкой по парте, вернее, не с ней, а с её огромной пластмассовой чернильницей.

Результат, ясное дело, оказался до безобразия предсказуем: рубашка от ворота до ремешка брюк вся фиолетовая, слёзы на лице Нинки, размазанные испачканными ладонями, тоже фиолетовые.

В классе мгновенно устанавливается злое-звонящая тишина, нарушаемая всхлипываниями виновницы «торжества». Как же – испорчена рубашка сына самого директора школы. В ещё несмышлёных головах первоклашек возникают кошмарные видения наказания моей соседки – вплоть до исключения из школы.

Вместе со звонком на третий урок в классе появляется моя мать – учитель математики

старших классов, – награждает меня увесистым подзатыльником (сам, мол, виноват, смотри, куда летишь), успокаивает уже рыдающую навзрыд Нинку, уводит её из класса.

Через долгий десяток минут в класс, спросив разрешения, входит улыбающаяся, умытая, причёсанная, с большой конфетой в руке моя соседка.

Со мной «разбор полётов» продолжался дома, в узком кругу. Впоследствии, что бы ни происходило в классе, что бы ни случилось, всегда оказывался виноватым я – сын самого директора школы, – никакого спуска мне родители не давали...

...На кухонном столе чистого уютного домика сельские разносолы (всё со своего огорода) и яства (городские колбасные и другие нарезки), своего производства алкогольсодержащие напитки, от лёгкого вина до неподражаемого деревенского коньяка (пятизвёздочный «Арагат» отдыхает в сторонке). Естественно, налегаю на только что выкопанную и сваренную картошку, посыпанную зеленью, малосольные огурчики, маринованный чеснок, разрезанные на куски огромные жёлтые и красные помидоры, дыню и арбуз, также выращенные на своём огороде.

– Нин, ты изменилась... – выдерживаю паузу, – на чуть-чуть. Сними очки – и вот она, девчонка с озорными глазами моего детства.

– А ты такой же сельский, наш сельский пацан – не директорский сынок, не городской зазнайка и выскочка, а наш – новотарбеевский.

Взяв лопату, пошли с Ниной в огород, я вырыл небольшую ямку, руку погрузил в тамбовский жирный чернозём и насыпал пяток пригоршней в приготовленный для этого мешочек.

– Давно хотел привезти в Тулу горсть родной земли.

– Что ни говори, мать сыра земля.

Так прошёл один день моего пребывания в родном селе спустя долгих сорок лет...

Николай МАКАРОВ

Август 2021 года,

Ново-Тарбеево (Новое Тарбеево) – Тула

«Борись! Ради этого и жизни не жалко. Сколь ужасен и жесток может быть этот мир, не важно! Сколь суров и страшен он может быть, ну и что!» – девиз жизни Ивана Васильченко.

«Я такой, какой я есть»

ДОБРЫЙ АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Они познакомились на демонстрации – токарь Сергей (сейчас, между прочим, с 40-летним стажем) и упаковщица Елена. В то время они трудились на заводе «Прогресс», а Сергей всерьёз увлекался фотографией. И как-то в объектив его фотоаппарата попала стройная симпатичная девушка, от которой он долго не мог оторвать глаз. Спустя какое-то время жизнь соединила их сердца.

Сергей не очень-то верил в предсказания, но ещё в юности его знакомая и цыганка независимо друг от друга предсказали, что у него

будет двое детей, один из которых будет сильно болеть. Первой на свет появилась дочка Людочка, а потом, летом 1991 года, – долгожданный наследник.

Когда он родился – помещался на ладошке, всего-то в 600 граммов весом. Иван появился на свет раньше положенного срока. Врач, принимавший роды, так и сказал: «Не жилец». А у Ваньки дедушка – священник, иерей Александр Дривень. Матушка София забеспокоилась: «А вдруг и вправду умрёт некрещёным. Надо бы срочно окрестить».

День был воскресным, и найти заведующего родильным отделением смогли только на

даче. После небольших переговоров привезли дежурному врачу записку с разрешением окрестить младенца в больнице. Таинство Крещения проходило в процедурном кабинете. С тех пор и появился у Ивана добрый ангел-хранитель. Да и самому малышу нестерпимо хотелось жить вопреки всем прогнозам врачей. И он жил, улыбался своим беззубым ротиком и жмурил глазки от яркого дневного света.

Через три месяца его отправили в Тамбов в детскую больницу, откуда выписали с целым списком диагнозов, один из которых – ДЦП. Ручки и ножки не слушались и застыли в неестественной позе. До семи месяцев малыш был в растяжках. Бесконечные походы по врачам, массаж конечностей – за здоровье малыша боролись с рождения. Всем было немыслимо тяжело. Но Ванька кряхтел, пыхтел и... улыбался.

Повернуться на бочок, положить ладошку под щёчку и уснуть в удобной позе Ванечка не мог. Да и родителям было непросто вынести его в зимнее время на прогулку, ведь надо было упаковать так, чтобы к нежному тельцу не пробрался холод.

УЛЬЗИБАТ

Вскоре был вынесен окончательный приговор – инвалидная коляска. Он наблюдал, как резвились его сверстники, крутили педали на велосипеде, прыгали в классики и улыбался, потому что всей душой был с ними.

Родители всячески старались помочь своему ребёнку и однажды узнали о тульском враче Валерии Борисовиче Ульзибате и его уникальной методике. И на первую операцию в Тулу они отправились вчетвером, вместе с дедушкой. Ивану было семь лет.

Пока собирались в дорогу, замешкались и потеряли время. Таксист, понимая ситуацию, очень торопился, чуть ли не на платформу выехал, и семейство чудом успело запрыгнуть в последний вагон электрички. Дедушка очень хотел присутствовать на операции, но ему не разрешили, объяснив, что и не каждый врач выдерживает эту процедуру.

В мышцах ребёнка не было эластичности, жилы представляли собой туго натянутую леску, и когда воздействовали иглой на патологически изменённые ткани, создавалось впечатление, что лопается струна. Операция длилась двадцать минут, а потом надо было два часа отходить от наркоза. Обычно боль приходила на вторые сутки, и две недели не разрешалось двигаться.

Как-то дедушка, лежавший в больнице на соседней кровати, проснувшись, не обнаружил внука. Он обыскал всё вокруг и лишь позже заметил торчащую у стены рядом с кроватью руку. Малыш провалился в образовавшуюся дыру и крепко спал. Он был очень спокойным ребёнком, и врачи удивлялись его жизнерадостному настрою – он всегда улыбался.

Всего Иван перенёс восемь операций. И на всю жизнь запомнил фамилию Ульзибат – фамилию человека, который подарил ему надежду. Родителям приходилось много работать, как-то крутиться, отец снимал свадьбы, чтобы набрать денег на очередную операцию. Они никого не просили, были наедине со своей проблемой, и лишь однажды им выделили помощь от профкома завода и нашёлся какой-то меценат, который оплатил часть расходов.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Мальчик учился в школе № 6 и был на домашнем обучении. На первую в своей жизни линейку он прибыл на инвалидной коляске. Одноклассники и учителя относились к нему доброжелательно, и праздники он отмечал вместе с классом. Когда Ивану исполнилось 11 лет, пришла в негодность и сломалась инвалидная коляска, на новую не хватало денег. И волей судьбы или промыслом свыше он сделал свои первые шаги... на костылях. Это стоило неимоверных усилий – ноги не слушались, весь центр тяжести перенёсся на деревянных помощников, подмышки растирались в кровь. На глаза ребёнка наворачивались слёзы, сквозь которые он старался улыбаться. Отец всегда говорил ему: «Борись. Иначе что ты будешь делать, когда меня не будет?» И он боролся из последних сил,

но каждый вымученный шаг становился всё увереннее. С тех пор зимой Иван передвигался с помощью ходунков, а летом – на костылях. Свой одиннадцатый класс он заканчивал за школьной партой.

Он мечтал стать юристом. Но, посоветовавшись с отцом, поступил в Промышленно-технологический колледж на программиста. Не очень-то он жаловал математику, но со второго курса полюбил и понял, что программирование – это его. Первый компьютер подарил ему отец в 12 лет, в нём он сам разобрался, без посторонней помощи. Ивану очень нравится своя специальность, только вот не может он найти работу по профессии. Он запросто может переустановить систему или загрузить необходимую программу – с такими просьбами к нему обращаются знакомые.

НА КУДЫКИНОЙ ГОРЕ

«А вы видели в подъезде на первом этаже пристёгнутые костыли? – спрашивает он у меня. – Это мои. Я со своего пятого спускаюсь, держась за перила. А пристёгивать их пришлось после того, как украли. Обычно их никто не трогал. Я потом узнал их, но не отниму же я у человека сомнительного вида со сломанной ногой».

Мамы после продолжительной болезни не стало три года назад. А когда-то в тяжёлый период семейных отношений органы опеки хотели забрать Ивана в интернат, но отцу всё же удалось отстоять сына. Так и живут они сейчас вдвоём. Только и к отцу подкралась болезнь, и он вынужден передвигаться по квартире с помощью бадика.

Закинув на плечи рюкзак или сумку, Иван отправляется в магазин за продуктами, а потом, используя свои кулинарные способности, они готовят пищу. У сына получается отменный плов, а вот картошечка жареная – это уж с отца. Помогает и сестра Люда, по специальности она и повар-кондитер, и товаровед, но у неё своя семья. Когда она училась, брат помогал ей делать рефераты. А сестра приглашает его в интересные поездки. Недавно они целый день

провели в живописном уголке для отдыха – на Кудыкиной горе (Липецкая область). Столько восторга, приятных моментов и положительных эмоций получил младший брат! Только вот на лошади и верблюде не смог покататься, не взяв на себя ответственность хозяева животных.

ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ

У Ивана своя философия жизни, на которую отпечаток наложили беседы со священником дедушкой. Иерей, а впоследствии протоиерей, Александр Дривень более 45 лет прослужил в приходах Тамбовской епархии после окончания Минской духовной семинарии. Он был очень добрым пастырем, никогда не отказывал людям. И если кому-то нужна была его помощь – в любое время и в любую погоду отправлялся по разбитым дорогам на тракторе или подводе служить требы. В 2008 году отец Александр перебрался к родным в Беларусь, а в этом году отошёл ко Господу.

Иван твёрдо знает, что у каждой души своё предназначение на земле и что в жизни ничего не происходит просто так, во всём есть смысл, который откроется позже.

Он любит читать блог фристайлистки Марии Чаадаевой, получившей страшную травму в феврале 2014-го на Олимпиаде в Сочи и до сих пор не чувствующей ног. Ему импонируют сильные, не пасующие перед трудностями люди.

Книжные полки небольшой однокомнатной квартиры гостеприимных хозяев переполнены фантастикой и классикой. Из музыкальных направлений он отдаёт приоритет фолк-року. В интернете Иван любит смотреть каналы по ремонту телефонов и техники, а также передачи, связанные со столярными работами. Ведёт очень активный образ жизни. Походы в драмтеатр, кинотеатр и на концерты заполняют всё его свободное время. Когда скучно – просто гуляет по улицам любимого города, снимает на телефон понравившиеся сюжеты, а потом дома на компьютере монтирует. Или сам задаёт себе сложные арифметические примеры и решает в уме. А ещё пишет стихи, и раздирающие душу

эмоции выливаются в пока робкие поэтические строки.

Каждый раз во дворе дома мужчина почтенного возраста при виде юноши на костылях произносит одну и ту же едкую фразу: «Если бы я был таким, то давно бы застрелился». Иван прощает ему ограниченность ума, просто думает, когда он уже произнесёт что-нибудь другое. Никто не знает, что уготовил нам грядущий день.

У него есть мечта – путешествовать по миру, а ещё встретить любимую девушку. А пока он мечтает о маленьких племяшках.

НЕ ПАДАТЬ ДУХОМ

Наша беседа длилась уже около двух часов. Любимый чёрный кот Ивана – шотландец Пират – по-хозяйски улёгся на моё пальто. А они с отцом очень корректно, не перебивая друг друга, рассказывают мне непростую историю своей жизни, делятся фотографиями.

Нет, они не жаловались и не обижались на свою жизнь. Иван резонно отметил: «Я такой, какой я есть».

Коротко, ёжиком, стриженные тёмные волосы, лучистый взгляд пытливых карих глаз, обаятельная улыбка – он открыт для людей. И масса позитива исходит от доброжелательного молодого человека.

Кому-то не хватает дорогой машины или ещё одной шубы, а для него главное в жизни – что он ходит, выучился и получил профессию, которая ему очень нравится. А людям с ограниченными возможностями он хотел бы пожелать не падать духом и не унывать, придерживаться принципов, иметь цель, быть весёлыми и научиться адаптироваться в современном мире, который порой бывает к ним очень жесток.

Домой я возвращалась очень медленно, как после хорошего фильма, хотелось подольше сохранить в себе светлое чувство, поселившееся в душе после общения с двумя очень сильными духом людьми. У них есть чему поучиться всем нам. И надеюсь, что у Ивана всё задуманное исполнится, потому что не может быть иначе у человека, твёрдо идущего, пусть и с помощью костылей, к своей цели.

Марина ШЕРЕМЕТА

*Фото автора и из семейного архива
Ивана Васильченко*

Ирина ПОЛИВЦЕВА

Поэт, член Союза писателей России. Руководитель паломнической службы Севастопольского благочиния «ИСТОКИ» имени св. равноапостольного князя Владимира. Руководитель севастопольского творческого объединения молодых литераторов. Произведения Ирины Поливцевой публиковались в альманахе «Площадь Первоучителей», журнале «Север». Автор шести сборников стихов. Живёт в Севастополе.

ПОЭТАМ РОССИИ

Россия, Русь – берёзовый подсвечник.
Взметнулось к Небу пламя куполов,
Невеста Божья в платье подвенечном;
Тебя воспеть – не нужно громких слов,

Довольно песни русской, задушевной,
В ней поиск журавлиный, вековой,
Колосьев налитых весёлый шелест,
И голос ветра, пахнувший травой...

Есенинский мотив струной незримой
Певцам отмерил звука высоту,
И не дают поэты-звонари нам
Предать о русской святости мечту.

Они звонят с надрывом, звуки эти,
Тревожат совесть, не дают уснуть.
«Храните Русь!» – звучит с Небес заветом,
Указывая нам спасенья путь.

Певец России – словно Божья дудка.
Пусть голос этот будет свят и чист.
Пока Господь нас не лишит рассудка,
Не отлетит с берёз последний лист.

НА КОЛОКОЛЬНЕ

Тяжёлый гул... Высокий перезвон...
Качнулась высь над дремотой округи.
И тянет грешный мир под небосклон
Звонарь, к колоколам вздевая руки...

Вот он летит – сияет небом взгляд, –
Одеждами играет ветер вольный.
Подростки, окружив его, стоят –
Они впервые здесь, на колокольне.

Потом они, душой постигнув суть,
Звонили сами, просветлев глазами,
Вначале робко – боязно дерзнуть
Самим вступить в беседу с небесами.

Но вот, подвластны им, колокола
Запели, ширя звук густым потоком:
Смелей и твёрже молодость звала
Страну свою к отеческим истокам!

Гул колокольный тучи разломил,
И солнце изошло из-под обломков:
С улыбкою Господь благословил
Святой Руси возрастающих потомков.

* * *

Весна в Крыму! Какое чудо!
Гляжу вокруг – не наглажусь!
Цветенье вешнее повсюду,
Назвать оттенки не берусь!

Миндаль и слива – лишь начало,
Зарозовеет абрикос,
Там – россыпи тюльпанов алых,
Сирень и персик, травы – в рост,

Черешня! – всё не перечислить,
А лишь душой запечатлеть –
И этот цвет, и щебет птичий,
Как хочется летать и петь!

И осознание приходит –
Господь не бросил этот мир,
Коль дал цветение природе
И этот праздник сотворил.

И это небо голубое,
И солнца блики на волне...
Чем заслужили мы с тобою
Кусочек рая по весне?

* * *

Храни, Господь, храни святую Русь!
Земель и пашен наших изобилье,
Лесных ручьёв хрустально-чистый вкус
И журавлей летящих белокрылье.

Поляны земляничные полны,
И белый гриб здесь царствует, как прежде.
Мы детским снам по-взрослому верны,
По тем тропинкам пробежать в надежде...

Куда б ни завела судьба меня,
Но в сердце огонёк горит в окошке –
И дом, и пруд, и у порога кошка,
Дорога в поле – сказками маня...

А сказка главная с названием кратким «жизнь»
Концом своим пока не обратилась.
Живу и говорю себе: «Держись!» –
И уповаю на любовь и Божью милость.

СВЯТЫМ КИРИЛЛУ И МЕФОДИЮ

О Крымская земля! Твои пути
Не зря вели сюда словенских братьев –
Чтоб письменность славянскую нести,
Они стремились в Корсунь, чтоб найти
Здесь мощи Климента и в Рим доставить вспять их.

О сколько здесь переплелось веков,
Историй, судеб, государств, религий!
Апостола Андрея звук шагов
Здесь камни помнят и его вериги...

Здесь Византия с боем приняла
В свои зятя Владимира святого,
И Солнце Красное навеки вознесла
Над Русью православной перед Богом.

Здесь моря Чёрного глубины разошлись
И вынесли святого на поверхность,
Как дар учителям, которые взяли
Создать для нас достойную словесность!

Склоним главы мы к их святым стопам
За те труды, плоды которых все мы
Разносим Словом, рифмой по строфам,
По душам и сердцам, родным напевам.

Звучат молитвы русские в церквах,
Евангельское Слово и Апостол,
И Вера православная в сердцах
И душах русских в скорбях не обсохла.

И Солнце Красное над морем день-деньской
Багряным заревом дарует нам закаты,
Чтоб озарить прекрасный берег свой
И новый день рассвета алым платом!

Тамара ГОРДИЕНКО

Тамара Митрофановна Гордиенко – поэт, прозаик, переводчик, журналист.

Родилась и выросла в Севастополе, в семье военнослужащего. Несколько лет прожила на Дальнем Востоке. Окончила Дальневосточный государственный университет.

Профессия – журналист. Много лет проработала старшим редактором Севастопольской государственной телерадиокомпании.

Заслуженный журналист Украины.

Член Союза писателей России, Европейского конгресса литераторов, Международного Союза славянских журналистов.

Автор 14 книг стихов и прозы для взрослых и детей. Стихи публиковались в Беларуси, Болгарии, Германии, Казахстане, России, США, Украине.

Дипломант международных литературных премий.

В 2021 году стала лауреатом следующих конкурсов: Всероссийского литературного конкурса «Родные, любимые просторы» (1-е место, Россия); Международного литературного конкурса «Интеллигентный сезон» (Гран-при и 1-е место в номинации «Малая проза», подноминации «Литература для детей и юношества», 1-е место в номинации «Литературный перевод», Россия); Национальной премии «Золотое перо Руси» (Россия); Международного литературного фестиваля-конкурса «Русский Stil – 2021» (Германия).

ТВОРЧЕСТВО

И опять до утра сочиняем стихи.
Сердце строки уже не вмещает.
А Господь нас за тяжкие наши грехи
Милосердно и мудро прощает.

Дерзкой кистью кидаем мазки на холсты,
Видом плоти толпу совращая.
А Господь с запредельной своей высоты
Видит всё и грехи нам прощает.

Этой мукой живя, эти ноты любя,
Вдохновенье в полёт превращая,
Мы терзаем рояль, мы уходим в себя,
А Господь этот грех нам прощает.

Мы – шуты, лицедеи, мы ярко горим,
Словно факелы, тьму освещая.
Над ареной, над сценой, над миром парим.
А Господь терпеливо прощает.

Нам, возможно, придётся уйти раньше всех.
Но бессмертье стоит за порогом.
Ибо творчество – это единственный грех,
Поощряемый Господом Богом.

ГОЛГОФА

Нет пророков в своём Отечестве.
Рубят лес, остаются пни.
Содрогнётся вдруг человечество
От призыва:
– Распни!

На рабах, как на псах, ошейники.
Латы, латы блестят окрест.
И лютуют первосвященники:
– На крест!..

А народ утопить бы в хересе,
А не то невзначай поймёт,
Что не яд в вольнодумной ереси,
А мёд.

Но толпа у подножья грудится,
И послушно глумится чернь:

– Вот Мессия теперь покрутится,
Будто червь!..

Морок. Зной. Крест облеплен мухами.
Кровь запёкшаяся густа.
И над всей этой смертной мукою –
Лик Христа.

* * *

Мой южный город! Ветром, зноем, морем
Он с детства мои корни наплатил.
Мне люб тот город – с синевой во взоре,
Где пахнет тёплым суриком металл,

Где с солнцем соревнуется медяшка,
Играет шторм то «Яблочко», то блюз,
Где в юности носила я тельняшку,
Как самую нарядную из блуз,

Где от прибоя парапеты мокнут,
Когда ты по Приморскому идёшь,
Где так до синевы промыты окна,
Что веришь: море мыло их – не дождь,

Где бронзовый Тотлебен, чуть сутулясь,
На гордые взирает корабли,
Где самую красивую из улиц
Большой Морской любовно нарекли.

НАСЛЕДНИЦА ПО ПРЯМОЙ

Я наследница – по прямой! –
Тихих улиц, любимых мной,
Дома старого, и крыльца,
И тяжёлых шагов отца,
Поминальных суровых слёз,
Прожигавших меня насквозь,
И военных его наград,
Всех побед его и утрат.

Я – наследница. По прямой!
Пыльной скатерти с бахромой,
Треугольников фронтовых
И солдатской седой вдовы,
Одиноких её ночей,

Обрекающих быть ничьей,
Инвалидов на костылях,
Доживающих в госпиталях.

Я – наследница по прямой
Тишины и мечты земной!
Я хочу, чтоб тревоги смерч
Не носил бы на крыльях смерть,
Чтоб не падал солдат в ковыль,
Чтоб от горя никто не выл,
Чтоб ликующим майским днём
Не всплеснула земля огнём.

Новый день говорит со мной:
– Ты – наследница по прямой!

* * *

Как бестелесны и тихи,
Невинным светятся румянцем
Стихи для вегетарианцев –
Эстетствующие стихи.

Ты знаешь цену им и счёт,
Но привыкаешь понемножку.
Как вдруг!..
Чем книга привлечёт
Тебя: названием, обложкой?..

Неважно!
Чёрный от потерь
И засыхающий от жажды,
Ты отворишь в ту книгу дверь
И, как в музей, войдёшь однажды.

Там босонога и нага,
От грешной страсти изнывая,
Царит фламандская, живая,
Пирующая плоть стиха!

ЛЁНЬКА С КОРАБЕЛЬНОЙ СТОРОНЫ

РАССКАЗ

– Граждане! Воздушная тревога! Граждане! Воздушная тревога! – раздалось из репродуктора. Завыли сирены, гудки, паровозы.

Лёнька с Павликом обходили четырёхугольник своего двора. Во всех квартирах было темно. Но на третьем этаже из углового окна пробивался яркий луч света. Одним духом мальчишки взлетели на третий этаж и забарабанили кулаками в дверь. Раздались шаркающие шаги, дверь приоткрылась, и из неё выглянула старушка.

– Свет, уберите свет! – закричали ребята.

– Какой свет?... – недоумённо спросила старушка, но они уже не слушали. Отстранив старушку, быстро влетели в квартиру, подбежали к окну и плотно задёрнули маскировочную штору.

– Всё, бабушка, теперь – порядок! – удовлетворённо сказал Павлик. – Смотрите же, закрывайте окна получше!

– Да я, милые, что?... Я же вроде закрывала... – растерялась старушка.

– В следующий раз закрывайте окна плотнее! – строго сказал Лёнька. – А не то будете отвечать по законам военного времени!

Выйдя во двор, ребята ещё раз осмотрелись. Света нигде не было видно.

– Граждане, воздушная тревога! Граждане, воздушная тревога! – звучал из репродуктора тревожный голос.

– Айда наверх! – Лёнька с Павликом бегом припустили по лестнице, которая вела на чердак. Быстро вылезли на крышу, где уже находились несколько дружинниц.

– Куда вас несёт? Ну-ка, живо вниз! – напустилась на мальчишек строгая женщина с красной повязкой на рукаве. – Марш в убежище!

– Тётъ Тань! Мы только вот тут с краешку постоим, посмотрим, – заискивающе сказал Лёнька.

– Нашёл театр! Здесь опасно! – сказала женщина. Но тут заработали зенитки, прожекторы зашарили по небу, и женщина поспешно отошла.

Картина сверху открывалась красивая и жуткая. Над ночным городом метались лучи прожекторов. Бухали зенитки. Чёрная южная ночь освещалась вспышками взрывов. Где-то в районе Морского завода горело. Прожектора, скрестившись, ослепили и вели маленький самолёт. Ещё яростней затараторили зенитки. Самолётик вспыхнул и стремительно понёсся к земле.

– Ура! – закричали на крыше. Люди обнимались и смеялись от радости за наших зенитчиков, сбивших немецкий самолёт.

Как и все севастопольские мальчишки, Павлик и Лёнька прекрасно плавали. Несколько

ко лет назад они познакомились в секции по прыжкам в воду на Водной станции. Познакомились и стали закадычными друзьями. Лёнька жил на Корабельной стороне, в домике, к которому вели вырубленные в скале ступени. А Павлик – в центре города, на первом этаже красивого трёхэтажного дома с колоннами. Учились они в разных школах, но всё свободное время проводили вместе. Когда началась война, Лёнька почти каждую ночь был у Павлика. Ребята обходили двор, проверяя светомаскировку. Когда не было налётов, сидели на крыше, обхватив руками колени, говорили обо всём на свете: о знаменитых путешественниках, о лётчиках, но чаще всего – о войне и о Тимуре.

Полтора года назад появилась книга писателя Аркадия Гайдара «Тимур и его команда». История о волевом, целеустремлённом мальчике Тимуре и его друзьях захватила всех школьников советской страны. Книгу зачитывали до дыр, одноимённый фильм смотрели десятки раз. Тимур и его товарищи перестали быть книжными героями и стали реальными ребятами, на которых стремились походить все мальчишки. Организовывали отряды, выбирали вожака-лидера и делали то же, что и Тимур с его командой: помогали семьям красноармейцев.

Немудрено, что с началом войны тимуровское движение вспыхнуло с новой силой. Тимуровцы помогали тем, у кого отцы, мужья, сыновья были на фронте: покупали лекарства пожилым людям, носили им воду, продукты из магазина, убирали после бомбёжек дворы от обломков и мусора. Лёнька и Павлик были активными тимуровцами. С утра до ночи носились они по городу, опекая стариков и детей.

Но при этом Лёнька был недоволен и часто говорил Павлику:

– Ерундой занимаемся!

– Мы же фронту помогаем! – обижался Павлик.

– Цапки это для лялек, а не помощь фронту, – яростно рубил воздух рукой Лёнька. – В магазин да аптеку сбегать – это и малолетки могут. Нам бы стоящее дело!..

– Но Тимур же считал, что помощь слабым – это и есть стоящее дело...

– Когда Тимур свою команду создавал, был мир, а сейчас – война. И дела у нас другие должны быть. Важные! – стоял на своём Лёнька.

– Но разве мы мало делаем?.. Бутылки пустые для горючей смеси собираем, щели для укрытий в скалках роём...

– А как ты думаешь, Тимур сейчас бутылки собирает? – с ехидцей перебил Лёнька. – Он наверняка воюет. На фронт надо идти, Пашка!

– Да кто ж нас возьмёт, Лёнь? Тимуру-то пятнадцать уже, а нам...

– Ничего, прибавим три года.

– Да, тебе просто говорить – ты вон какой длинный!.. А я маленький, кто мне поверит, что мне пятнадцать?.. Да в пятнадцать-то, Лёнь, тоже ж не берут – берут в восемнадцать.

– На фронт надо! – гнул своё Лёнька.

Однажды вечером Лёнька не смог прийти к другу. На следующее утро, весело насвистывая, он отправился в центр. Но что это?.. На месте дома с колоннами высилась гора камней, досок и строительного мусора. Стояли санитарные машины, около них сустились люди в белых халатах.

– Мальчик, туда нельзя! – загородил Лёньке дорогу милиционер.

– У меня там друг живёт! Пустите! – закричал Лёнька.

– Никто там уже не живёт, мальчик! Иди домой...

– Прямое попадание! – сказал мужик в толпе. – Всех всмятку!

– Господи! – перекрестилась какая-то бабушка.

Три дня после гибели друга Лёнька пролежал, повернувшись лицом к стене, молча сотрясаясь от рыданий. У него больше не было друга, с которым можно было поделиться секретом, доверить самое сокровенное, тайное, что не расскажешь никому другому. Через три дня он встал с сухими глазами и с твёрдым решением: на фронт!

Его день был теперь расписан по часам. С утра Лёнька ходил в школу помогать учительнице Варваре Афанасьевне. Математик Иван Петрович ушёл на фронт, и на ней держалось целых пять классов. Вот Лёнька и учил

первоклашек выводить палочки: «толстая – волосая, толстая – волосая». Потом несколько часов он долбил киркой скалу за домом, углубляя пещерку, в которой они с матерью прятались при налётах и обстрелах. После этого бежал в пошивочную бригаду, где женщины ремонтировали солдатское обмундирование, шили для фронта шапки-ушанки, рукавицы, вязали тёплые носки и варежки. Он таскал тяжёлые тюки с сукном, перематывал пряжу, носил воду. И всё время прислушивался к разговорам, когда же на фронт пойдёт автомобильный обоз с тёплой одеждой, книгами, подарками.

Дождь. Пошёл к начальнику бригады просить, чтобы его взяли в обоз. Начальник посмотрел на Лёньку с сомнением: совсем пацан ещё, ему б за партой сидеть... Но, с другой стороны, на фронте сейчас тихо. А мальчишка крепкий, высокий, вон какие тяжести таскает в бригаде!.. Что ж, таскает тут – и в поездке пригодится: рук-то лишних нет, а кому-то ж надо разгружать-загружать машины. Фронтовики об этом и просить совестно: они воюют.

День был пасмурный, небо обложено тёмно-серыми тяжёлыми тучами, поэтому выехали днём, не опасаясь налёта, тремя машинами. Лёнька ехал в кузове первой. Дорога была разбита, шофёры объезжали воронки от бомб, и качало, как в лодке. В ложбине остановились. Дальше ехать было опасно, дорога простреливалась. Старшая пошла вперёд и скоро возвратилась с краснофлотцами. Начали таскать мешки с обмундированием и ящики с подарками в расположение батальона морской пехоты. Работали быстро, стремясь разгрузиться поскорее. Лёнька старался во всю: закидывал мешок себе на спину и быстро тащил мимо часовых в землянку, сбрасывал наземь и снова бежал за следующим грузом. Когда разгрузка закончилась, а матросы загрузили в машины обмундирование для починки, стали благодарить севастопольцев за помощь и подарки.

Лёнька понял: пора. Он юркнул в землянку, пролез к самой стене и присел за мешками. Сидел долго. Слышал, как звала его старшая:

– Лёнька!.. Лёньку не видели?..

– Да где ему быть: натрудился пацан, спит где-нибудь в кузове. Поехали, – ответили ей.

Машины загудели. Всё стихло. Лёнька ещё долго сидел, боясь, как бы за ним не вернулись. Замёрз. Зарылся в мешки с одеждой и незаметно уснул.

Разбудил его свет фонарика, бьющий в лицо.

– А ну, вылезай! – приказал ему кто-то невидимый.

Лёнька вылез, шурясь и заслоняясь руками от света.

– Кто такой? Откуда взялся?

– Лёнька... Леонид Воробьёв... Из Севастополя...

– А ну-ка, пошли к командиру. Посмотрим, какой ты Леонид Воробьёв!

Выбравшись из землянки, некоторое время шли в полной темноте. Потом конвоир подтолкнул его в спину, и мальчишка влетел в блиндаж, где после ночной темноты ему показалось светло, как днём.

– Это что ещё за явление? – недоумённо спросил военный во флотской форме.

– Товарищ командир, разрешите доложить! – вытянулся по стойке «смирно» Лёнькин конвоир.

– Докладывай, Гринько!

– Так что диверсанта обнаружил, товарищ командир! Мы с ребятами пошли в землянку мешки забирать. Почти половину разнесли по ротам, когда слышу: сопит кто-то. Посветил фонариком – а он лежит, разоспался!.. Это тот малец, что с шефами нашими приезжал.

– Кто такой? – строго спросил командир Лёньку.

– Леонид Воробьёв! – вытянувшись и держа руки по швам, отчеканил Лёнька. – Из Севастополя!

– Ну откуда ты взялся, я понял. Все видели, как ты мешки таскал. А вот что здесь делаешь? Ваши же уехали. Только не ври, что случайно заснул. На фронт удрал?

– Удрал! – признался Лёнька. – Я, товарищ командир, давно хотел на фронт, только меня в военкомате не взяли.

– Правильно сделали, что не взяли, – кивнул командир. – Рано ещё. Лет тебе сколько?

– Пятнадцать! – самым честным голосом сказал Лёнька.

– Врёшь, – уверенно сказал командир. – Годика три прибавил, небось?

– Вот честное пионерское!.. – начал Лёнька и осёкся.

Все засмеялись.

– Ну всё ясно, пионер, – сказал командир. – И что прикажешь с тобой делать? Обратного от править?

– Товарищ командир, не отправляйте меня в Севастополь! – срывающимся голосом попросил Лёнька. – Я воевать хочу!.. У меня друга убило бомбой!.. Я их ненавижу!.. Я поклялся!.. Я полезный, я много чего могу: кашу варить, обувь чинить... Я всё буду делать, что прикажете! А в тыл отправите, всё равно на фронт сбегу, – тихо добавил он.

– И сбежит ведь, – вздохнул командир. – А мать тебе не жалко?

– Да она в подземных штольнях круглые сутки работает, там же и ночует...

– Ладно, пока из Севастополя снова обоз не придёт, побудешь у нас. Алексей!..

– Я, товарищ капитан! – отозвался молодцеватый краснофлотец. До этой минуты он молча сидел в углу, и Лёнька заметил его только сейчас.

– Значит так: подбери обмундирование пацану, – приказал командир, – сапоги его размера.

– И бескозырку, – несмело попросил Лёнька.

– Да, и бескозырку. Будет у меня вторым ординарцем, обучишь его. За пацана отвечаешь лично!

– Есть, товарищ капитан, – козырнул Алексей.

Лёнька быстро освоился в роли ординарца. Заправлял койку, наводил порядок в блиндаже, с полевой кухни, которую моряки называли камбузом, приносил еду для капитана Линкова. А ещё ординарец Алексей Чапин учил его обращаться с оружием. Начали с винтовки-трёхлинейки. Правда, почти сразу же выяснилось, что трёхлинейка для Лёньки и велика, и тяжела. Попробовал пострелять – отдача была такая, что несколько дней болело плечо. Видя это,

Алексей, с разрешения капитана Линкова, научил Лёньку чистить и смазывать трофейный автомат.

– Учись, – сказал ординарец. – В тылу или на фронте, а пригодится. Мы ж тоже не всегда в атаку ходили, с потопленных кораблей на берег пошли воевать. Немцы знаешь как нас боятся? «Чёрной смертью» прозвали. Мы как двинем в атаку, как гаркнем: «Полундра, фрицы! Матросы идут!..» – так они от нас драпают, аж пятки сверкают!..

Через две недели должен был прийти очередной автомобильный обоз из Севастополя. Оставит ли майор Линков его у себя, переживал Лёнька, или отправит в город?..

Декабрьским утром началась мощная канонада. Чёрной тучей налетели немецкие самолёты. Лёньке казалось, что он оглох от воя бомб и мощных разрывов снарядов. Майор глядел на Лёньку с досадой: эх, не успел отправить в тыл! От взрывов земля ухала и вздыхала, как живая. Блиндаж трясло.

Майор Линков чётко отдавал приказы по телефону, отсылал на дальние участки связных, принимал доклады. Потом, покричав в трубку, выругался и отправил связистов чинить связь, а сам ушёл с ординарцем.

Спустя некоторое время они ввалились в блиндаж, грязные, в земле и саже. Майор подсел к столу и что-то быстро написал на листке бумаги. Подозвал к себе Лёньку.

– Ну, Леонид Воробьёв, севастополец, слушай внимательно! Пойдёшь в город! К любому часовому подойдёшь, скажешь, откуда пришёл и что тебе нужно в штаб обороны. Тебя отведут.

– А если мне не поверят?

– Покажешь эту записку – поверят. А на словах передашь, что немцы нас обошли, окружают, боеприпасы на исходе. Связи с городом нет. Посылаю тебя, Лёнька, потому что взрослый не пройдёт, а ты сможешь. Флотское сними, надень гражданскую одежду. Если наткнёшься на немцев – ври, что местный.

– Я скажу, что козу потерял, – сказал Лёнька.

– Хорошо. Оружие не даю. А на самый крайний случай вот тебе граната-лимонка. На самый крайний! – подчеркнул майор Линков.

Лёнька быстро натянул штаны, влез в грязный дырявый ватник, надел старую шапку. Записку засунул в башмак под стельку, лимонку положил во внутренний карман ватника слева. Одежда болталась на нём, и от этого Лёнька казался тщедушным мальчишкой.

– Всё понял, Лёнька?

– Всё, товарищ майор!

– Ну, иди, сынок! Будем живы – свидимся!

Казалось, что вокруг не осталось ничего живого. Высота, на которой стоял блиндаж, была вздыблена снарядами. Всё горело и дымилось, не чувствовался даже декабрьский мороз. Снизу из лощины, стреляя из автоматов, на их высоту шла цепь немцев. Наши не стреляли, выжидая.

В метре от Лёньки лежал присыпанный землёй убитый краснофлотец.

Лёнька опустил уши шапки и, пригибаясь, побежал в сторону города.

На немцев он напоролся через полчаса, когда уже отошёл далеко от наших позиций и двигался по кромке обрыва, поросшего густым кустарником.

– Хальт! – прозвучал резкий окрик.

Лёнька застыл на месте, съёжился, став сразу меньше ростом.

Немцев было трое.

– Ком цу мир! – один из немцев повёл автоматом к себе.

Лёнька понял и медленно стал подходить к немцам.

– Дяденьки, я козу ищу. Дунька у меня заблукала, коза... – плачущим голосом заныл он.

Страх не было, только что-то противно сжалось под ложечкой. А вот слёзы текли настоящие. Лёнька, подвывая, размазывал их грязными руками по лицу.

– Не пришла домой, проклятушая, ищу её, ищу... Мамка меня приберёт, если не найду... – плакал он, прижимая руки к груди.

Немцы переговорили о чём-то между собой, и тот, первый, сделал движение автоматом: взг!

Лёньку не пришлось уговаривать дважды. Он повернулся и, стараясь не бежать, пошёл прочь, чувствуя спиной наставленный на него автомат.

Как вдруг:

– Цурюк! – раздалось сзади.

Лёнька медленно-медленно вытянул гранату из ватника и повернулся к немцам. Немец повелительно манил его рукой к себе. Рывком Лёнька выдернул чеку, неловко, не размахиваясь, кинул её в сторону немцев и в ту же секунду сиганул с обрыва. Вслед ему раздалась автоматная очередь, заглушённая взрывом.

До колотья в лёгких Лёнька ломился через кусты, как можно дальше от того места. Он опасался погони. Если немцы уцелели, им ничего не стоило его догнать. И Лёнька бежал, бежал, бежал, пока не свалился без сил на землю.

Только тут он увидел, что левый рукав ватника весь пропитан кровью. Оторвав от подола рубашки длинную полосу, он как смог перетянул руку. Отдышавшись, встал и пошёл. Саднило лицо, ободранное ветками кустов. Наваливалась дурнота, хотелось спать. Лёнька падал, вставал и шёл дальше.

Впереди было ещё три с половиной года войны.

Лёньку Воробьёва ожидал госпиталь, эвакуация на Большую землю, работа на заводе наравне со взрослыми. В сорок пятом по спецнабору он поступил в высшее военно-морское училище. И только через несколько лет вернулся служить в родной город.

Но своё будущее знать никому не дано.

И сейчас, временами теряя сознание от потери крови, Лёнька упорно брёл в город за помощью...

Тамара ГОРДИЕНКО

ВСЁ КАК ПРИ ШОЛОХОВЕ

Мемориальный сад в усадьбе М. А. Шолохова радует гостей и жителей станицы Вёшенской своими плодами до глубокой осени. Особенно красив он весной – в пору пьянящих ароматов и буйного цветения.

Старожилы Вёшенской знают, что по просьбе М. А. Шолохова этот старинный фруктовый сад был заложен под руководством известного учёного-садовода А. Н. Бахарева, личного секретаря И. В. Мичурина.

Шолохова и Бахарева связывали тёплые дружеские отношения. Они вели переписку. «Рад Вашей телеграмме, от которой повеяло добрым шолоховским теплом и дружбой...» – так писал А. Н. Бахарев в своём письме в апреле 1970 года.

Андрей Николаевич неоднократно посещал дом писателя в Вёшенской, привозя с собой тюки с яблонями, грушами, сливами, вишнями

мичуринских сортов. Он проводил обработку деревьев в саду, высаживал привезённые им новые сорта саженцев. «Думаю, что и сливы будут отлично чувствовать себя на земле станицы Вёшенской. Может быть, летом удасться посмотреть их в натуре», – писал Бахарев. В фондах музея-заповедника хранятся книги с автографами учёного-садовода, его воспоминания о посадке сада.

Андрей Николаевич Бахарев родился 26 октября 1894 года в семье плотника села Ендовищева Козловского уезда Тамбовской губернии. Ещё ребёнком он увлёкся черенкованием ветлы, смородины, тополя, а по окончании начальной школы удивил домочадцев успешным выращиванием овощей. Книги по овощеводству и садоводству стали его стихией. Детство мальчика было тяжёлым. От зари до зари он работал сезонником в помещичьих

имениях, зимой же скитался по купеческим торговым предприятиям. За чтение книг не раз был наказан своими хозяевами. Тем не менее юноша продолжал тянуться к естественным наукам.

В 1923 году Бахарев сближается с помощником И. В. Мичурина И. С. Горшковым, а затем и с самим Иваном Владимировичем. Работая заместителем редактора газеты «Наша правда», А. Н. Бахарев весь свой досуг проводит за изучением садоводства, овладевает техникой гибридизации, выращивания саженцев.

В 1930 году выходит в свет первая книга Бахарева «В мастерской растений», написанная для детей. И. В. Мичурин даёт хорошую оценку этой работе.

По прошествии времени Мичурину потребовался помощник, личный секретарь, который занимался бы не только внешними связями его лаборатории с единомышленниками, но и в совершенстве владел бы всеми смежными с селекцией науками. Таким человеком стал А. Н. Бахарев. Главным долгом он считал собрать воедино огромное наследие своего учителя и развернуть научно-популярную пропаганду.

А. Н. Бахарев, заведующий научным архивом И. В. Мичурина, проделал большую кропотливую работу по изучению и систематизации документов. В 1949 году без защиты диссертации ему была присвоена учёная степень кандидата сельскохозяйственных наук, в 1961 году – звание старшего научного сотрудника.

Бахарев опубликовал 24 книги и брошюры, около 300 статей и очерков о выдающемся биологе и селекционере И. В. Мичурине. Многие из них впоследствии были переведены на десятки языков мира.

Сегодня шолоховский сад с чудесными ароматными «бахаревскими» плодами, его

яркие и сочные краски – это не только возможность окунуться в прошлое. Это одно из популярных и привлекательных мест для проведения фотосессий. За эти годы в саду посетителями музея-заповедника было сделано немало красивых снимков.

Более чем через полвека, 7 октября 2018 года, в станице Каргинской на левом берегу реки Чир прошла церемония закладки Сада писателей России имени М. А. Шолохова, в которой приняли участие известные литераторы, прибывшие из разных регионов России, учёные, известные артисты, сотрудники Музея-заповедника М. А. Шолохова, жители станицы Каргинской.

28 апреля 2022 года подросшие деревца яблонь осмотрел секретарь Союза писателей России профессор Анатолий Труба. Очень порадовала в саду приживаемость деревьев, давших прошлой осенью первый урожай яблок.

Кроме того, были высажены новые мичуринские саженцы, подаренные Союзом писателей России. Для восстановления исторической справедливости у дома, в котором Михаил Шолохов жил со своей семьёй с 1928 по 1935 год, посажена вишня «Молодёжная», причём на том самом месте, где росли вишни, посаженные знаменитым писателем.

По соседству, около дома, в котором в 1927 году временно жил М. А. Шолохов, была высажена груша сорта «Золотой витязь», а на хуторе Кружилинском – яблоня. Сотрудники Музея-заповедника М. А. Шолохова придерживаются строгого правила – высаживать деревья тех пород, которые исторически росли в том или ином месте, и подарок Союза писателей России в виде саженцев мичуринских сортов пришёлся как никогда кстати.

Александр СЕРГЕЕВ

«АЛЕКСАНДРЪ»

 alexlib.ru